

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПРАВА И ПОЛИТИКИ
КАФЕДРА ПОЛИТОЛОГИИ

ШИРХАНЯН САРКИС СЕРОБОВИЧ

КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОСТИ: КРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ДИССЕРТАЦИЯ

На соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01
«Теория политической науки»

Научный руководитель д. филос. н.,
профессор Мирумян К.А.

ЕРЕВАН 2017

КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ: КРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Введение	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ: ОТ АНТИЧНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ	15
1.1 Проблема демократии в политической науке: теоретико-методологические аспекты.....	15
1.2 Становление и развитие демократии в эпоху Античности.....	27
1.3 Специфика демократической традиции в эпоху Средневековья и Нового времени.....	43
ГЛАВА II. КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ А. ДЕ ТОКВИЛЯ	64
2.1 Общая характеристика политической теории де Токвиля.....	66
2.2 Определение основных преимуществ американской демократии.....	82
2.3 Критические аспекты «Демократии в Америке»: принцип «золотой середины» в концепции де Токвиля.....	99
2.4. Актуальность научного наследия де Токвиля в условиях современности.....	115
ГЛАВА III. КОНЦЕПЦИЯ ДЕ ТОКВИЛЯ И ДЕМОКРАТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ	130
3.1 Парадигма «транзит-консолидация» и этапы демократизации Армении.....	130
3.2 Консолидация демократии и консолидация общества в РА: наблюдения в контексте концепции А. де Токвиля.....	142
Заключение	155
Список литературы	163

Введение

Актуальность темы исследования. Исследования по демократии в рамках современного социально-политического дискурса переживают определенный кризис, который, приобретая все более широкие масштабы, проявляется сразу в нескольких важных срезях. Во-первых, речь идет о дефиниционных аспектах демократии, которые характеризуются либо слишком размытой, либо дискретной концептуализацией последней, что обусловлено чрезмерной политизированностью и идеологическим ангажированием данного понятия. Во-вторых, наблюдается определенное смещение акцентов при интерпретации основных идей и ценностей демократии, переосмысление понятий свободы, равенства, права, закона, справедливости и даже государства с позиций крайних форм либерализма, что входит в противоречие с классической теорией демократии. В-третьих, в тупиковой ситуации оказалась и современная парадигма «всемирной» демократизации: попытки подведения или «подгонки» переходных процессов во всех обществах под одну, универсальную объяснительную схему, основанную на теоретико-методологических установках «линейной» модели развития этих процессов, провалились.

Отмеченные обстоятельства, исключительно важные для политической науки, обусловили реактуализацию классических концепций современной формы демократии, сформированной в XVIII-XIX веках и основанной на либерально-капиталистической идейно-ценностной системе координат. В этой связи представляется, что обращение к классикам демократической теории не исчерпало свой эвристический потенциал, а в контексте нынешних кризисных реалий и вовсе приобретает научную необходимость. Среди них выделяется фигура выдающегося французского мыслителя XIX века Алексиса-Шарля-Анри Клерель де Токвиля (1805–1859), который был одним из первых, кто подверг всестороннему и концептуальному исследованию основания современной формы демократии. Де Токвиль не только предугадал логику будущего политического развития мира по демократической траектории, но и предложил свое решение ключевых проблем и противоречий на данном пути. Более того, сегодня его концепция актуальна также в контексте преодоления кризиса в отмеченных проблемных срезях исследований демократии. Так, токвилевское понимание природы демократии, признанное основополагающим в современной науке, раскрывает наиболее существенные, ключевые пласты данного

феномена. Примечательно, что в работах де Токвиля встречается около десятка определений демократии, каждое из которых подчеркивает ту или иную грань; изучение же данного многопланового взгляда на сущность демократии позволяет обеспечить ее более корректное рассмотрение, не суженное идеологическими детерминантами. Во-вторых, токвилевская «схема строительства» демократии, предложенный им принцип совмещения равенства, свободы и других основ демократии, а также критические замечания по контролю над ее деструктивными «природными» чертами в значительной мере объясняют кризис (также предугаданный де Токвилем) современных демократий, которые отошли от этих принципов и впали в крайности демократии: эти страны оказались в «западне», устроенной самой демократией и обусловленной «демократизацией демократии», ее чрезмерным «лелеянием», о недопустимости и губительности чего предупреждал французский мыслитель. Наконец, концепция де Токвиля содержит также пласт рекомендаций и политических уроков по проблеме демократического перехода, что, безусловно, актуально также для социально-политических реалий Республики Армения. Более того, логика токвилевских рекомендаций и оговорок вносит определенную ясность в причины провала современной парадигмы транзита демократии.

Степень научной разработанности темы. Интерес к изучению творческого наследия де Токвиля нашел свое отражение в более тысячи исследованиях, значительная часть которых представлена западными авторами. В 1993 году известный токвилевед Франсуа Мелонио даже посвятил отдельную работу («Токвиль и французы»¹) тому, как на различных этапах развития исследований работ де Токвиля менялось отношение французов к мыслителю. В то же время следует отметить, что отношение менялось не только у французов, но и других народов, в частности, среди представителей научной элиты. В этом смысле можно констатировать, что токвилевская традиция была подвержена перманентному переосмыслению, о чем свидетельствуют также основные этапы развития токвилеведения.

Можно выделить несколько этапов развития исследований трудов французского мыслителя в западной научной литературе, использование которых в

---

¹ См.: Melonio, F. Tocqueville et les Francais. Paris, 1993.

данной диссертационной работе позволило понять логику перманентного упадка и возрождения токвилевских исследований, а также наметить направления их актуализации в современную эпоху.

Первый этап (с 1835 года по 1870-ые) включает период жизни де Токвиля, его активную деятельность, как в научном плане, так и на поприще практической политики. Токвиль был воспринят преимущественно с похвалами со стороны Ф. Р. де Шатобриана, Ш. де Сент-Бёва, а также Руайе-Коллара, который, подчеркивая ценность его работ, отмечал, что «во французской политической литературе не было ничего подобного со времен Монтескье»². При этом эти авторы не писали отдельных работ о Токвиле, что было вполне естественно, так как автор был жив и, более того, часто находился с ними в активной переписке. Тем не менее, спустя несколько лет после смерти Токвиля, в частности, с 70-х годов XIX века начинается период его «забвения», который продолжился более полувека.

Второй этап (начиная с 1920-х годов) развития токвилеведения характеризуется «ренессансом» его работ, их ревизией, а также пересмотром места Токвиля в истории политической мысли. Рефлексия над трудами мыслителя в это время актуализировалась как в Европе³, так и в США⁴. В связи с началом Второй мировой войны, однако, внимание к Токвилю вновь начало постепенно угасать.

После 1945 года научный интерес к наследию французского автора вновь возрос⁵, что ознаменовало начало третьего этапа развития токвилеведения, который, по сути, продолжается по сей день. Примечательно, что вновь было обращено

---

² Цит. по.: **Исаев С.А.** Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб., 1993. С.29.

³ См.: **Salomon, A.** Tocqueville's philosophy of freedom // *Rev. of politics*, Notre Dame, 1939, Vol. 1, No. 2, pp. 400-431; **Goring, H.** Tocqueville und die Demokratie. München; Berlin; Oldenburg, 1928; **Chevillon, A., Strowski, F., Roy, F.** Alexis de Tocqueville et les Etats-Unis. Paris., 1936; и др.

⁴ См.: **Schapiro, J.** Alexis de Tocqueville: Pioneer of democratic liberalism in France // *Polit. science quart.*, 1942, Vol. 57, No. 3, pp. 545-563; **George, W.H.** Montesquieu and de Tocqueville and corporative individualism // *Amer. polit. science rev.* Baltimore, 1922, Vol. 16, No. 1, pp. 10-21; и др.

⁵ См.: **Aron, R.** Idées politiques et vision historique de Tocqueville // *Rev. franc. de sciences polit.*, Vol. 10, No. 4, 1960, pp. 509-526.; **Barth, N.** Die Idee der Freiheit und der Demokratie bei Alexis de Tocqueville. /Zürcher Diss./ – Aarau, 1953.; **Brunius, T.** Alexis de Tocqueville. The Sociological Aesthetician. Upsala, 1960; **Drescher, S.** Dilemmas of democracy: Tocqueville and modernisation. Pittsburgh, 1968; **Nisbet, R.** Many Tocquevilles // *The American Scholar*, Vol. 46, No. 1, (Winter 1977), pp. 59-75; Alexis de Tocqueville on democracy, revolution and society. Selected writings. Edited and with intro. By **Stone, J., Mennell, M.** Press, Chicago and London, 1980; **Furet, F.** The Intellectual Origins of Tocqueville's Thought // *The Tocqueville Review*, Vol. 7 (1985), University of Toronto Press, pp. 117-127; **Leca, A.** Lecture critique d'Alexis de Tocqueville. Aix-en-Provence, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1988; **Schleifer, J.** The Making of Tocqueville's Democracy in America. Foreword by **George W. Pierson** (2nd edition). Indianapolis, 2000; **Kaledin, A.** Tocqueville and his America: a darker horizon. Yale University Press, 2011; и др.

внимание на изучение писем де Токвиля⁶, относительно которых известный писатель XIX века А. де Гобино отмечал, что они «взяты в совокупности, должны быть помещены если не выше, то, по меньшей мере, на уровне всего того, что он написал и опубликовал»⁷. На данном этапе были изданы также работы⁸, которые детально описывали каждый день пребывания Токвиля в Америке (визит в США, как известно, сыграл исключительно важную роль в дальнейшей деятельности мыслителя). Кроме того, работы французского автора стали вновь переиздаваться, было опубликовано много новых переводов⁹, которые придали дополнительные импульсы исследованию его трудов.

Следует отметить, что де Токвиль стал популярным не только в рамках токвилеведения. Многие современные исследователи теории демократии при изучении различных аспектов демократической проблематики также нередко ссылаются на работы французского мыслителя: Р. Даль – при исследовании проблемы соотношения свободы и равенства¹⁰, Р. Патнэм – при изучении гражданской активности, роли ассоциаций и «гражданских ценностей»¹¹, С. Хантингтон – при выявлении роли национального фактора в демократизации¹², а также при подчеркивании значения культуры и «нравов» в строительстве демократии¹³, Дж. Сартори – при обращении к партиям как важнейшим институтам демократической системы¹⁴, С. Липсет – при изучении роли гражданского общества

---

⁶ См.: Tocqueville on America after 1840. Letters and other writings / Edited and translated by **Craiutu, A., Jennings, J.** Cambridge University Press. New York, 2009; **Craiutu, A. Jennings, J.** The Third Democracy: Tocqueville's Views of America after 1840 // American Political Science Review, Vol. 98, No. 3, August, 2004, pp. 391- 404.

⁷ Correspondance entre Alexis de Tocqueville et Arthur de Gobineau. 1843— 1859 // Publiée par **Schemann, L.** Paris, 1908. P.357.

⁸ См., например: **Pierson, G.** Tocqueville in America. The John Hopkins University Press. Baltimore. 1996 (первое издание – 1969 г.

⁹ В частности, речь идет о книге «Демократия в Америке», которая вслед за переводом Генри Рива в 1835 году была переведена также рядом других авторов: **Lawrence, G** (1966), **Harvey, C. Mansfield and Winthrop, D** (2000), **Bevan, G.** (2003), **Goldhammer, A.** (2004), **Schleifer, J.** (2010).

¹⁰ См.: **Dahl, R.** A preface to economic democracy. University of California Press, 1985. P. 12, 21, 22, 50.

¹¹ См.: **Putnam, R., Leonardi, R., Nonetti, R.** Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press, 1994. P. 11, 15, 89, 92, 137, 182.

¹² См.: **Huntington, S.** The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991. P. 17, 27, 316.

¹³ См.: **Harrison, L., Huntington, S.** Culture Matters: How Values Shape Human Progress. Basic Books, New York, 2000. P. XXI, XXV, XXVII.

¹⁴ См.: **Sartori, G.** Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. ECPR Press, 2005. P. 15, 18, 20, 64.

при демократическом порядке¹⁵ и др. Иное дело, что ими рассматривается, как правило, не сама концепция Токвиля, а лишь ее отдельные положения.

В советской и российской литературе этапы развития исследования де Токвиля имели иную траекторию: если до революции 1917 года к Токвилю обращались многие российские авторы, такие как А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, Ф.М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.¹⁶, его книги начали переводить еще с середины XIX века, то в XX веке Токвиль «оказался автором для избранных»¹⁷, а в течение всего времени существования советской власти не вышло ни одного издания его работ. Долгое время Токвиль рассматривался как «буржуазный мыслитель», а его теория – как «мотивировка буржуазно-дворянского союза»¹⁸, и потому его творчество в советской литературе зачастую обходилось стороной. В этом смысле примечательно, что даже работа А. М. Салмина (изданная в 1983 году), сдержанно и местами весьма объективно оценивающая творчество французского мыслителя, имела гриф «Для служебного пользования»¹⁹.

После распада СССР на постсоветском пространстве исследование трудов Токвиля осуществляется главным образом в Российской Федерации: там появились новые переводы и издания токвилевских работ, было написано несколько диссертаций²⁰, цитирование Токвиля стало модным для политических деятелей²¹. Следует заметить, что в Республике Армения за прошедшие 26 лет независимости ни перевода работ де Токвиля, ни каких-либо обстоятельных исследований трудов французского мыслителя осуществлено не было. Представляется, однако, что применение токвилевской исследовательской призмы к специфике армянской

---

¹⁵ См.: **Lipset, S.M.** The Democratic Century. University of Oklahoma Press, 2004. P. 61, 93, 94, 387.

¹⁶ См. подробнее: **Дементьев И.О.** Кто из героев русской литературы прочитал Алексиса де Токвиля? // Слово.Ру : Балтийский акцент, 2011, No. 1—2. С. 97-104.

¹⁷ **Дементьев И.О.** «Столп дворянской идеологии» или «демократ-гуманист»: Алексис де Токвиль в советской историографии // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: мат-лы науч. конф. СПб., 2011. С. 94.

¹⁸ **Алпатов М.А.** Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М.-Л., 1949. С. 166.

¹⁹ См.: **Салмин А.М.** Идеи наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада. М., 1983.

²⁰ См.: **Шаблинский И.Г.** Концепция демократии в политической философии А. де Токвиля: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1989; **Дементьев И.О.** Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004; **Веремчук Л.П.** Проблема социальной революции в исторической концепции Алексиса Токвиля: автореф. дис. ... док. ист. наук. Томск, 2013.

²¹ См., например: **Medvedev D.** Building Russian-U.S. Bonds // Washington Post. 2009. March, 31. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/30/AR2009033002443.html> (дата обращения: 13.09.2016)

социально-политической действительности в определенной мере дополнит существующие исследования становления демократии в Армении, разные вопросы которых были затронуты ведущими армянскими исследователями: в частности, аспекты национальной безопасности демократизации были рассмотрены А. С. Котанджяном,²² идеологический пласт – А. П. Енгояном,²³ элитистские и парадигмальные аспекты – М. М. Маргарян,²⁴ на институциональный срез трансформации политической системы, а также перспектив консолидации демократии РА обратил внимание А. А. Маркаров,²⁵ проблемы становления партийной системы РА были освещены Г. М. Керяном²⁶ и др.

Высокая степень разработанности научного наследия Токвиля (как было замечено – преимущественно на Западе), тем не менее, играет также отрицательную роль в развитии исследований в данной области. Всесторонняя изученность его работ привела к тому, что в науке сегодня наблюдается психологический эффект «исчерпания» эвристического потенциала токвилеведения, достижения некоей «конечной цели» актуализации творчества французского мыслителя. В результате, вокруг трудов Токвиля складывается ситуация, которую можно охарактеризовать выражением: «все его хвалят, но никто не читает». Между тем история токвилеведения наглядно показывает, что каждый этап развития исследований трудов Токвиля был подчинен решению потребностей и задач конкретного времени, поэтому проведенные ранее исследования, имея преимущественно иную направленность и акценты, в настоящее время не в полной мере охватывают спектр вопросов,

---

²² См.: **Քոտանջյան Հ.** Հայաստանի ազգային անվտանգության ռազմավարության մշակման ուղեցույցները տարածաշրջանային անվտանգության համատեքստում, Երևան, ՀՀ ՊՆ Դ. Կանայանի անվան ԱՌՀԻ, 2008:

²³ См.: **Енгоян А.П.** Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветской Армении. Ер., 2011; **Енгоян А.П.** Проблема становления новой армянской национальной идеологии // Сборники конференций НИЦ Социосфера, 2012, Вып. No. 10.С. 44-62.

²⁴ См.: **Մարգարյան Մ.** Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարական անցման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում, Երևան, 2006; **Մարգարյան Մ.** Ժողովրդավարության համախմբումը, որպես ժողովրդավարական անցման մոդելի կայացման գրավական // «21-րդ ԴԱԸ», 2006, No. 4 (14), էջ 155-180; **Մարգարյան Մ.** Քաղաքական լիդերություն. տեսություն և պրակտիկա, Երևան, 2017:

²⁵ См.: **Маркаров А.** Институциональная трансформация в Армении в 1990-2010 гг. (Բնատիտուցիոնալ փոխակերպումը Հայաստանում 1990-2010 թթ.) // «Բանբեր Երևանի համալսարանի», «Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն», Երևան, 2011.С. 35-47; **Маркаров А.** Проблемы консолидации демократии в Армении (на основе анализа ценностных ориентаций и отношений населения Армении) // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Отв. ред. К. В. Киселев. Екатеринбург: РАН УрО Институт философии и права, Уральская академия государственной службы, 2005.С. 56 – 66.

²⁶ См.: **Քերյան Գ.** Քաղաքական կուսակցությունների տիպաբանությունը, Երևան, 2002:

актуальных для нынешних социально-политических, в частности, демократических реалий. По нашему убеждению, в условиях динамически меняющегося мира отмеченное обстоятельство отодвигает многие идеи токвилевской концепции на второй план, они в недостаточной мере переосмысливаются в контексте реалий наших дней, что выступает как еще одна из причин необходимости реактуализации политической теории французского мыслителя.

При изучении темы настоящей диссертации был привлечён широкий круг источников, которые можно разделить на 5 групп. Первую группу составляют основные труды де Токвиля: «Демократия в Америке» (*De la democratie en Amerique*), «Старый порядок и революция» (*L'Ancien regime et la Revolution*), «Воспоминания» (*Souvenirs*)²⁷. Вторую группу источников составляют письма мыслителя, а также его речи, произнесенные по различным поводам перед парламентом, Французской академией и т.д. Они позволяют не только понять степень последовательности де Токвиля в своих убеждениях, но и содержат моменты, которые ранее оказались вне исследовательского поля. Третья, наиболее объемная группа источников, представлена в виде статей, сборников докладов, биографических книг, монографий и т.д., представляющих интерпретацию идей де Токвиля, а также рефлексию над его трудами и деятельностью. Четвертая группа – это работы авторов, которые непосредственно не обращены на токвилевскую научную традицию, но позволяют понять место наследия де Токвиля в истории и теории демократии, а также выражают «парадигмальный контекст» концептуализации демократии и демократизации в настоящее время. Наконец, данное исследование требовало также обращения к Конституции и к Стратегии национальной безопасности РА, а также к некоторым статистическим данным, рассмотрение которых было необходимо для приложения идей де Токвиля к современным реалиям Армении.

В диссертации использованы работы на 5-и языках: русский, английский, армянский, французский и немецкий.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования настоящей диссертации является концепция демократии Алексиса де Токвиля. В качестве

---

²⁷ Данная исследовательская работа основана преимущественно на русском переводе трудов де Токвиля, однако в ряде случаев было осуществлено сравнение с английской и французской (язык оригинала) версиями.

предмета исследования выступает критическое осмысление концепции французского мыслителя в контексте реалий современности.

Основная цель и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является критический анализ концепции демократии Алексиса де Токвиля в контексте современности, переосмысление и определение значимости и степени применимости его концепции в условиях современных кризисных реалий теории демократии и социально-политической практики.

Для достижения отмеченной цели были поставлены следующие задачи:

- Обзор основных этапов становления и исторической трансформации демократии как необходимое условие для адекватного понимания природы современной де Токвилю демократии;
- Выявление осевых проблем концептуализации демократии и определение значимости теории де Токвиля в контексте выработки теоретико-методологических ориентиров исследования демократии;
- Определение ключевых характеристик политической теории Токвиля, которые обусловили логику его мышления, а также его исследовательские акценты при изучении феномена демократии;
- Выделение основных преимуществ народовластия, подмеченных де Токвилем на примере американской политической системы и в значительной мере предопределивших популяризацию теории французского мыслителя.
- Изучение критического среза токвилевского анализа сущности демократии и выявление основных рекомендаций де Токвиля;
- Определение основного пласта концепции де Токвиля, актуального в условиях вызовов и проблем демократии в современном мире, а также выявление ранее обойденных исследовательских аспектов токвилеведения;
- Изучение парадигмы «транзит-консолидация» как ведущей теории по исследованию проблем демократического перехода, выявление ее «антитоквилевской» логики в контексте исследования процессов демократического строительства в современной Республике Армения;
- Рассмотрение и оценка современных реалий демократизации Армении с позиций некоторых принципов и идейных положений концепции де Токвиля.

Методологическая основа исследования. Исследование концепции де Токвиля требовало апеллирование к ряду методологических подходов и принципов, а также общенаучных и частнонаучных методов. В данной работе были применены, прежде всего, бихевиоральный, структурно-функциональный и институциональный подходы. Это обусловлено тем, что и сама концепция де Токвиля построена на ключевых установках этих подходов, что наблюдаются, например, при изучении мыслителем природы «демократического человека», основных институтов демократического порядка, механизмов их функционирования и т.д. Кроме того, некоторые проблемы, затронутые в данной диссертации, были исследованы также с позиций синергетического подхода. При этом и эти доводы сопровождаются ссылками на труды Токвиля, предвосхитившего многие идеи синергетики, которая в качестве научной теории была оформлена лишь во второй половине XX века.

Обращаясь к методам настоящего исследования, следует выделить метод критического анализа, который был применен при изучении не только концепции де Токвиля, но и позиций авторов, рассматривающих различные аспекты токвилевской теории. Это позволило, с одной стороны, учесть достижения в области токвилеведения, с другой стороны, не ограничивать исследовательскую призму диссертации рамками сложившихся исследовательских традиций и с этих позиций выявить новые аспекты и грани его теории. Кроме того, в диссертации был применен также ряд общетеоретических методов – сравнение, анализ, синтез, обобщение, аналогия, моделирование и др.

Основные результаты и научная новизна исследования. Критический анализ и переосмысление концепции демократии де Токвиля в контексте современных реалий в настоящей диссертационной работе позволили зафиксировать следующие результаты исследования, содержащие элементы научной новизны:

1. В диссертации выделено и обосновано, что концепция Токвиля постулирует необходимость изменений в современной парадигме демократизации, что связано с формированием принципиально нового осмысления демократии в условиях беспрецедентного для ее истории всемирного, «транс-цивилизационного» распространения, выхода демократии (ее классической, западной традиции) из среды сугубо западного культурно-цивилизационного пространства. В этом контексте впервые подчеркнута имплицитно проявляемая

- в теории мыслителя «нелинейная модель» демократизации, в противоречии с которой оказалась современная т.н. «векторная» парадигма.
2. Выявлено, что в различных срезах концепции де Токвиля наблюдается ряд принципов теории синергетики и подмечено, что синергетические идеи в трудах французского автора проявляются не дискретно, а пронизывают логику его мышления, представляя весь синергетический «цикл» демократии – упадок прежней системы и переход к новой (в концепции Токвиля – проблема революции и ее причин), становление и период «нормального» развития (самоорганизация демократии в силу ее основных системных преимуществ), появление новых флуктуаций и новая точка бифуркации (отсутствие «контроля над демократией» и, как следствие, смена системы).
  3. По-новому трактуются многие идеи Токвиля, которые в токвилеведении получили неоднозначную оценку. В частности, речь идет о корректировках и оговорках при определении «либерализма» де Токвиля, при изучении многопланового токвилевского определения «демократии», при выявлении его «модели» соотношения свободы и равенства, при изучении его критики социалистических учений и т.д., что позволяет с новых позиций рассматривать и оценивать актуальность концепции де Токвиля в условиях современного мира.
  4. Выделено и обосновано, что концепция демократии де Токвиля основана на принципе «золотой середины», о чем свидетельствует не только умеренная позиция мыслителя при изучении ключевых проблем демократии, но и то обстоятельство, что для автора недостатки демократии представляют собой вырождение ее же преимуществ, результат «чрезмерной силы» достоинств демократии, следствие отсутствия контроля над ней.
  5. По-новому оценивается «токвилевский отказ» от истории демократии. Де Токвиль лишь изредка ссылается на историю народовластия, что стало основанием для утверждений, что в его теории наблюдается некоторый отказ от истории феномена демократии. В настоящей диссертации выдвигается тезис о том, что малое количество ссылок на историю демократии вовсе не свидетельствует об «обходе» автором данного исследовательского среза: мыслитель, исходя из реалистических убеждений, скорее, пытается выделить

современную ему форму демократии, определить основное поле своего исследования. Именно этим объясняется тот факт, почему в его теории пласт истории демократии не имеет ярко выраженного характера. Более того, представляется, что Токвиль не мог без познаний в области истории демократии делать выводы о ее современной форме.

6. Предпринята попытка рассмотрения концепции де Токвиля с позиций современной «консолидологии». В этом контексте выявляются токвилевские условия «консолидации демократии», понимаемые, однако, в рамках некоторых оговорок, в частности, по разграничению понятий «консолидационного» и «консолидологического». Токвиль по известным причинам не оперирует терминами и ключевыми идеями современной «консолидологии» (в том числе «консолидацией демократии»), но при этом затрагивает ряд аспектов, непосредственно связанных с социально-политическими механизмами консолидации, т.е. единения общества и нации, что в свою очередь в рамках теории французского мыслителя выступает в качестве ключевого условия успеха демократизации, закрепления основ демократии (т.е. ее «консолидации»).
7. Впервые предложено рассмотрение реалий демократизации Республики Армения с позиций концепции де Токвиля, применение его рекомендаций в решении проблем, с которыми наше общество сталкивается при разработке и осуществлении государственной политики демократического строительства. В этой связи, в частности, подчеркивается необходимость актуализации токвилевского тезиса относительно обеспечения социального (и национального) единства как важнейшего условия успеха демократии, а также выдвигается идея «национализации» демократии и «эндогенизации» процесса демократизации, адаптации устоявшихся моделей демократии к специфике армянских социально-политических реалий.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертации может быть рассмотрена в нескольких срезax: во-первых, эта работа значима в плане выявления новых исследовательских аспектов в токвилеведении, которое занимает важный и массивный пласт современной теории демократии; во-вторых, исследование представляется значимым в разрешении ряда

противоречий (с токвилевских позиций) в вопросе концептуализации современной демократии; наконец, в-третьих, данная диссертация выступает в качестве первой попытки по актуализации давно признанного на Западе теоретического наследия де Токвиля в пространстве политических исследований Армении.

Практическая значимость данного исследования заключается в выделении ряда рекомендаций де Токвиля в качестве «инструкции» по демократическому строительству, проецирование этих наставлений на современные социально-политические реалии (в том числе реалии Армении). Кроме того, материалы диссертации могут быть использованы при разработке учебных пособий или курсов лекций для студентов высших учебных заведений, а также при написании научных трудов по исследуемой проблематике.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, девяти подглав, заключения и списка использованной литературы. Объем данной работы составляет 162 страницы без списка литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ: ОТ АНТИЧНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

В токвилеведении давно признан тот факт, что политическая концепция де Токвиля выступает как анализ современной ему демократии, т.е. той ее формы, которая была сформирована в период Нового времени. Представляется, однако, что при исследовании его теории отмеченное обстоятельство вовсе не отменяет необходимость целостного изучения истории демократии и даже, наоборот, подчеркивает важность подобной работы. История демократии охватывает период более двух с половиной тысяч лет, на протяжении которых народовластие подвергалось различным трансформациям, при этом представляя свою многомерность, свое богатое и многоаспектное содержание. Данный пласт исследований демократии не только позволяет наметить различия и схожести в понимании демократии в эпоху де Токвиля и в предыдущие эпохи, но и позволяет выявить саму логику развития демократии. Более того, разрешение многих современных проблем демократии (актуальных также в контексте исследования политической концепции Токвиля) представляется возможным лишь при условии обращения к истории и теории демократии, начиная с самых истоков формирования феномена: этот громадный массив знаний выступает как важный фон в поиске ответов на многие вопросы, актуальные в условиях современности.

1.1. Проблема демократии в политической науке: теоретико-методологические аспекты

В современном мире понятие демократия занимает особое место как в науке, так и в социально-политической практике. Самые разные сферы общества подчинены логике демократического видения мира, данный путь по разным причинам и в силу ряда обстоятельств выступает как неизбежность для всего человечества. Вместе с тем, несмотря на многовековую богатую историю демократической мысли, в настоящее время нет четкого восприятия и однозначного понимания демократии: существуют сотни определений, по-разному интерпретирующие институты, нормы и практики, в комплексе называемые «демократическими». Существует также множество теоретических подходов и различных концепций относительно идеи демократии, которые нередко противоречат друг другу. Эти обстоятельства в значительной мере

осложняют исследовательскую работу. Более того, неоднозначный, нечеткий и разносторонний подход к определению феномена демократии оставляет значительное место для теоретических «маневров» и инсинуаций. В этом смысле политическое по содержанию понятие демократии приобрело характер политизированности, что ввело ее научное исследование в хаотическое поле неоднозначности и недопонимания.

Подобная неясность в определении понятийных основ демократии не случайна. Сегодня она имеет узкое и широкое значение. В узком смысле под демократией понимается тип политического режима, т.е. она характеризует способы, методы, приемы осуществления политической власти и регулирования политических отношений в государстве. Очевидно, что в этом контексте она претерпела трансформацию: в Античности демократия понималась как форма правления и лишь с XX века демократия стала характеризоваться как политический режим. Кроме того, примечательно, что даже понятие политического режима неоднозначно воспринимается в современной науке. Так, «политический режим» исследуется в рамках двух традиций: 1. Институционального или политико-правового подхода (Г. Лассуэл, К. Бэкстер, Ф. Риггс, Р. Бейкер и др.), представители которого рассматривают режим как производное от политической системы, от типа политических структур и правовых норм данного общества; 2. Социологического подхода (М. Дюверже, Ж.Л. Кермоп и др.), представители которого рассматривают режим как понятие, которое отражает реальный тип взаимоотношения государства и его населения вне зависимости от модели правовых или системных норм²⁸. В американской же литературе и вовсе вместо понятия «режим» часто употребляется термин «политическая система». Таким образом, даже в узком, «режимном» значении понятие демократии не имеет общепринятого понимания.

В широком значении демократия одновременно выступает и как политический режим, и как политическая система, и как форма правления, и как форма государства в целом. Подобное, «размазанное» понимание демократии непосредственно связано с политическим ангажированием термина. Демократия все более и более отходит от научного дискурса и приобретает политико-идеологическое значение. В этой связи уместны слова американского политолога Р. Даля, который отмечает, что «слово, которым обозначают все, не означает фактически ничего; то же самое случилось и со

---

²⁸ См.: Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995. С. 12

словом демократия, которое в наше время не столько выражает очерченный и специфический смысл, сколько является знаком расплывчатого одобрения популярных взглядов»²⁹.

Другой известный политолог Джованни Сартори считает, что подобное искажение понятий имеет более широкий размах и характерно не только для демократической проблематики, но и для значительной части политологических исследований. Обращаясь к методологическим проблемам сравнительной политологии, Сартори подметил, что большинство исследователей уже длительное время занимается искажением концептов. «...Мы прибегаем к растяжению концептов, или концептным натяжкам, т.е. к расплывчатой, аморфной концептуализации... И конечным результатом таких натяжек оказывается то, что приобретения с точки зрения зоны охвата, как правило, оборачиваются потерями в плане содержательной (connotative) точности. Получается, что мы можем охватить большее пространство, только если скажем меньше, причем скажем это гораздо туманнее», – писал Сартори еще в 1970 году³⁰. Политолог, таким образом, заметил тенденции, которые привели к тому, что при рассмотрении тех или иных понятий их объем искусственно расширяется за счет размывания содержания, что в свою очередь провоцирует утрату точности, «околонаучную», размытую концептуализацию. Схожую мысль выразил также А. Цукерман, который хотя и рассуждает по поводу понятия элиты, но формулирует суждение более широкого характера: «Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием»³¹.

Следует отметить, что анализ основных подходов к пониманию демократии во многом доказывает правомерность замечаний указанных исследователей. С одной стороны, в теоретическом пространстве политической науки наблюдаются чрезмерно размытые определения демократии, которые, в свою очередь, предполагают достаточно широкий спектр интерпретаций и подходов в понимании данного феномена. С другой стороны, заметны подходы «осколочные», сужающие

---

²⁹ Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В.Ильина. М., 2003. С. 9.

³⁰ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // «Политические исследования» (Полис), 2003, No. 3-5. С.69.

³¹ Zuckerman, A. The Concept «Political Elite»: Lessons from Mosca and Pareto // «Journal of Politics», 1977, No.39. P.327.

содержание концепта. Наиболее ярким примером последнего является попытка, выражаясь терминологией позитивистов, «верификации», редуцирования демократии до т.н. «протокольного предложения», в соответствии с которым демократия, по сути, определяется как модель политической системы в виде действия рыночной экономики и либеральной идеологии, от общества к обществу дифференцируемая «пакетом» институтов и норм. При этом зачастую подобное понимание демократии искусственно переводится на весь объем понятия, то есть, т.н. «либеральная» интерпретация демократии, которая, как показывает история, представляет нам лишь современную (начиная с XVIII–XIX веков) форму демократии, сегодня часто представляется в качестве демократии *per se*, как сам концепт демократии. Иначе говоря, понятие демократии подменяется ее суженным пониманием, проявляемым установками лишь ее современной, либеральной формы.

Некорректность подобного подхода обусловлена тем, что история демократии – это история ее разных вариаций, рассматриваемых, прежде всего, в рамках конкретной эпохи, конкретного этапа развития феномена. Так, в эпоху Античности демократия воспринималась в культурно-мировоззренческом контексте в форме афинской модели прямой демократии с сочетанием института рабства (в свою очередь имевшего специфические черты) и т.д.; в Средневековье демократия получила иную интерпретацию: «демократия» выступала уже как представительная, парламентарная республика; наконец, и современная модель демократии является демократией исключительно в рамках современности, оцениваемая с позиций сегодняшних доминирующих социально-политических ценностей (пронизанных идейными установками либерализма и капиталистического общества). Таким образом, речь идет как минимум о 3 разных пониманиях демократии, где каждая отражает дух эпохи и в этом смысле каждая по-своему «верна». Объединяет же всю историю демократии, все эти три эпохальные формы номинальная формулировка «власть народа». Фактически, именно эта идея пронизывала все трансисторическое понимание демократии, следовательно, именно в ней следует искать понимание «демократии вообще», а не ее конкретной «модельной» вариации. Поэтому определение демократии как понятия с позиций лишь ее современной формы представляет методологическую ошибку, и этот подход можно рассматривать лишь в контексте определения современной формы демократии, а не демократии вообще.

Итак, небезосновательным будет утверждение, что проблема определения демократии сама по себе мыслима в рамках определенного контекста и определенного дискурса, обусловленного исторической эпохой, а также парадигмальными установками этой эпохи. С данной точки зрения перенесение одной, частной формулировки на весь феномен, универсализация частного некорректна. Думается, что при определении современной демократии основная ошибка заключается в допущении, что ее история – это история прямолинейного развития, история линейного прогресса, а современная демократия выступает как «апогей» этого развития, и именно поэтому понятие демократии должно определяться в духе принципов и идей лишь современной, «высшей» формы демократии. Вместе с тем представляется, что история демократии, логика ее развития, скорее, объяснима с позиций синергетического подхода, ведущей объяснительной теории современной, по определению В. С. Степина, постнеклассической науки³².

Синергетика, рассматривающая «неравновесные» и открытые системы в физике, представила механизм развития, применимый также и в социальных науках. Суть подхода заключается в следующей формуле развития: импульс среды предопределяет колебания системы (открытой системы), так называемые «флуктуации», продолжительность, количественное накопление которых в итоге приводит к точке бифуркации («точке невозврата»), предопределяющей разные пути и возможности дальнейшего развития объекта. При этом, несмотря на то, что сам выбор системы того или иного сценария развития имеет случайный, непредсказуемый характер, тем не менее, в рамках исследования синергетического подхода было подмечено наличие некоторого естественного влечения системы в сторону определенного выбора, определенного состояния системы, что обозначается термином «аттрактор»³³. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что несмотря на самые различные метаморфозы создаваемых после бифуркации систем, несмотря на их качественное отличие, существует некоторая «природная связь» между состояниями системы (феномена) в процессе ее развития, которая пронизывает все ее трансформации и создаваемые вследствие их вариации. Чаще всего эта связь

---

³² См.: **Степин В.С.** Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии, 1989, No. 10. С. 3–18.

³³ См.: **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. Общ. Ред. и послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М., 1986. С. 173.

обусловлена тем обстоятельством, что «поведение систем зависит от их предыстории»³⁴.

С этих позиций следует рассматривать также и развитие демократических систем: общество (демократическое) выступает как пример открытой системы, которое подвержено влияниям среды (эпохи); объективно или субъективно порождаемые тенденции смены эпохи знаменуют смену среды, и направляемые импульсы приводят к флуктуациям демократии данного исторического периода; усиление флуктуаций приводит к точке бифуркации, после которой система (демократия) «выбирает» определенный сценарий развития, в результате чего порождается определенная модель, тип демократической системы (в глобальном срезе – переход от античной к средневековой, затем к современной форме). При этом в качестве аттрактора, притягивающего начала всех этих системных, бифуркационных трансформаций, выступает идея народной власти, которая объединяет качественно отличающиеся модели демократической системы. Таким образом, развитие демократии во многом объясняется именно через подход синергетики, который открывает исследователю историю развития (самоорганизации) демократии в форме проявления многовариантности феномена. Каждое качественное изменение системы в данном случае не выступает как ступень прогресса, а выражает ту или иную грань феномена, возможность его реализации в определенном варианте. Более того, точка бифуркации предполагает также возможность уничтожения системы. В этой связи А. Баблюянец замечает, что «эта ситуация (точка бифуркации – С.Ш.) напоминает бегуна, который... достиг пересечения трех дорог. Прямая дорога продолжается через шаткий мостик. Если бегун будет продолжать путь через мостик, он может потерять равновесие и упасть на одну из «твердых» дорог, пересекающихся под ним».³⁵

В свете сказанного можно заключить, что современное состояние демократии не означает с необходимостью ее высший или предельный уровень эволюции, следовательно, оно выступает лишь как очередное «постбифуркационное»³⁶ состояние системы (демократии), из чего в свою очередь следует, что и оценка всей

---

³⁴ См.: Там же. С. 217.

³⁵ Баблюянец А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М., 1990. С. 200.

³⁶ См.: Ширханян С.С. К вопросу о концептуализации демократии в современности: синергетический аспект // Вестник РАУ, 2016, No 3 (24). С. 48.

истории демократии исключительно с позиций ее современной формы с научной точки зрения некорректна, она представляет «суженную» форму концептуализации «демократии».

Другая проблема, наблюдаемая в условиях современного демократического дискурса, обусловлена изменением самого контекста, в котором демократия рассматривалась и рассматривается как эффективная модель государственного строительства. Речь идет об изменении функций и амбиций, самой миссии демократии в современном мире. Исторически демократия возникла, развивалась и применялась именно на Западе, потому и выступает как продукт, прежде всего, западного мышления: на протяжении веков все ее преимущества и победы исходили и соответствовали также культурно-цивилизационному коду мышления именно «западного человека». Однако с конца XVIII и начала XIX века, когда сформировалась современная форма народовластия, демократия начала претендовать на всемирную гегемонию, всемирное распространение и применение, выйдя из «колыбельного» и традиционного для нее западного социально-политического и культурно-цивилизационного пространства. При этом парадигма демократии не изменилась, эпистемологические основы исследования демократии не были приспособлены к новому, «транс-цивилизационному», всемирному контексту ее осмысления: демократия продолжала и продолжает мыслиться в рамках сугубо западных ментальных установок, т.е. в рамках, условно выражаясь, «одномодельной» (западной) парадигмы. С этих позиций демократизация мира в рамках действующей парадигмы представила не демократизацию в строгом смысле слова, а один из пластов «вестернизации» мира, накладывание западного опыта демократии на незападное пространство. Подобный процесс не мог не вызвать контрреакцию, чем и объясняется «пробуксовка» демократизации в наши дни. Продвигаемая зачастую политико-экономическими факторами и идеологическими целями, демократия, с одной стороны, продемонстрировала суть искусственной акселерации демократизации, ее пагубность (арабские страны как жертвы «демократического транзита»), а также «обратный эффект» для инициаторов этих процессов (миграционный кризис в ЕС как следствие «демократизации»), а с другой стороны – с методологической точки зрения свою незрелость для применения западной демократии вне западного мира. Таким образом, специфика и, одновременно,

аномалия сложившейся ситуации заключается в том, что, с одной стороны, в современном политическом дискурсе муссируется положение о том, что демократия представляет собой универсальную ценность и поэтому должна служить ориентиром, образцом государственной модели для всего мира, с другой стороны – демократия продолжает рассматриваться в рамках того пласта феномена, который отражает лишь западный код культурно-цивилизационного мышления. Поэтому вполне естественно, что данная «модель постановки проблем и их решения»³⁷, как правило, не работает в контексте незападного мира, хотя при этом продолжает интенсивно прививаться как в научной среде, так и в плоскости практической политики.

Правомерно будет утверждать, что демократия – это специфическая составляющая духовной культуры Запада, которая представляет собой не просто идею, но и комплекс ценностей. Поэтому попытки ее всемирного распространения представляют собой не просто перенос тех или иных политических практик, но экспансию культурную (в наиболее широком смысле слова), экспансию ценностей. Американский исследователь С. Хантингтон, рассматривая проблемы различия цивилизаций, культурно-ценностных моделей, обратил внимание на то, что уникальность цивилизаций создает устойчивый фундамент для стремления к самосохранению. Поэтому когда цивилизации влияют друг на друга, в этом таится не только положительный момент взаимообогащения, но и более вероятный, потенциальный риск конфликта, столкновения, поэтому по мере усиления незападных цивилизаций, отношения между цивилизациями «не будут тесными, а зачастую будут антагонистическими»³⁸. Отмечая специфические качества западной цивилизации, такие, как западное христианство, классическое наследие античности (римское право, греческая философия и т.д.), он подчеркивает и такие черты, как верховенство закона, социальный плюрализм и гражданское общество, представительские органы, права человека и т.д., суть которых в комплексе представляет современное западное видение, западную модель демократии как таковой. Однако, понимая, что эти ценности, в том числе западно-демократические, не могут стать универсальными в силу отмеченной выше цивилизационной специфики, Хантингтон приходит к выводу, что «запад уникален, но не

---

³⁷ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 16.

³⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С.280.

универсален»³⁹, а комплексная универсализация западного опыта потенциально конфликтогенна, а в большей мере – предсказуемо проблематична.

Вместе с тем проблемность демократизации мира по западному образцу не означает отказ от западной демократии. Более того, западная модель демократии на сегодняшний день представляет основную и, по сути, единственную идейно-теоретическую традицию демократии. Иное дело, что в настоящее время речь идет о демократизации всего мира и потому демократия не может быть ограничена лишь «западным» пониманием: она должна исходить из последней, но не замыкаться в ее рамках. Представляется, что данное обстоятельство актуализирует проблему переосмысления основных установок и ориентиров, в рамках которых рассматривается современная демократия.

Заметим, что попытки переосмысления демократии наблюдались и ранее: история демократии сама по себе предстает как процесс переосмысления различных форм демократии. При этом, эти процессы имели место в рамках самой западной демократической традиции: разновидности демократии, возникшие после афинского варианта и с сегодняшних позиций значительным образом отличающиеся от первой демократии, тем не менее, представляли собой не что иное как разновидности одной общей западной модели демократии. В этом контексте важно отметить, что само понятие «модель демократии», встречающееся у многих современных авторов, нуждается в некоторых корректировках. Так, авторы пишут о моделях не демократии вообще, а именно о западной (модели) демократии и в этом смысле речь идет не о модели, а, скорее, о «субмодели» демократии. Сегодня же переосмысление должно касаться аспектов, связанных с «моделями» не западной демократии, а демократии как таковой. Иначе говоря, речь идет о рефлексии не в рамках, не «внутри» одной, общезападной модели, как это происходило на протяжении всей истории демократии, а о рефлексии по отношению («внешне») к этой модели⁴⁰, предполагая «выход» из рамок ее парадигмальных установок. Образно выражаясь, можно постоянно заходить в одну и ту же комнату и лишь переставлять местами мебель или же привносить

---

³⁹ **Huntington, S.** The West: Unique, not universal. Foreign Affairs magazine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-11-01/west-unique-not-universal> (дата обращения: 06.07.2016)

⁴⁰ См.: **Ширханян С.С.** О «многомодельной» парадигме демократии // Сборник статей по материалам X годичной научной конференции РАУ.–Ер.: Изд-во РАУ, 2016. С. 261.

новые принадлежности; но выйдя из комнаты, можно посмотреть на саму комнату, а не лишь на то, что в ней есть и обнаружить наличие также других комнат.

Развиваемая в рамках западной традиции современная демократическая теория, как правило, не выходит из «комнаты» и сводится к «перестановкам внутри нее», что, однако, в большей мере естественно и обусловлено самими эпистемологическими установками действующей «одномодельной» парадигмы демократии. Поэтому не случайно, что многие известные авторы обходят отмеченные выше вопросы, так как их интересует иной проблемный срез. К примеру, исследовательская позиция Дж. Сартори также представляет собой западно-центристский вариант толкования демократии, основанный на том же принципе ревизии одной разновидности западной модели («субмодели») демократии с позиций другой. В частности, он критиковал модель «конкуренции лидерства»⁴¹ другого известного исследователя демократии Й. Шумпетера, выдвигая модель правления большинства, ограниченную правами меньшинства. В этой связи Д. Доло в рецензии на книгу Сартори «Пересматривая теорию демократии» отмечает: «Сартори склонялся к рассмотрению своей новой работы как канонического текста для Западной демократии»⁴². Иначе говоря, итальянский мыслитель ставит перед собой конкретные задачи, которые связаны с определением узловых проблем преимущественно внутри западной парадигмы демократии.

С тех же позиций следует оценивать и «модели» других ведущих исследователей демократии. Так, модель «демократической автономии» Д. Хэлда, основанная на идеях повышения уровня подотчетности государства народу, конкурентной партийной системы, развитого гражданского общества, особой роли муниципальных институтов и т.д.⁴³, также обращена на решение тех проблем, которые существуют «внутри» либеральной демократии. «Паттерны» («Вестминистерский и Консенсусный»)⁴⁴ А. Лейпхарта, основанные на сочетании элементов различных «моделей» демократии, также обращены лишь на «субмодели»

---

⁴¹ См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. Пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М., 1995 С. 269-272.

⁴² Zolo, D. Book Review: The Theory of Democracy Revisited (by G. Sartori) // Ethics, Vol. 99, No. 2, 1989. P. 431.

⁴³ См.: Хелд Д. Модели демократии. Третье издание / Дэвид Хелд; пер. с англ. М. Рудакова. М., 2014. С. 462-464.

⁴⁴ См.: Lijphart, A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries, Yale University Press, 1999. P. 9-45.

народовластия: хотя в срезе изучения 36 стран исследователь рассматривает не только западные страны, но и незападные государства (Израиль, Южная Корея, Ямайка, Ботсвана и др.), государственное устройство последних основано на подражании западной политической традиции. Более того, Лейпхарт рассматривает эти страны сквозь призму «свободных», «отчасти свободных» и «несвободных» демократий, и в качестве «развитых» демократий, как правило, выступают те страны, которые являются частью «западного мира», несмотря на их географическую расположенность. Наконец, и модель полиархии⁴⁵ Р. Даля также не смогла «отпочковаться» (впрочем, она и не имела такой цели) от западной демократической традиции. Она во многом исходит из нее и в этом смысле мыслима сквозь одни и те же парадигмальные параметры. Не случайно, что эта модель часто начала применяться как шкала оценки демократии (западной демократии)⁴⁶;

Таким образом, несмотря на разные идеи и цели современных западных классиков демократии, они, как правило, рассуждали в рамках логики «одномодельной» парадигмы, которая в свою очередь мыслима лишь в контексте созвучной ей специфической эпистемы⁴⁷, по определению не признающей «научной» постановку проблем, которые могут «пошатнуть» непоколебимость существующей парадигмы. Между тем импульсы к формированию новой, условно выражаясь, «многомодельной» парадигмы демократии наблюдаются уже давно. Ее императив непосредственно связан с самой историей формирования современной формы демократии, основы которой были заложены еще в Новое время, в эпоху либерализма и капиталистических реалий. Так, современная демократия (как политическая практика) стала набирать «обороты» и окончательно выступать в качестве «неизбежности» к периоду Великой французской революции (1789–1793 гг.). Начиная именно с этого времени, когда появились амбиции демократии на всемирное (транс-цивилизационное) распространение (процесс, который был ускорен в XX веке, в частности, после окончания «холодной войны» и, обострен, с точки зрения проблематичности (естественной контрреакции), в XXI веке) можно говорить о

---

⁴⁵ См.: **Даль Р.** Полиархия. Участие и оппозиция / Пер. С. Деникиной и В. Баранова. М., 2010.

⁴⁶ См. например: **Coppedge, M., Reinicke, W. H.** Measuring Polyarchy // *Studies in Comparative International Development*, 1990, Vol. 25, No. 1, pp. 51-72.

⁴⁷ «Стратегический аппарат», который подвергает «фильтрации» утверждения и предположения, определяет их «правильность или не правильность», научность или не научность (См. подробнее: **Gordon, C.** (Ed.). Foucault, M. *Power/Knowledge: Selected interviews and other writings 1972-1977*. New York, 1980. P.197)

необходимости отказа от «одномоделной» демократической парадигмы и актуальности перехода к «многомоделной». Иначе говоря, на деле отход от действующей парадигмы демократии представляет собой необходимость на протяжении уже двух веков. Обострение же и актуализация этих вопросов именно в наше время обусловлены тем, что сегодня, спустя два века после «регистрации» современной формы демократии, последняя не имеет более никаких преград на пути к своей мировой «монополюющей власти»: на протяжении XIX века демократия вела борьбу с пережитками «старого порядка», одержав победу над последними империями (Австро-Венгрия, Османская империя, Российская империя и др.), а к концу XX века была преодолена «преграда» социалистического «лагеря», возглавляемого Советским Союзом. По сути, с 1991 года западная демократия осталась без всяких «конкурентов», поэтому именно сейчас процессы тотальной (всемирной) демократизации приобрели ускоренный и, что не менее важно, зачастую искусственный характер, именно сегодня наблюдаемые еще два века назад парадигмальные противоречия приобрели ярко выраженный характер.

Рассмотренные вопросы, выявляющие некоторые, на наш взгляд, осевые проблемы демократии в условиях современности, эксплицитно указывают на то обстоятельство, что исследование демократии невозможно или, по крайней мере, некорректно вне рассмотрения ее исторического пути развития. История демократии и созданная на протяжении веков богатая теория выступают как важный фон, призванный обеспечить полноту и многогранность исследования феномена народовластия. При этом данный пласт выступает как важное и необходимое условие и для исследования демократической теории де Токвиля. Так, обращение к истории демократии позволяет, с одной стороны, обеспечить более глубокое понимание природы современной демократии, не впадая в крайности политической ангажированности и «дискурсивной суженности» концепта, с другой стороны, проследить эволюцию ряда идей и положений, которые были характерны для античной и средневековой демократической традиции, но впоследствии стали основополагающими также для концепции де Токвиля. Исходя из этого, ниже мы вкратце обратимся к основным вехам истории демократии, начиная с «колыбельной» для нее эпохи Античности и заканчивая взглядом на современную де Токвилю форму народовластия.

1.2. Становление и развитие демократии в эпоху Античности

Исторически первая форма демократии возникла в античной цивилизации – в древнегреческом полисе Афины. Социально-политическая обстановка, особенности полисной жизни и полисного мышления, роль исключительных личностей и многие другие факторы оказали свое влияние на рождение демократии именно в Греции. При этом следует отметить, что идеи греческой демократии не ограничиваются афинской традицией: обращение к Афинам обусловлено отчасти недостатком сохранившихся материалов о демократии других полисов, отчасти тем обстоятельством, что Афины выступают как первый и наиболее яркий представитель греческой демократии и демократических идей.

Общественное сознание древних греков было пронизано мифологическими основаниями их культуры: мифология явилась основой, источником для развития политических идей, политического сознания эллинов. Один из крупных исследователей Античности А. Ф. Лосев, оценивая роль греческой мифологии в период становления «рабовладельческой формации», справедливо отмечает, что мифология стала играть более или менее «служебную роль» и стала «выразителем полисной идеологии»⁴⁸. Известно, что в социально-политической жизни греческих полисов мифология начала выполнять идеологические функции, в частности, после того, как начался процесс рационализации мифов. В результате, древний грек начал постепенно «освобождаться» от верховенства власти богов и в повседневной жизни руководствоваться также рациональным осмыслением происходящего. «Человек стал жить не только «согласно природе», но и «согласно установленному порядку» (т.е. согласно разуму) – закону (*nomos*) – разумным правовым установлениям, принятыми всеми гражданами полиса и поэтому обязательными для всех», – отмечает К. А. Мирумян⁴⁹. Не требующие божественной санкции законы, а затем и политические действия, таким образом, стали предметом публичных и свободных обсуждений, что значительно повлияло на политико-правовое сознание греческого общества и формирование демократических идеалов. Данное обстоятельство «активизировало» человека как субъекта, как исследователя и как актора, инициатора процессов, способного свободно выражать мнение, приводить доводы, защищать свою позицию.

⁴⁸ Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. 1-е изд. М., 1957. С. 102.

⁴⁹ Мирумян К.А. История политических учений. Часть 1. Эпоха античности. Ер., 2004. С.22.

Ввиду отмеченных тенденций рационального осмысления мифов и рационально-критического осмысления социально-политической действительности в греческих полисах формируется основа для рождения первой демократической традиции. Само становление афинской демократии принято относить к периоду деятельности «Семи мудрецов» (VII–VI вв. до н.э.), стержневой идеей для которых был принцип соблюдения «меры» и «середины» во всем (любопытно, что этот принцип станет основополагающим для концепции де Токвиля.). Осуществление этих принципов в афинской социально-политической действительности связано с именем Солона (640–560 гг. до н.э.) – выдающегося законодателя и реформатора Афин, который в 594 году до н.э. был избран верховным архонтом (в тот период – высшее должностное лицо в Афинах). Афины находились на пороге гражданской войны ввиду сильной социальной поляризации в обществе между богатыми и бедными, часть которых постепенно превращалась в рабов из-за долговой кабалы. «Тогда наиболее рассудительные люди в Афинах, – пишет Плутарх, – видя, что Солон – пожалуй, единственный человек, за которым нет никакой вины... стали просить его взять в свои руки государственные дела и положить конец раздорам... его выбрали архонтом, а вместе с тем посредником и законодателем.»⁵⁰. Солон выступил как своеобразный символ социального консенсуса, что дало ему возможность осуществить ряд реформ: с целью установления социального мира и прекращения жесткой конфронтации между богатыми и бедными он ликвидировал долговое рабство, осуществил частичный передел земли, а также организовал выкуп проданных в рабство за долги греческих граждан.

В своей законодательной деятельности Солон опирался на два важнейших принципа: во-первых, исполнительная власть должна быть доверена лишь компетентным и достойным гражданам; во-вторых, судьба народа должна находиться в его же руках. Первый принцип до сих пор выступает как политический идеал, а в XX веке все чаще в политической литературе начал употребляться термин «меритократия» (от лат. *meritus* – достойный и др.греч. *κράτος* – власть), обозначающий власть достойных, наиболее компетентных людей. Второй же принцип, который был также развит в Риме (например, плебисцит как один из ключевых институтов демократической системы), в последующие эпохи стал идейной

---

⁵⁰ Цит. по: **Остерман Л.** О Солон! История афинской демократии. М., 2001. С.6.

основой для разработки концепции народного суверенитета (Марсилий Падуанский, Джон Локк, Жан-Жак Руссо и др.). Между тем постулируемый данной концепцией тезис о том, что источником власти является народ, выражает одну из стержневых идей в теории демократии, которая станет также одним из центральных положений демократической концепции де Токвиля.

Народный суверенитет имел особое понимание в Афинах. Государственная деятельность в эпоху Солона требовала свободного времени и материального достатка, потому что в то время государственные должности не оплачивались (оплата была введена лишь в V веке). Поэтому все граждане были разделены по имущественному цензу на четыре категории, и лишь первые два высших сословия имели право избираться на высшие государственные должности (по жребию). И хотя с современных либеральных позиций некоторые авторы здесь могут усмотреть социально-политическую дискриминацию по имущественному цензу, нарушение политических прав гражданина и т.д., тем не менее, следует заметить, что граждане низших двух сословий на деле и не могли себе позволить занимать высшие государственные должности, так как имели насущные жизненные проблемы пропитания и содержания семьи. Следовательно, отмеченную «дискриминацию» следует рассматривать, скорее, как реалистический политический механизм, нежели как способ ограничить граждан в их правах. Вместе с тем критика может последовать и в другом направлении: не превращал ли ценз демократию в плутократию (власть богатых)? Ответ на данный вопрос заключается в том, что неоплачиваемость государственных должностей имела важные морально-этические основы, так как власть рассматривалась, прежде всего, как социальная обязанность, не просто право, но ответственность, забота о согражданах, а не как способ материального обогащения. Таким образом, система имела также и морально-нравственные ограничители, которые не позволяли демократии деградировать. Власть на данном этапе развития демократии была средством проявления достоинства: она давала почет, а не обеспечивала материальный достаток.

Кроме того, имущественный ценз никоим образом не отчуждал представителей низших сословий от политики или общественной деятельности, как таковой: они имели право участия в Народном собрании и Народном суде, а эти два института имели ключевое значение в афинской демократической системе (именно благодаря

усилиям Солона). Так, Народное собрание (эκκλeσια) во времена Солона получило полноту законодательной власти. В ее состав входили все свободнорожденные мужчины (полноправные граждане), достигшие 20 лет, кроме иностранцев (метэков). Народное собрание решало важнейшие вопросы государства: войны и мира, государственных доходов, внешней торговли, заслушивало отчеты должностных лиц и т.д. Солон создал два новых демократических института: Совет четырехсот, наряду с аристократическим «Высшим советом» - Ареопагом, и Суд присяжных, ставший высшим судебным органом Афин. В функции Совета он включил предварительное обсуждение всех без исключения дел, выносимых на обсуждение в Народном собрании. В этот Совет избирались граждане, достигшие 30 лет и принадлежащие к трем первым сословиям. Солон исходил из того, что наличие двух советов обеспечит баланс сил и интересов, стабильность и социальный мир. Поэтому он сохранил Ареопаг, вместе с тем очертив строгий круг полномочий последнего: охрана законов, надзор за порядком в государстве, привлечение к ответственности преступников и т.д. Фактически, Ареопаг выполнял функцию суда общественного мнения, что было обусловлено авторитетом структуры и несменяемостью ее членов.

Но выше любого государственного органа был закон, верховным защитником которого выступал Народный суд (гелиея). В его состав избирались все граждане (из всех 4-х сословий), достигшие 30-летнего возраста. В заседании участвовали 500 и более судей. Каждый свободный житель Аттики (в том числе женщины и иностранцы) имели право обжаловать перед судом любое решение властей всех уровней. Верховенство закона, таким образом, представляет иной фундамент афинской демократии, который сдерживал систему от вырождения в охлократию – власть толпы. Закон выступал как необходимая основа и, одновременно, как условие упорядочения общественных отношений, он был проявлением воли народа и в то же время ограничивали ее⁵¹. Иначе говоря, закон выражал разум народа и защищал народ от его же страстей, аффективного начала. Демос являлся источником закона и права, и формально, он существовал сам по себе и для себя, не подчиняясь никому. Но именно в решении этого вопроса и заключалась сила законов – не допустить народ «превратиться в самодержца, в деспота, капризного, своенравного и

---

⁵¹ См.: Бузескул В.П. Античность и современность: современные темы в античной Греции. СПб., 1913. С. 37-38.

несправедливого»⁵². Подобное понимание закона – есть следствие интерпретации данного понятия Солоном как «сочетания права и силы». Законодатель проводил различие между правом и законом, рассматривая закон как механизм защиты и обеспечения прав граждан, нередко посредством принуждения. Поэтому на деле закон защищал народ от самого себя.

Следует также отметить, что афинская демократия была построена на принципах, не различающих свой и чужой интерес: граждане были объединены вокруг идеи общего блага. С этим связан и закон Солона о лишении гражданских прав тех, кто в период междоусобицы, т.е. внутривнутриполитической борьбы не примыкал к одной из борющихся сил. Закон имел цель упразднить безучастие и равнодушие отдельных граждан к общегосударственным проблемам, внедрить принцип политической активности и гражданской позиции. Спустя почти 2 тысячелетия выдающийся итальянский поэт и философ, автор известнейшей «Божественной комедии» Данте Алигьери напишет: «Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет»⁵³. Активная гражданская позиция в афинской социально-политической жизни стала политической ценностью и одним из проявлений силы демократии.

Эпоха Солона – это период испытания первой демократии. Солон пытался установить компромисс между аристократией и демосом, богатыми и бедными, формальное равенство всех граждан перед законом. Он был убежден, что политические конфликты и несогласия можно разрешить мирным путем, с помощью разумного соглашения, которое подпитано и, одновременно, закреплено и защищено законом. Его миссия заключалась в убеждении сограждан в необходимости взаимных уступок во имя установления гражданского мира. Сама суть соглашения или договора заключается, как считал афинский законодатель, не столько в выгоде для обеих сторон, сколько в закреплении такого положения дел, когда нарушение договора стало бы невыгодно ни для одной из сторон. В значимой части Солону удалось достичь своей цели, хотя многие проблемы остались нерешенными еще при его жизни. «Реформы Солона,- пишет К. А. Мирумьян, - были фундаментальны, но не столь радикальны, как того хотелось крайнему крылу демократии...В результате,

---

⁵² Арский Ф.Н. Перикл. М., 1971. С. 136.

⁵³ Цит. по: Баязин В.Н. Мудрость тысячелетий. М., 2004. С.216.

Солон критиковался с обеих сторон: радикальная демократия осуждала его за непоследовательность, половинчатость проводимых реформ, а родовая знать – за уступки, сделанные демосу за ее счет»⁵⁴. Подобная критика и осуждение лидера демократии стало достаточно традиционным и характерным для всей истории афинской демократии: многие выдающиеся люди (Мильтиад, Перикл и др.) были осуждены и даже преданы суду за те или иные действия, не вписывающиеся в предпочтения демоса⁵⁵. Вместе с тем рассмотрение деятельности Солона в долгосрочной перспективе дает основания полагать, что созданная им система институтов и норм стала той основой, которая затем привела к расцвету Афин, апогею политического могущества греческого полиса и триумфу демократии как лучшей формы правления того времени.

После Солона афинская система прошла интересный, с точки зрения исследования демократии, этап своего развития. В результате жесткой политической борьбы к власти пришел Писистрат (560–527 гг. до н.э.), который установил единоличную власть: он не переизбирался и потому этот период афинской политической истории считается этапом учреждения тирании. Вместе с тем при Писистрате Афины продолжали развиваться как в экономике, так и в культуре: при нем был построен храм Зевса Олимпийского, древнейший водопровод, развивалась морская торговля, наблюдалась политика стимулирования экономики, льготы для земледельцев, конфискованные у находящихся в изгнании аристократов земли также были распределены между мелкими земледельцами. Отмеченные и многие другие меры в значительной степени способствовали укреплению среднего класса в Афинах – базиса стабильности демократии⁵⁶. Внутренняя политика «тирана» была преимущественно основана на наследии Солона. И хотя последний не раз выступал с призывами к народу свергнуть Писистрата (с другой стороны, сам Писистрат много раз приглашал Солона править вместе), афинский демос предпочел стабильность беспорядкам. В силу отмеченных моментов Писистрат неоднозначно был оценен в истории. Несмотря на отрицательные отзывы, «афинский тиран» правил в мире и

---

⁵⁴ **Мирумян К.А.** История политических учений. Часть 1. Эпоха античности. С. 33.

⁵⁵ Явление, которое в научной литературе часто называется «диктатурой демоса». В концепции демократии де Токвиля оно будет обозначено как «тирания большинства» и станет чуть ли не квинтэссенцией концепции французского мыслителя.

⁵⁶ Данному аспекту де Токвиль также уделил особое внимание, раскрыв как ее положительные, так и отрицательные стороны.

процветании и тираном «стал» только потому, что, в отличие от требования демократии Афин, не переизбирался каждый год. Даже Аристотель, впоследствии оценивая правление Писистрата, писал, что он правил «с умеренностью и скорее в духе гражданского равноправия, чем тиранически... и по своему характеру он был демократичным и обходительным человеком»⁵⁷.

Власть Писистрата показала особый опыт демократии: развитие страны при наличии достойного лидера, но фактическом отсутствии института выборов – одной из главных характеристик демократии. Вместе с тем многое изменилось после Писистрата, при власти его сына Писистрата Гиппия (527 – 510 гг. до н.э.): он продолжил политику своего отца, однако когда был убит правивший с ним брат Гиппарх (514 г.), он перешел к политике насилия, что породило в афинянах чувство страха и ненависти к тирании и в конце концов привело к изгнанию Гиппия (при посредничестве спартанцев). Данный факт свидетельствует о том, что те или иные обстоятельства могут оказать существенное влияние на лидера, поэтому наилучшим гарантом демократии, тем не менее, остается институционально-нормативная основа, нежели кратковременная роль исключительной личности.

Наконец, для полноты видения древнегреческой демократической «картины» следует обратиться также к периоду расцвета афинской демократии – эпохе Перикла. Афинский стратег происходил из аристократического рода: с 461 по 444 г. до н.э. он был лидером афинской демократии. За несменяемость, а точнее, «постоянное избрание» одного и того же лидера – «достойнейшего гражданина», форму правления в Афинах на данный период принято называть «направляемой демократией». Это выявило еще одну интерпретацию демократии, которая, в сравнении с демократией Писистрата, отличалась тем, что, хотя Перикл и постоянно переизбирался, эти выборы носили, скорее, формальный характер, так как его достоинства и заслуги перед Афинами создавали ему мощную основу для переизбрания, его авторитет был непоколебим (по крайней мере, до определенной поры). Иначе говоря, это была модель демократии, в которой власть народа проявлялась во власти его лучшего, «первого» гражданина, как правило, обладающего харизмой. Следует отметить, что

---

⁵⁷ Аристотель. Политика. Афинская полития. Серия: «Из классического наследия» / Пер. Радцига С.И. М., 1997. С.293.

многие элементы этой модели затем легли в основу веберовской модели «плебисцитарного лидерства» демократии⁵⁸.

Перикл провел ряд реформ, которые оказали существенное влияние на афинскую демократию. Среди таковых нужно выделить решение проблемы занятости, роста иждивенческих настроений и др. Он также добился отмены имущественного ценза, введенного Солоном, и на государственные должности начали назначать по жребию из числа всех свободных граждан. Более того, за занятие всякой должности граждане начали получать плату, что обеспечило эффект «полноты демократии»: отныне высокие политические должности стали доступными для всех граждан, даже для неимущих и, таким образом, качество «демократичности» повысилось. Тем не менее, если для рядовых должностей было характерно жалование, позволяющее лишь компенсировать время, потраченное на общественную работу, то плата за занятие высоких политических должностей была внушительной. Деньги, таким образом, «зацементировали» общество, что начало менять отношение граждан как к политике, так и к деньгам. Это привело не только к морально-этической деградации афинян, но и к деструктивным последствиям для самой демократии: аристократы стали уклоняться от государственных должностей и участия в выборных органах власти, а это в свою очередь уничтожило ту тонкую стабилизирующую грань «золотой середины», над которой так старательно работали законодатели, начиная с Солона, стремясь установить гармонию между аристократией и демосом. Не случайно, что эти изменения подверглись острой критике как со стороны современников Перикла, так и мыслителей дальнейших эпох. Так, Аристотель именно в этом нововведении увидел основу для морального разложения общества; рассуждая в том же духе, Платон заметил, что реформа породила лень и жадность к деньгам, а Плутарх писал, что эта «дурная привычка» из «скромного и работающего» сделала народ «расточительным и своевольным»⁵⁹.

Следует отметить, что и сами реформы Перикла также во многом стали возможными лишь благодаря колоссальным финансовым ресурсам, которыми Афины

---

⁵⁸ См.: **Eliaeson, S.** Between Ratio and Charisma. Max Weber's views on plebiscitary leadership Democracy // «Statsvetenskaplig Tidskrift», 1991, No 4, pp 317-339.

⁵⁹ **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1. Серия «Литературные памятники». М., 1994. С. 453.

располагали в рамках созданного Делосского союза⁶⁰. При этом бюджет Союза использовался в угоду преимущественно афинским нуждам, поэтому, когда Союз распался (в период Пелопонесской войны, 431–404 гг. до н.э.) и поток денег прекратился, возникли серьезные проблемы. Эти денежные потоки, скорее, сыграли роль, выражаясь терминологией экономической науки, «голландской болезни»: они «подсадили на иглу» зависимости могущество Афин от фонда Морского союза. До Перикла Афины были менее могущественны, но намного свободнее от внешних факторов. Сам Перикл осознавал это, и когда к 450 г. до н.э. война с персами была окончена, афинский стратег, обращаясь к афинянам, пытался убедить сохранить союзный фонд: «Отказаться от этого владычества вы уже не можете... ведь ваше владычество подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее – весьма опасно...»⁶¹. Тем не менее, выдающемуся стратегу не удалось сохранить союз, что в итоге привело к значительному ослаблению Афин.

После Перикла изменилась не только политическая обстановка во всем греческом мире, но и наступил период упадка политических традиций, демократической политической культуры. Афины попали во власть так называемых «демагогов» – вожаков-нуворишей, речи и поведение которых апеллировали не к разуму граждан, а к эмоциям, страстям народа, его низменным, животным инстинктам, примитивным интересам толпы. Изменились нравственный облик Афин и политико-правовое сознание афинян. Полис из власти сообщества граждан превратился во власть толпы, а законы стали второстепенными, так как подменялись силой постановлений Народного собрания (т.н. псефизмы), часто манипулируемого демагогами. Упадок культуры политического наблюдался даже в поведении лидеров-ораторов, которые, выступая перед народом, стали «вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи»⁶². В 411 и 404 г. до н.э. в Афинах произошло два олигархических переворота. Новым властям удавалось продержаться всего несколько месяцев. Формально демократия восстанавливалась, однако эти перевороты символизировали состояние политической системы, состояние афинской

---

⁶⁰ Союзные полисы платили плату Афинам «за защиту» против нападений персов.

⁶¹ Фукидид. История / Пер. Стратановского Г.А. М., 1981. С. 123-124.

⁶² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. С.1487.

демократии, для которой ранее, при ее становлении и расцвете перевороты антидемократического характера были маловероятными или вовсе невысказанными.

Рассмотрение истории демократии этого периода имеет важное значение для понимания истоков первой демократии. Однако, этот проблемный пласт был бы неполным без обращения к теории демократии данной эпохи. В этой связи необходимо отметить, что древние греки не могли рассматривать демократию лишь с точки зрения ее преимуществ: рациональный склад мышления обусловил попытки критического анализа феномена демократии, представляя ее обратную сторону – ряд недостатков, выступающих в качестве рисков и угроз для общества и государства. Выдающийся философ VI–V веков до н.э. Гераклит Эфесский критиковал демократию с позиций критики власти большинства, которое «обжирается как скоты» и подавляет достоинства личности, оказавшегося в меньшинстве: не всегда большинство право, поэтому нельзя слепо следовать мнению «многих худших» и игнорировать «немногих наилучших». Иначе говоря, количество людей, принимающих решение, по Гераклиту, не может обеспечивать качество этих решений, поэтому выше воли большинства должен стоять закон, который, по мнению философа, должен создаваться достойнейшими гражданами, а не «дурным» большинством⁶³. Вместе с тем Гераклит не выступал против таких ценностей демократии, какими являются равенство граждан перед законом или право высказывать и отстаивать свое мнение: он выступал против крайностей демократии, когда общество оказывается пленником воли, а иногда страстей большинства, которую он сравнивал с толпой, подобно тому, как это в дальнейшем сделает де Токвиль.

Иной и наиболее последовательный оппонент демократии Платон представил особый, морально-нравственный пласт ее критики. Он был убежден, что всякая форма правления обречена на деградацию⁶⁴, подчеркивая, что вырождение или разрушение общества обусловлено, прежде всего, ее моральным разложением⁶⁵. В этом контексте демократия для Платона представляет предпоследнюю ступень

---

⁶³ См.: Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 // Под ред. **Лебедева А.В.** М., 1989. С.244-247.

⁶⁴ В XX веке немецкий социолог Р. Михельс с этих позиций сформулирует свой известный «железный закон» олигархии (См.: *Political parties. A sociological study of the oligarchic tendencies of modern democracy.* **Michels, R.** translated by Eden and Cedar Paul. Kitchener, 2001. P.224-235).

⁶⁵ Примечательно, что в концепции де Токвиля аспекты нравственной деградации общества выступает как главная угроза демократии.

деградации государства (идеальной формой он считал аристократию). Причиной тому является то, что демократия предоставляет людям «чрезмерную» свободу, создает атмосферу, где возвышается принцип вседозволенности, в результате чего царит распущенность и беспредел, а механизмы адекватного управления (на основе законов и институтов) страной оказываются в коллапсе. Разнообразие и свобода душист все общество, «захлебывая» его в собственной свободе. Продолжая данную логику, Платон подчеркивает, что демократическая революция – это, прежде всего, революция ценностей. Демократия переворачивает наизнанку систему ценностей: «наглость называется просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством»⁶⁶. Люди при демократии становятся рабами своих желаний, не различая потребности естественные и необходимые от вожделений, необходимости в которых нет и которые притупляют разум и вводят рассудок человека во тьму. Платон, таким образом, характеризует «человека демократии», его моральный облик, ценности, его мировидение. Демократия меняет самого человека, углубляет внутрисоциальное разъединение, что при условии деградированных морально-нравственных основ общества создает беспрепятственный путь для власти тирана – последней ступени деградации общества⁶⁷. В этой связи Платон предлагал иную форму социально-политического устройства, выдвинув проект идеального государства, модель власти философов, до сих пор оцениваемый по-разному как критиками демократии, так и ее сторонниками.

Критическими замечаниями относительно демократии выступал и Аристотель, который так же следовал традиции умеренности, «золотой середины». С этих позиций Аристотель выделяет различные виды демократии: демократия с имущественным цензом, демократия с упразднением ценза, демократия, где решения народа (толпы) выше закона (здесь же и «лучшие» граждане подвергаются преследованиям). Из всех известных форм демократии он наиболее приемлемой считал умеренную систему Солона. Вместе с тем Аристотель подвергает критике самый фундамент демократии – равенство, которое «осуществляется в количественном отношении, а не на основе достоинства»⁶⁸. Так, избрание должностных лиц посредством жребия, без учета

---

⁶⁶ Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Вступ. ст. Е.Н. Трубецкого. Комментарий, В.Ф. Асмуса. Примеч. А.А. Тахо-Годи. М., 2015. С. 289.

⁶⁷ Следует отметить, что эта идея станет иным важным постулатом концепции де Токвиля.

⁶⁸ Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С.571.

качеств избираемого таит угрозы избрания недостойного или вовсе возвышения тирана. Аристотель указывал на ценность демократического равенства перед законом, но не механического уравнивания людей, независимо от их достоинств.

Практически все представители древнегреческой политической мысли тем или иным образом обращались к демократии, и критические замечания не ограничиваются лишь вышеупомянутыми авторами. По сути, критика демократии у древних греков выразилась не менее ярко, чем гимн ее достоинствам. Поэтому можно утверждать, что греки оставили в значимой степени адекватную демократическую традицию (в плане ее критической разработанности и отсутствия однобокого видения), и не случайно, что выявленные проблемы и недостатки демократии нашли свое отражение в работах авторов последующих эпох. Вместе с тем афинская демократия имела ряд характеристик и принципов, которые обусловили ее исключительность, поэтому при ее интерпретации, применении или перенесении на иную почву (особенно в контексте иной эпохи) следует учитывать ряд замечаний. Во-первых, афинская модель представляет собой прямую демократию. Она возникла в городе-государстве, с малой территорией и относительно небольшим населением, где есть возможность прямого, непосредственного участия каждого гражданина в политике. Данный аспект важен не только в сугубо количественном срезе, но и определяет качественно важный пласт общественного сознания жителей полиса, дух социального единства и общности (де Токвиль впоследствии на примере Америки назовет это «общинным духом»). Во-вторых, фундаментальные для демократии понятия свободы и равенства имели свое специфическое понимание, которое отличается от современной, либеральной или неолиберальной трактовки. Свобода мыслилась в специфических рамках подчинения необходимости и в большей мере в плоскости не индивидуального, а общественного сознания, а равенство в контексте «справедливого неравенства». В-третьих, афинская демократия основана на совершенно другом восприятии мира, как, впрочем, и последующие эпохи Средневековья, Нового времени. Речь шла о классической рабовладельческой демократии, о видении мира через мифологическую призму, соответственно, и о своеобразной системе ценностей: жизнь полисного человека была строго регламентирована законом и обычаями, и даже вопросы семьи, образования и воспитания находились в ведении всего общества. Однако, несмотря на

«нелиберальную» ограниченность сферы личной жизни, самим грекам этот общественный порядок казался вполне естественным, разумным, следовательно, свободным (в их понимании этого слова). В этом контексте следует рассматривать и проблему соотношения личного и общего в рамках греческой полисной действительности. Платон, обращаясь к данному вопросу, основывался на идее верховенства общего блага и подчинения личного общему, рассматривая «общее» (в рамках его концепции – совершенное государство) как высшую ценность⁶⁹. Многие авторы подвергли критике эту позицию, утверждая, что философ растворяет единичность во всеобщем и «приносит в жертву своему государству человека»⁷⁰. Вместе с тем важно отметить, что позиция Платона была созвучна духу его эпохи, поэтому критиковалась она преимущественно авторами дальнейших эпох, тогда как в Античности отмеченное видение проблемы было адекватным: греки считали, что реализация общегосударственного блага представляет собой гарант благополучия отдельных граждан, и подобное отношение было свойственно в том числе и греческой демократии. Дело в том, что речь шла не столько об игнорировании личных интересов или прав граждан, растворении личного в общем, сколько об их обусловленности степенью реализации общего блага и общегосударственных интересов. Более того, в контексте реалий древнегреческих полисов, где свободные граждане составляли приблизительно 15 процентов от всего населения города, идея «общего блага» служила также в качестве идеологического конструкта, призванного удовлетворять нужды реальной, практической политики: граждане полиса должны были думать не только о внешних врагах, но и о возможных угрозах огромной массы рабов, в несколько раз превосходящих число свободных людей. В этом смысле идея общего блага выступила как основа обеспечения общественного единства.

Многие принципы и положения греческой демократии не «погибли» вместе с крахом античной греческой государственности. Политическое наследие эллинов в дальнейшем было перенято и использовано в республиканском Риме (509–28 гг. до н.э.), где демократическая традиция греков получила иное осмысление: речь идет во многом об иной акцентации и интерпретации греческих идей, что было связано с другим, отличным от греческого мировоззрением древнего римлянина. В частности,

---

⁶⁹ Платон. Государство. С.267.

⁷⁰ См.: Асмус В.Ф. Античная философия. М., 2005. С.257-258.

ослабление полисов и возрастание роли огромных монархических государств, ослабление родовых, этнических и социальных связей инициировало тенденции «индивидуализирования» социально-политического сознания. Характерная для «сократовско-аристотелевской эпохи социально ориентированная личность» стала уступать место «римскому», «индивидуализированному» человеку»⁷¹. Данная фундаментальная особенность не только обусловила специфику римской политической традиции, но и явилась исходной установкой для дальнейшего, «индивидуализированного» толкования демократии, в том числе для ее современного понимания.

Римская культура добавила к греческому политико-правовому опыту своеобразную юридическую оболочку. В отличие от морально-этических категорий греко-эллинистических концепций, проблема законности получает в римской политической системе юридическую основу и правовое выражение. Рим имел свой комплекс политических институтов, которые сыграли ключевую роль в длительной истории его государственности. Это была смешанная форма правления, сочетающая в себе элементы монархии (власть 2 консулов, которые при критических ситуациях вверяли власть одному человеку – т.н. «диктатору»), аристократии (власть сената) и демократии (народное собрание – комиции). Как известно, в Риме республиканского периода было два основных слоя общества – патриции (родовая аристократия) и плебс (римский народ). Следует отметить, что с римским плебсом связано, по сути, уникальное явление в истории политики: осознавая свою важность и требуя политические права, плебс, согласно традиции, трижды удалялся из Рима, тем самым вынуждая патрициев пойти на уступки. В результате, после первого удаления появился плебейский трибунат (494 г. до н.э.), во время второго исхода был упразднен институт децемвиров (десяти патрициев, наделенных консульской властью и якобы избранных для закрепления прав народа), а после третьего удаления (445 до н.э.) был издан закон, разрешающий брак между плебеями и патрициями. А спустя почти 100 лет после этого, в 367 до н.э. один из двух консулов уже должен был быть плебеем. Таким образом, плебс проявил стойкость и добился признания своих прав, и это было сделано не путем революции, насилия, а путем, по сути, гражданского

---

⁷¹ **Мирумян Р.А.** Проблемы методологии. К вопросу о формировании традиции политического реализма (методологические аспекты) // Вестник РАУ, 2008, No 1. С.24.

неповиновения, одного из наиболее распространенных в современной демократии методов гражданского протеста. И несмотря на то, что в дальнейшем, в период императорского Рима, плебс стал синонимом римской толпы, бездушной массы без всяких добродетелей, манипулируемой властителями и нуждающейся лишь «в хлебе и зрелище»⁷², история ее борьбы представляет специфический и весьма важный пласт в истории развития демократии.

Следует заметить, что римская политическая система характеризовалась, прежде всего, понятием «республика» (лат. *res publica* — «общее дело»), а прежний, греческий термин «демократия» стал использоваться значительно реже. Это было обусловлено тем, что в греческой реальности не наблюдалось достаточного разграничения в понимании устройства полиса, его институтов и норм и фактической формы функционирования этого устройства. Между тем эти два момента могут не совпадать, поэтому необходимость и корректность их разграничения бесспорна. Так, государство может иметь республиканское устройство (институт выборов, ограниченность срока правления, разделение властей и т.д.), но во главе может оказаться непереизбираемый диктатор, и в таком случае государственное правление, несмотря на республиканское устройство, не будет демократическим – это будет тирания. Следовательно, республика не всегда детерминирует демократическую форму правления, и наоборот. С другой стороны, очевидно, что логика республики требует демократии, равно как и последняя предполагает наличие республиканских институтов. Эти два понятия, таким образом, не тождественны, они имеют общую идейную основу и целевые ориентиры, но рассматриваются в разных плоскостях и с разной акцентацией. В этом смысле речь идет, скорее, о взаимодополнении как способе соотношения демократии и республики. Поэтому не случайно, что развитие одной традиции (республиканской) часто сопровождается развитием другой (демократической). В этом духе и следует рассматривать развитие республиканских идей в Риме (а затем и в последующие эпохи), что представляло собой также развитие демократии и демократической мысли – в ином контекстуальном поле и с иных оценочных позиций.

Большинство римских авторов развило, прежде всего, правовые аспекты политических проблем. В интересующем нас контексте проблем демократии речь

---

⁷² См.: Ювенал Д. Сатиры // Пер. С. Недовича и Ф. А. Петровского. Вступит. Статья А. Белецкого. М., 1937. С.86.

идет о развитии правового понимания государства, правовом определении полномочий и обязанностей должностных лиц и институтов, что стало основанием для развития концепций прав и свобод человека в дальнейшем. Так, государство в его отношениях с индивидом начало рассматриваться не вне или над правопорядком, а как ее составная часть: не государство, а право (справедливость) выступает как высшее основание во взаимоотношениях между индивидом и государством. Из последнего тезиса был сделан вывод, что государство должно относиться к индивидам не по собственным (внеправовым) правилам, а как правопослушный субъект в соответствии с общими для всех требованиями права. Отмеченные идеи были высоко оценены в последующие эпохи, а в наши дни эта традиция и вовсе рассматривается как необходимое условие в понимании конституционного строя любого современного общества.

Республиканская политико-правовая традиция Рима, таким образом, местами изменила, но во многом продолжила и дополнила идеи греческого наследия. В конце I века до н.э., однако, республика в Риме пала и установилась имперская власть. Казалось бы, империя на тот момент отражала дух эпохи и ее установление было продиктовано потребностями того времени. Вместе с тем, несмотря на многие успехи на внешнеполитической арене, внутренне, в плане социально-политической организации с точки зрения продолжения развития демократических идей Рим начал деградировать. Поэтому развитие демократии в рамках римской истории следует относить, прежде всего, к периоду его республиканского устройства, временам его расцвета. С другой стороны, ослабление демократической традиции в имперский период Рима также следует рассматривать как важный момент в понимании логики развития демократии, представляя это время в том числе как определенное звено в переходе к эпохе Средневековья.

Греко-римский этап развития демократии и демократических идей, античный период истории демократии, несомненно, предлагает исследователю богатое теоретическое наследие и исторический материал, что позволяет рассматривать этап ее становления, самый фундамент политико-правового и философского осмысления феномена демократии. Наследие Античности как исходная идейная традиция для разных областей науки находилось в центре внимания мыслителей и исследователей разных эпох (и не только на Западе, но и, например, в рамках армянского и арабского

средневековья), и наше время, с данной точки зрения не составляет исключения, несмотря на всю удаленность от той эпохи. Естественно, каждая культурно-историческая эпоха интерпретирует те или иные идеи или учения по-своему, ищет в них что-то свое, особо актуальное для своих потребностей. В этой связи следует отметить, что решение задач, которые поставил перед собой Алексис де Токвиль в XIX веке, не требовало непосредственного обращения к греко-римской демократической и республиканской традициям. Признание политических прав и свобод лишь для свободных людей в греческих полисах и особое положение патрициев в Риме стали главной причиной того, почему французский мыслитель обошел античную традицию в своих исследованиях. Идеи всеобщего избирательного права и равенства возможностей, ставшие основополагающими для современной демократии, в античных реалиях имели иное понимание, что, как подмечает сам де Токвиль, также обусловило различия в определении объема понятия «народ» – самого фундамента идеи демократии⁷³. В то же время французский мыслитель понимал, что античная традиция демократии во многом предопределила логику дальнейшего развития феномена, она выступает как неотъемлемая часть истории и теории демократии, поэтому изучение вне этого пласта не позволит составить полноценную картину демократии, в том числе ее новоевропейской формы.

1.3 Специфика демократической традиции в эпоху Средневековья и Нового времени

Развитие демократии в эпоху Средневековья, а затем и Нового времени представляет иную, не менее важную веху в истории демократии и имеет особое значение для адекватного научного понимания логики ее развития. Речь идет о совершенно ином мировоззрении и, соответственно, иной интерпретации многих положений и идей демократии, которые продолжали рассматриваться в рамках широкой республиканской проблематики. Эти отличия представляют не только специфику мышления эпох, но и наглядно демонстрируют трансформацию демократии, ее гибкое приспособление к постоянно меняющимся реалиям.

Средневековье – это период доминирования теоцентризма, в рамках которого бытие и развитие всего сущего рассматривалось как результат божественного начала.

---

⁷³ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М., 1992. С. 351.

Следует отметить, что христианство вытеснило многие греко-римские политико-правовые концепции и выдвинуло ряд идей, неизвестных античному миру. В контексте исследования интересующих нас проблем следует обратиться, прежде всего, к христианской идее отделения духовной жизни от светской, церковной власти от государственной, которая сводится к тому, что, в отличие от греко-римской традиции, личность уже не принадлежит всецело государству: минуя государство, личность имеет свой путь к свободе (к небесам). Более того, большинство толкований концепции разделения властей предполагает возможность сопротивления государственной власти, вплоть до свержения правителя и даже оправдания тираноубийства.

Христианство дало свою интерпретацию также другому фундаменту демократии – равенству. Речь идет о тезисе равенства всех народов и всех социальных групп внутри каждого народа перед Богом. В этой связи следует обратить внимание на два следующих момента: 1. Христианство не столько заменило, сколько дополнило античную идею равенства перед законом положением о равенстве перед Богом, добавив идеи нравственной ответственности к ответственности гражданской; 2. христианская религия придала идее равенства универсальный характер, не ограничивая ни рабов, ни иные социальные группы, которые ранее были неравны в рамках прежнего «справедливого неравенства». Таким образом, христианство стало специфическим символом равенства, тем самым подготовив почву для формирования «демократического человека» и новой демократии в дальнейшем, а также в идейном плане во многом предопределило творения авторов Нового времени (положения о естественном равенстве, естественных правах человека и т.д.).

Как было отмечено ранее, после падения греческих полисов слово «демократия» уступило место «республике», но переплетенный характер соотношения этих двух понятий не исключил развитие демократических идей: теория демократии развивалась «в лоне» республиканских традиций на протяжении более тысячелетия в период Средневековья и отчасти Нового времени. Вместе с тем после краха Рима почти для всего периода Средних веков само слово «республика» не было популярным в летописаниях или произведениях мыслителей, что было обусловлено отходом от античной традиции, в том числе, от языка латыни. Например, многие итальянские города-государства, в рамках которых представлен ряд средневековых

республиканских обществ, назывались «коммунами», «синьориями» и т.д.: начиная лишь с XIII века, с возобновлением интереса к античным трудам началась «реабилитация» термина «республика».⁷⁴ Тем не менее, для большей части Средневековья были характерны монархическая форма государства (империя Карла Великого, европейские королевства и т.д.) и авторитарные режимы политической власти. В этом смысле не только демократия, но и республика была вытеснена из арены политической практики. Лишь в некоторых частях Европы и лишь в период нескольких веков были распространены местные собрания, в которых принимали участие свободные граждане, принимавшие законы, а также избиравшие тех или иных должностных лиц. Подобные черты были свойственны городам Северной Италии (Венеция, Флоренция и др.), Швейцарии (Ретийская республика⁷⁵), городу Новгород в Древней Руси (Новгородская республика) и др. Ярким примером средневековой республики является Флоренция – «Афины Италии».

Флоренция была в определенной мере похожа на древнегреческий полис: это был город-государство, с относительно небольшим населением (в разные периоды от 50 тыс. до 100 тыс. людей), с выборными политическими органами (часто, по жребию). Вместе с тем общество Флоренции было пронизано купеческими, торговыми ценностями: налоговая платежеспособность была своеобразным критерием гражданства, поэтому гражданами были также торговцы, ремесленники, земледельцы. Право голоса не имели женщины и несовершеннолетние, а также наемные рабочие. В XIII веке флорентийская политическая система была основана на принципе разделения территории города на четыре квартала и шестнадцать районов, а население было разделено по принципу цеховой принадлежности. При этом каждый купец и каждый ремесленник был приписан к определенному цеху, который объединял лиц одной профессии (каждый полноправный гражданин должен был состоять в одном из цехов). И так как именно цеха определяли правила и нормы производства и торговли (а последние имели, прежде всего, политическое значение), то цеха играли роль, скорее, политического института. Более того, ввиду того, что

---

⁷⁴ См.: **Rubinstein, N.** Machiavelli and Florentine Republican Experience / Machiavelli and Republicanism, eds. G. Bock et al. Cambridge University Press, 1990. P.19-24.

⁷⁵ См.: **Ильин М.В.** Смена поколений международных систем как фактор государственного строительства (эпоха Раннего Модерна). URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/eff312c20f3165125ec00806708091cf7a59e0e6.doc> (дата обращения: 16.09.2015)

число цехов было ограничено, в городе в рамках одного цеха объединялись представители не одной, а многих профессий (самых разных, иногда никак не связанных друг с другом). Именно цеховая основа определяла политику города, и основным властным органом республики – Синьория – также формировался по цеховой принадлежности. В этой связи важно заметить, что подобное состояние дел привело к тому, что Флоренция постепенно приобрела клановую социальную структуру, кланы вели непримиримую борьбу друг с другом. Однако, в отличие от Венеции и других итальянских городов-республик, где клановая борьба выражалась в борьбе феодальной аристократии, во Флоренции родовая аристократия была в значимой мере слаба и удалена от власти (часто аристократы вынужденно зачислялись в цеха, чтобы иметь возможность «войти» в политику). В то же время именно слабая роль аристократии рассматривалась и до сих пор рассматривается как проявление демократии во Флорентийской республике.

Представляется, однако, что вышеотмеченное обстоятельство не привело к «чистой» демократической республике, так как вместо аристократических кланов возникли кланы богатых торговцев («бизнес-кланы»), которые в свою очередь впоследствии трансформировались в новые олигархические семейства⁷⁶. С этих позиций следует заметить, что если в Афинах демократия способствовала всенародному единству и прямой власти демоса, то во Флоренции и других республиках Средних веков (несмотря на указанные отличия в вопросе роли аристократии) демократия превратилась в способ разделения общества на разные «группы интересов», каждая из которых пыталась постоянно расширить свое влияние и тем самым подрывала социальное единство. В этом смысле Флоренция на протяжении большей части своей истории⁷⁷ представляла не демократическую, а, скорее, «клановую модель» республики, где личность, отдельный гражданин не мог существовать в отдельности от его цеховой принадлежности. Более того, Флоренция в этом смысле отражала «недемократический» дух республик того периода. Так, помимо аристократических республик в Венеции, Генуе и других итальянских

---

⁷⁶ Одним из таких семейств был клан Медичи, представители которого в дальнейшем установили свою власть и долгое время правили Флоренцией.

⁷⁷ Необходимо отметить, что в 1293 году, когда как результат победной борьбы пополан (бюргеров) над грандами (знатью) были созданы «Установления правосудия», простые горожане (народ) получили более широкий доступ к управлению государством, и в этом смысле началась демократизация Флоренции. Однако это продлилось всего полвека.

городах, схожие принципы имел и республиканский Новгород (1136–1478 гг.), где при формальном наличии князей и вечевых собраний, «подлинными хозяевами стали бояре-землевладельцы»⁷⁸. Фактическим главой исполнительной власти был посадник, который также избирался со стороны боярства. Посадник ведал не только важнейшими делами города, но и вторгался в область компетенции князя – в военные дела и ведение судов.

Объединяло все эти республики также то обстоятельство, что в данных обществах на деле было минимальное пространство для развития личных, гражданских инициатив (вплоть до времен гуманизма). Это была модель, направленная на исключение диктатуры личности, но создающая удобные условия для диктатуры целых олигархических семей. Поэтому можно утверждать, что средневековая республиканская традиция в рамках городов-государств преимущественно развивалась по линии отдаления от афинских демократических традиций и представила модель кланово-олигархической республики. Более того, недостатки этих республик в контексте доминирующей роли монархии в итоге через несколько веков привели к их падению: в частности, с формированием национальных государств эти города-республики подверглись слиянию с более крупными образованиями, что привело к потере ими самостоятельности и, как правило, ликвидации республиканских органов власти. Глубокие процессы европейского нациообразования требовали (нередко прибегая к насильственным мерам) унификации многообразия в рамках одного социо-культурного пространства, что и способствовало формированию мощной централизованной власти в виде монархии.

Если в пространстве политической практики Средневековья оплотом демократической традиции стала Флоренция, то в политической теории эту нишу заполнила концепция «народного суверенитета» Марсилия Падуанского. Итальянский мыслитель стал одним из первых в свое время, кто выдвинул тезис о том, что источником власти в государстве является народ, совокупность всех граждан. В вопросе формы правления Падуанский следовал традиции Аристотеля, подчеркивая критерий «общего блага» для определения правильности или неправильности формы правления. Между тем мыслитель добавил новый, на его взгляд, более важный критерий – соответствие «воле подданных», т.е. воле народа:

---

⁷⁸ Порфиридов Н.Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI - XV вв. М.- Л., 1947. С.33.

если источником власти является народ, то правильность или неправильность формы правления должна определяться его волей. Вся концепция Падуанского пронизана идеей власти народа. Примечательно, что, определяя понятие «гражданство», Падуанский отходит от аристотелевской традиции: итальянский мыслитель расширяет объем понятия «гражданин», включая в него также торговцев, ремесленников и земледельцев, отражая тем самым реалии своей эпохи (как было отмечено, во Флоренции и в других республиках отмеченные социальные группы также имели статус гражданина). Мыслитель, таким образом, увеличивает роль народа (вовлекая еще больше людей в гражданско-политическую жизнь), которая вправе вершить свою судьбу, что, несомненно, представляет чисто демократическую идею. Вместе с тем для обеспечения народовластия, суверенитета народа одной выборности правительства недостаточно: избранный правитель (или правители) может нарушить договоренность с народом. Поэтому выше правителя стоит закон, который не только выражает волю народа, но и создается самим народом: «закон – одно око, состоящее из множества глаз»⁷⁹.

Тезис о ключевой роли народа в законотворчестве Падуанский обосновывает следующими доводами: во-первых, законодательная власть должна принадлежать тому, кто может дать наилучшие законы; таковым он считает народ, так как цель законов – обеспечение общего блага, которое может быть определено, скорее, всеми гражданами, чем некоторыми из них (они могут ошибаться или преследовать свои корыстные цели); во-вторых, законодателем должен быть тот, чьи законы лучше исполняются; таковым снова является народ, так как при народном суверенитете каждый повинуетя законам добровольно, а не по принуждению; в-третьих, народ имеет больше возможностей для осуществления контроля над исполнением своей воли (законов): за неисполнение или нарушение он карает жестко, но справедливо; в-четвертых, сама законодательная инициатива может исходить от отдельных компетентных лиц, но санкционирование закона должно осуществляться народом. В связи с последним доводом Падуанский уделяет особую роль «правителю» (за что потом будет подвергаться обвинениям в защите монархии), как некоему достойнейшему гражданину, который действует от имени и во имя народа и

---

⁷⁹ Падуанский М. Защитник мира / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. М., 2014. С. 117.

представляет исполнительную власть. Вместе с тем следует отметить, что автор формулирует принцип допущения наказания правителя при нарушении им законов, защитником которых он сам и являлся. Падуанский даже детально формулирует способы наказания (в зависимости от того, о насколько тяжком преступлении идет речь), а также способы противостояния «тирану» (неповиновение, низвержение и т.д.). Более того, мыслитель подчеркивает, что каждое общество должно иметь соответствующий закон, предписывающий порядок наказания правителя при нарушении законодательства страны. Этот аспект особо актуален в контексте современности, в частности, в демократических обществах, где судебное преследование руководителя страны (с предполагаемым лишением иммунитета) законодательно закреплено.

Концепция Марсилия Падуанского, таким образом, включает ряд важнейших демократических идей: тезис «народного суверенитета», закон как надвластная норма-регулятор (верховенство закона), «либерализация» критериев гражданства и др. Эти идеи, развитые мыслителями последующих времен, составляют важную веху в истории и теории демократии. Вместе с тем учение Падуанского получило неоднозначную оценку некоторые западные авторы (Ж. де Легард, Р.В. Карлайл) рассматривают его как убежденного защитника монархии и цезаропапизма. С другой стороны, многие исследователи (Г. Ласки, Ч.В. Превите-Ортон, Р.В. Пуле) полагают, что идеи итальянского мыслителя стали предвестником для многих теоретиков современной политической и, в частности, демократической теории⁸⁰.

Глубинные политические трансформации, связанные с жесткой борьбой короля, феодалов (знати) и городских общин (часто требующих самоуправления) в начале XIII века привели к тому, что были изданы ряд важнейших политико-правовых документов (Великая хартия вольностей (1215 г.), Золотая булла (1222 г.) и др.). В них конкретизировались гражданские, политические и экономические права. И хотя их полное воплощение в жизнь стало возможно лишь спустя несколько веков, Хартия вольностей и Золотая булла явились ключевыми политико-правовыми документами Средних веков: постулируемые в них принципы верховенства закона и права в дальнейшем стали основой для формирования политико-правовой, конституционной базы современных демократий, в частности, парламентаризма.

---

⁸⁰ См.: Lee, H. Political Representation in the Later Middle Ages: Marsilius in Context. New York, 2008. P. 6-7.

Следует заметить, что сама идея представительства была не нова для политической теории, как и для политической практики: достаточно вспомнить римский институт народных трибунов⁸¹. Однако парламентарная форма, возникшая в условиях мощной государственности, придала ей качественно иной характер. С одной стороны, парламенты и вообще институт представительства выступили как необходимый практический механизм, направленный на укрепление устоев новообразуемых государств и, как это ни парадоксально, власти самого монарха: это был способ держать государство под контролем, оказывая влияние или давление на парламентариев. Монарх, как правило, имел исключительные права (речь идет об абсолютных монархиях и раннем этапе их существования), в том числе по роспуску парламента. Лишь спустя несколько веков, когда политические реалии вновь претерпели изменение (в частности, в эпоху «Просвещения»), парламент стал выступать как мощное орудие, которое ограничивало власть монарха, а в итоге и вовсе привело к ее упразднению в большинстве случаев (сохранившиеся сегодня монархии имеют в большей части формальный и символический характер). С другой стороны, парламентаризм можно рассматривать как определенный процесс адаптации принципов народовластия к «постполисным» политическим реалиям, где прямая форма демократии уже не могла работать (за исключением средневековых городов-государств, и то лишь с некоторыми оговорками). С данной точки зрения в теории демократии намечается важный этап трансформации прямой формы народовластия в представительную. Более того, по мере усложнения общественной структуры, увеличения населения и установления многообразного территориально-административного деления государства институт представительства значительно расширил свое значение: теперь, помимо парламента, опосредованное участие народа во власти наблюдается и во многих других сферах, а в США – даже в вопросе выбора президента (посредством коллегии выборщиков, споры о правомерности которой (с точки зрения демократичности) до сих пор не угасают).

Возникновение парламентаризма очертило контуры «возрождения»⁸² демократии: опосредованное вовлечение народа в управление государством и

---

⁸¹ Изначально избираемые народом (плебсом) должностные лица, которые исполняли роль представителей народа.

⁸² Новая демократия выступила в форме представительного народовластия и в этом смысле это было не столько возрождение античной формы правления, сколько ее коренная трансформация.

неполнота народного суверенитета, репрезентативный характер современной демократии – «плата» за адаптацию демократии в новых социально-политических реалиях. Более того, некоторые авторы полагают, что парламентаризм не только «спровоцировал» формирование современной демократии, но и сыграл важную роль в вопросе становления европейских наций⁸³.

Итак, Средние века выступили как весьма важный этап генерации демократических идей, который предоставил возможность переосмысления и преобразования демократии в соответствии с потребностями, вызовами и реалиями средневековой эпохи. В то же время уже в рамках этого периода наметились идейные тенденции Возрождения (с XIV века), что постепенно привело к закату эпохи Средневековья и, наряду с процессами Реформации (XVI век), подготовило почву для перехода в Новое время. Данное обстоятельство важно для понимания динамики и логики тех процессов, которые обусловили формирование демократии времен де Токвиля.

В идейном отношении связующее звено между эпохальными традициями, в частности, в понимании роли народа в управлении государством, республиканских традиций и т.д. обеспечили флорентийские мыслители гуманистического течения Колуччо Салютати (1331–1406), Леонардо Бруно Аретино (1370–1441), Маттео Пальмиери (1406–1475), Аламанно Ринуччини (1426–1499), видный голландский философ Эразм Роттердамский (1469–1536), выдающийся итальянский мыслитель Никколо Макиавелли и др. В частности, с первой четверти XV века, в период расцвета идей гуманизма во Флоренции наблюдалось некоторое переосмысление роли личности, а точнее, его взаимосвязи с обществом, государством и правом. Как было отмечено, Флоренция и многие другие итальянские города-республики характеризовались не только отсутствием тирании личности, но и отсутствием условий для непосредственного вовлечения личности в социально-политический процесс в отрыве от его клановой, родовой, цеховой или иной принадлежности. Теперь же выдвинутый некоторыми итальянскими мыслителями ряд концептуальных идей создал своеобразную систему воззрений – так называемый «гражданский гуманизм», который превозносил достоинства человеческой личности, раскрытие его

---

⁸³ См.: **Heuss, Th.** «Democracy and Parliamentarism: Their History, Their Enemies, and Their Future» (1928). Edited by A. Kaes, M. Jay, and E. Dimendberg, University of California Press, 1994.P.55.

потенциала, его самореализацию рассматривал как высшую цель общества, но при этом подчеркивал общественный характер личности и в конечном итоге социальную направленность его развития (служение общему благу). В этом духе интерпретировались проблемы свободы и равенства, закона и права, моральные аспекты политики и т.д. Так, Салютати, рассматривая свободу в тесной связи с волевой активностью человека (направленной на добро и созидание), возрождает античный тезис Солона о важности активной гражданской позиции: свобода политическая состоит в активной политической деятельности, направленной на достижение общих целей общества и которая немислима вне законов, созданных или одобренных народом; Пальмиери выдвигает социально-этическую концепцию свободы, основанную на тезисе античной философской традиции следования природе и естественному закону, соответствия морального и социального поведения человека разумному порядку вселенной; Бруни увязывает свободу с равенством, представляя последнее как необходимое условие обеспечения свободы. В этой связи он рассматривает принцип частой сменяемости должностных лиц, а также их избрание по жребию в качестве важной основы в обеспечении равенства граждан. Более того, Бруни, характеризуя подобное состояние дел, использует термин «демократия»⁸⁴, который уже с этого времени постепенно начинает возвращаться в научный обиход.

Гуманистическое толкование политических вопросов и, прежде всего, проблем, касающихся демократии и республики, таким образом, выступило, прежде всего, в форме возрождения античных традиций. Это было обусловлено не столько определенной схожестью флорентийского строя с античными полисами, сколько практической необходимостью в реанимировании их подходов, логикой времени, которая диктовала свои условия и знаменовала «правила игры» новой эпохи. И несмотря на то, что постоянные олигархические перевороты во Флоренции так и не позволили укреплению вышеотмеченного идейного течения, многие положения были в дальнейшем развиты мыслителями Нового времени, в том числе и де Токвилем, который развил идею политического значения индивидуальной свободы.

Отмеченные изменения и трансформации, переосмысление многих политических идей и смена дискурсного контекста сопровождалась (а в значительной степени – обусловили) перемены в самой науке о политике. В этом смысле особую

---

⁸⁴ См.: Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 70-71.

роль в формировании современной западной политической науки сыграл Никколо Макиавелли, учение которого ознаменовало финал средневековой традиции в политическом мышлении европейского общества и возникновение политической науки Нового времени. Он секуляризирует политику, разграничивая светскую и духовную власти (фактически, подчиняя последнюю первой), отделяет религиозную мораль от политики, формулирует ряд терминов политологии, например, термин «*stato*», под которым понимается понятие государства вообще, а не ее конкретное проявление (Аристотель под «государством» подразумевал полис, Цицерон – Римскую республику и т.д.). Вместе с тем значение Макиавелли в истории демократических и республиканских идей оценено неоднозначно. С одной стороны, в работе «Государь» описана модель авторитарной власти, для которой народ выступает как «чернь», которой можно и нужно манипулировать. Признание народа и правление с его согласия – это важное обстоятельство (эту форму он называет «гражданским единовластием»), однако сохранение политической власти правителя важнее: государь должен приобрести «умение отступать от добра и пользоваться им по надобности». Поэтому «государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение за собой верховной власти»⁸⁵. С другой стороны, в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» автор выдвигает модель республики со смешанной формой правления, в качестве идеала рассматривая устройство республиканского Рима. Более того, не принижая значение аристократического и единовластного начала в республике, Макиавелли подчеркивает особую значимость народного правления: «Народ, стоящий у власти и правильно организованный, будет столь же тверд, благоразумен и признателен, как и всякий правитель, а то и в большей степени...»⁸⁶.

Следует отметить, что оценка наследия Макиавелли требует учета поставленных автором задач, раскрытие которых в значительной степени «снимает» наблюдаемое «противоречие» в его взглядах. Дело в том, что в творчестве итальянского мыслителя вырисовывается определенный «проект» по объединению Италии, и именно решение данной практической проблемы выступает как одна из

---

⁸⁵ **Макиавелли Н.** Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. Кудрявцевой А.А. М., 2004. С. 179.

⁸⁶ Там же. С. 254.

главных целевых установок его деятельности и его основных исследований. С этих позиций необходимо подчеркнуть, что отмеченные выше две модели государства (монархия «Государя» и республика «Рассуждений...») также подчинены данной цели: будучи реалистом Макиавелли, по сути, настаивает на применении этих двух форм государственного правления в соответствии с двумя этапами осуществления политического проекта по объединению Италии. Так, в условиях раздробленности большей части Италии нужна единоличная и централизованная власть («временная власть»), способная к объединению всей страны. И лишь после (при условии) развития в обществе гражданских добродетелей, гражданского «духа» возможно установление лучшей формы государства – республики. Следовательно, Макиавелли выступает как защитник республиканских идей, а его рассуждения над авторитарной властью «государя» выявляют реалистический срез его убеждений.

Макиавелли ознаменовал новую эру для политической науки, а также наметил траектории дальнейшего развития политических исследований. Идеал демократической республики, при наличии механизма сдержек и противовесов (смешанной формы правления – элементов единовластия (т.е. институтов, компетенция которых требует действия одного человека), аристократии и демократии) до сих пор является наиболее классической моделью политической системы, его придерживается большинство современных государств.

Вышеотмеченные социально-политические процессы и идейные положения разных мыслителей подготовили почву для перехода к Новому времени. Для истории демократии это время примечательно, прежде всего, в плане возникновения и развития либеральной идеологии, которой в наши дни пронизаны не только демократии и не только сфера политического, но и экономика, культура и т.д. Интерпретация идей свободы, равенства и других ценностей демократии с либеральных позиций, в свою очередь, подготовила новый этап трансформации демократической традиции. Кроме того, в рамках именно этого исторического периода демократия возвращается в плоскость политической практики.

В Новое время наблюдается переход от теоцентрического мировоззрения к секуляризованному, антропоцентрическому мировидению, что сопровождалось глубокими политическими, экономическими, социальными изменениями. Основным импульсом преобразований явилось формирование нового социального слоя –

буржуазии. Имея богатство, но, не имея политических прав, она начала борьбу с феодальной знатью и королевской властью, что в Англии в конечном итоге привело к гражданской войне и революции 1642–1649 гг., казни короля Карла I. Этот процесс распространился по всей Европе, кульминацией чего стала французская революция 1789–1793 гг. По сути, сформированная в Новое время идеология либерализма, а также идеи равенства были использованы буржуазией в процессе укрепления их политического статуса. В этой связи важно заметить, что в период самой революции пока не было разграничения между богатыми буржуа и неимущими крестьянами, они единодушно боролись за «новую свободу». Однако, впоследствии «обнаружилось, что буржуазный государственный строй... не то же самое для неимущих классов, что для имущих»⁸⁷. Таким образом, с одной стороны, все эти изменения формально преследовали цель утверждения демократии (как концепта, провозглашающего власть народа), равенства и свободы всех людей независимо от их социального статуса; с другой стороны, эта цель достаточно открыто демонстрировала все претензии и амбиции именно «буржуазного слоя» на власть.

В этих реалиях экономическая сфера закономерно стала одной из ключевых, и неслучайно, что капиталистические «тренды» эпохи (диктующие жесткие правила борьбы за выживание), отныне мыслимые неотделимо от демократии, в качестве контрреакции привели к формированию ряда учений социалистической направленности (речь не только о марксизме, но и об утопических учениях Ш. Фурье, Р. Оуэна, К.А. де Сен-Симона и др.). В этом контексте допустимо утверждение, что экономический фактор, в частности, индустриализация общества выступила осевым началом, предопределившим исследовательские аспекты рассмотрения политических проблем в целом и демократии, в частности. Рост благосостояния граждан, формирование мощного среднего класса и вовсе стало условием демократии⁸⁸.

Сущностные характеристики формируемой в Новое время демократии выражены также в рационалистических теориях той эпохи. В интересующей нас области следует выделить теорию естественного права, истоки которой восходили все к той же древнегреческой действительности. Голландский политический мыслитель и юрист Гуго Гроций (1583 – 1645) был одним из первых в Новое время, кто

---

⁸⁷ Блос В. История французской революции / Пер с нем. Н.С. Тютчева. Петроград, 1918. С. 13.

⁸⁸ См.: **Dunn, J.** Setting the people free: the story of democracy. London, 2005. P.128-129.

предпринял систематическое изложение теории естественного права, отойдя от традиции, идущей от стоиков и христианской теологии и адаптировав ее к новым политическим и правовым реалиям своего времени. Он определяет естественное право как «право в собственном смысле слова», которое «состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже принадлежит и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности»⁸⁹. В отличие от вечных и абсолютно неизменных принципов естественного права, волеустановленное право «изменяется во времени и различно в разных местах». Таким образом, изменчивое человеческое право противопоставляется им естественному праву.

Следуя традиции Солона, голландский мыслитель утверждал, что право не может быть обеспечено без особой принудительной силы. Более того, проблема использования силы при реализации права сопряжена с идеей государства, которое и осуществляет функцию принуждения. В этой связи следует отметить, что Гроций был также одним из первых представителей теории общественного договора в Новое время, задолго до Т. Гоббса и Дж. Локка. Так, возникновение государства, следовательно, и внутригосударственного права голландский мыслитель объясняет естественным стремлением людей к общению, руководствуясь своим разумом. Возникновение частной собственности в догосударственном («естественном») состоянии породило вражду между людьми, привело к утрате чувства безопасности, и люди пришли к соглашению, заключив общественный договор и создав государство, цель которого обеспечить безопасность и защиту прав людей на основе, в том числе, принудительной силы. Идея договора, таким образом, является исходным в политико-правовой теории Гроция и имеет важное значение для понимания сущности государства и права. Кроме того, «сознательный» договор, добровольное вверение людьми полномочий и прав государству стало основой для использования теории общественного договора в контексте демократических исследований. Так, если власть порождена народом, то она и исходит от народа, следовательно, и существует во имя народа, и должна осуществляться посредством народа. В дальнейшем американский

---

⁸⁹ Гроций Г. О праве войны и мира / Под ред. С.Б. Крылова. М., 1956. С. 45.

президент Авраам Линкольн с этих позиций провозгласит свою знаменитую формулировку демократии как «власти народа, для народа и посредством народа»⁹⁰.

Теория естественного права и рассматриваемая в связи с ней теория общественного договора позволяют раскрыть и другие основы новоформирующейся демократии, в частности, идей свободы и равенства. Видный политический философ эпохи Томас Гоббс (1588–1679) раскрывает сущность понятия свободы посредством идеи общественного договора, выделяя естественное (догосударственное) и государственное состояние общества. В естественном состоянии царит «война всех против всех»: каждый индивид обуреваем жадностью, страхом, честолюбием и другими страстями; окружен завистниками и врагами; здесь действуют принципы естественного права, под которым понимается «свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого»⁹¹. При этом каждый индивид сам является судьей определения необходимых средств и действий. Следовательно, в естественном состоянии речь идет о неограниченной свободе. Более того, господство естественного права и ничем и никем необузданной естественной свободы каждого человеческого индивида, таким образом, на деле грозит человечеству самоистреблением. Вследствие этого возникает необходимость естественное состояние сменить гражданским, т.е. государственным. На основе взаимной договоренности индивиды добровольно отказываются от большинства своих естественных прав и свобод, оставив за собой лишь право на жизнь («право на самосохранение») и предоставляя верховную власть единому лицу – государству («Левиафану»). Именно в этот момент, в момент заключения общественного договора народ обладает суверенной властью: после заключения договора индивиды уже не вправе востребовать обратно у государственной власти переданные ей естественные права, они должны беспрекословно подчиняться всем повелениям государства, так как они выражают не произвол или беспредел, а разумную необходимость. Вместо

---

⁹⁰ Между тем некоторые американские источники утверждают, что данное высказывание американский президент перенял у Теодора Паркера – проповедника аболюционизма во второй половине XIX века (См.: **Keyes, R.** The Quote Verifier: Who Said What, Where, and When. St. Martin's Press. 2006. P. 47.)

⁹¹ **Гоббс Т.** Сочинения в 2 т. Т.2/ Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. М., 1991. С. 98.

естественной свободы же человек получает политическую свободу – часть естественного права, которая оставлена гражданам и которой им дозволено обладать в соответствии с гражданскими законами. Подобную форму свободы английский философ сводит ко всем тем действиям, которые не запрещены законом, что сегодня обозначается формулой «разрешено все, что не запрещено».

Понятие свободы является исходным и у другого выдающегося английского мыслителя – Джона Локка (1632-1704), который так же рассматривает сущность свободы сквозь призму теории общественного договора. Локк не принимает тезис Гоббса «войны всех против всех» как сущностной характеристики естественного состояния общества, утверждая, что догосударственный период представляет собой «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли»⁹². Вместе с тем он вовсе не имеет в виду абсолютную разнузданность и своеволие: в естественном состоянии никто не имеет право убить другого или нанести вред самому себе, так как действует «естественный закон мира и безопасности» (в отличие от гоббсовского «естественного состояния»). В этом смысле в концепции Локка свобода мыслится как сопряженная с нормативным характером «естественного закона», что объясняется локковским учением о человеке. Локк, вслед за Гоббсом, признает, что человеку свойственны страсти-стремления, побуждаемые его эгоистической природой, но либеральный мыслитель вносит в содержание понятия «естественное состояние» нравственно-обязующий и социально-связующий элемент, что также основано на идее равенства людей «от природы».

Тем не менее, в естественном состоянии нет соответствующих органов по беспристрастному решению споров, возникающих на почве нарушения естественного закона. Это порождает чувство безнаказанности среди людей и дестабилизирует обстановку. Поэтому с целью обеспечить естественные права, равенство и свободу люди образуют политическое сообщество – государство. При этом в качестве единственного законного источника власти, по Локку, выступает согласие народа, т.е. общественный договор. Поэтому заключая договор, люди передают государству столько прав и полномочий, сколько необходимо для защиты законов и гражданских

---

⁹² Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Том 3 / Под ред. И.С. Нарского и А.Л. Субботина. М., 1988. С. 263.

интересов. Иначе говоря, в отличие от Гоббса, локковский вариант договора оставляет большую часть гражданских и политических прав за гражданами, а не государством, что подчеркивает его приверженность к принципу народного суверенитета. Но, как и у Гоббса, у Локка наблюдается схожее понимание свободы – в тесной связи с законами. «Закон в его подлинном смысле представляет собой не столько ограничение, сколько руководство для свободного и разумного существа в его собственных интересах... Целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы... Там, где нет закона, нет и свободы»⁹³, – пишет Локк.

Примечательно, что Локк в духе либеральных воззрений эпохи усматривает тесную связь свободы с собственностью. Он считает, что свобода мыслима тогда, когда она сопряжена с частной собственностью. Последний аспект затем в самой развернутой форме станет одним из наиболее обсуждаемых вопросов в социально-политической проблематике. Между тем следует подчеркнуть, что обоснование частной собственности было направлено как против уравнилельных теорий (так как люди не равны по трудолюбию, способностям, бережливости – собственность не может быть равной), так и против претензий абсолютной монархии на имущество подданных. В этой связи Локк обращается и к другой (помимо свободы) основе демократии – проблеме равенства. Он утверждает, что Бог создал всех равными, что в равной мере дает возможность каждому в естественном состоянии наказывать нарушителей естественного закона, а в государственном состоянии в равной мере иметь доступ к благам природы. Но у людей разные навыки и способности, следовательно, каждый по-своему прилагает труд к благам, поэтому, согласно Локку, вполне естественно, что общество состоит из разных социально-экономических слоев. Таким образом, он формулирует одну из наиболее фундаментальных идей современной демократии – тезис о равенстве возможностей.

С позиций демократической традиции общественный договор рассматривается и у Жан-Жака Руссо (1712-1778), который переосмысливает понятие «равенства», «свободы», а также самого «общественного договора». Так, Руссо подчеркивает ошибочность мнения, согласно которому «естественное состояние» когда-либо реально существовало: естественное состояние должно быть принято лишь как

---

⁹³ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 293.

гипотеза, помогающая лучшему пониманию человека. Кроме того, в отличие от большинства современников, Руссо считает, что договор и переход в государственное состояние имеет отрицательное значение: мыслитель рассматривает договор не как торжество разума, а как следствие обмана. Эта позиция основана на его убежденности, что источником всех социальных зол является частная собственность. Автор отмечает, что в естественном состоянии, когда не было понятия частной собственности, люди были счастливы, они были равны и свободны. Однако, ввиду того, что люди по природе наделены разными возможностями, у некоторых появлялся «избыток» благ, в результате чего появились притязания на сами блага природы, а не их использование, что в конце концов и породило чувство собственности. Вследствие этого начинается также деление людей на бедных и богатых: неимущие начинают брать в долг у богатых и постепенно попадают в кабалу. В этих реалиях заключение общественного договора для бедняков (которые по объективным причинам составляют большинство) рассматривается как «спасение», тогда как для имущих людей договор выступает как способ легитимации их господствующего положения.

Исходя из данной критики, Руссо создает проект справедливого политического устройства, основанного на таком «договоре», заключая который человек не утратил, а приобрел бы свободу. В частности, он подчеркивает, что соглашение между людьми должно заключаться не как между подданными и правителями, а как между равными субъектами. При этом так как наивысшим благом для людей являются свобода и равенство, то истинное политическое устройство предполагает, чтобы, соединившись с другими в общество, человек не терял своих естественных прав: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого»⁹⁴. В этом контексте мыслитель развивает идею неотчуждаемости прав человека при заключении общественного договора, трансформируя неотчуждаемость прав в неотчуждаемость суверенитета, «воли» народа. «Суверенитет, который есть только осуществление общей воли, не может никогда отчуждаться... Передаваться может власть, но никак не воля»⁹⁵, – пишет

---

⁹⁴ Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М., 1998. С. 9.

⁹⁵ Там же. С. 14.

Руссо. Таким образом, французский мыслитель не только полностью подчиняет договор и создаваемую им власть воле народа, но и подчеркивает неделимость и неотчуждаемость народного суверенитета⁹⁶. Кроме того, следует заметить, что среди просветителей Руссо первый поставил социальную проблему, усмотрев корень зла в противоречиях между богатыми и бедными.

Своеобразным гимном нового понимания свободы выступила традиция выдающегося теоретика либерализма Констан де Ребека (1767–1830), который оказал значительное влияние также на взгляды де Токвиля. На основе сравнительного анализа проблемы свободы у древних и новых народов Констан строго различает свободу гражданскую (личную) и свободу политическую. Так, в полисной Греции и республиканском Риме существовала свобода политическая, которая «состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятом в целом, – обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов»⁹⁷. Это была коллективная политическая свобода, понимаемая как право (и как обязанность) участвовать в коллективном отправлении власти. Констан отмечает, что древние допускали полное подчинение индивида авторитету сообщества, как совместимое с коллективной формой свободы: личность была полностью поглощена обществом и государством, гражданин античности не знал личной, «истинной» гражданской свободы. У новых же народов на первый план выдвигается свобода гражданская. Она состоит в определенной независимости частной жизни индивида от государственной власти и включает ряд прав: неприкосновенность личности, право подчиняться только законам, свобода слова, свобода совести, свобода выбора занятий, свобода частной собственности и невмешательство государства в экономику, свобода передвижения и местожительства и др. В отличие от древних, пишет Констан, «у наших современников, напротив, независимый в частной жизни индивид суверенен в политике лишь по видимости даже в самых свободных государствах»⁹⁸. Тем самым мыслитель показывает, каким

---

⁹⁶ В духе Жана Бодена, который в XVI веке выдвинул идею о неделимости суверенитета, Руссо рассуждает о неделимости, «неприкосновенности» суверенной воли народа.

⁹⁷ Антология мировой политической мысли в 5 т. Т.1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Отв. ред. А. А. Мигولاتьев. М., 1997. С.617.

⁹⁸ Там же. С.618.

образом свобода как одна из основ демократии трансформировалась от античного понимания к ее интерпретации в Новое время.

Вместе с тем следует отметить, что позиция Ребека имеет и контраргументы. Как отмечает К.А. Мирумян, сохранившиеся источники свидетельствуют, что Афинская демократия включала сумму основополагающих свобод (и прав), которые в современной научной литературе передаются термином «гражданские свободы». К таковым в ту эпоху относили свободу слова (никто из граждан не мог быть осужден без суда и следствия), запрет на использование пыток в ходе следствия; право владения землей и недвижимостью, их завещание, неприкосновенность собственности, право возбуждения судебного дела против должностных лиц и даже полиса в целом и др.⁹⁹ По-видимому, рассуждения де Ребека следует рассматривать не в контексте полного исключения гражданских прав у древних греков, а с позиций фиксирования различий в понимании свободы в соответствии со спецификой мировоззрений эпохи Античности и Нового времени.

Теория общественного договора выступила в качестве идейно-политической традиции, отдельные положения которой выявляют самые основания для понимания логики социально-политических процессов Нового времени. Она не была непосредственно обращена на развитие демократии и, уж тем более, не предполагала обязательным образом демократическое толкование. В то же время ее преимущественно либеральная интерпретация свободы, равенства и других основ демократии, а также подчеркивание исключительной роли народа как носителя суверенитета позволили возвести идею «народа-суверена» в ранг императива для постепенно формирующейся новой формы демократии, рождение которой принято относить к концу XVIII и началу XIX веков. Именно с этого времени можно судить о начале и постепенном углублении процесса реанимирования демократии в политической практике, о неизбежности прорыва ее идей в дух эпохи, о ее победе, символами которой стали американская и французская революции. И именно в этих реалиях де Токвиль выступил со своим глубоким анализом демократии, оказавшись на «передовой» ее исследования. При этом значимость концепции де Токвиля заключается не столько в том, что она знаменует неминуемый переход от старого

---

⁹⁹ **Мирумян К.А.** К вопросу о личных правах и свободах граждан в Афинской демократии // *Մտքի և ժողովրդավարության հիմնահարցեր*, Երևան, 2004. С. 80.

порядка к новой демократической эпохе, сколько в том, что с этих позиций она намечает траектории будущего развития общества, политики и даже политической науки, подчеркивая место демократии в социально-политическом и научном измерениях нового общества и указывая на основные проблемы «демократического будущего».

Таким образом, развитие демократической традиции в эпоху Средних веков и Нового времени выступает связующим звеном между первой демократией и ее современной формой. Этот период, охватывающий более тысячелетия, представляет огромный исследовательский материал и не только демонстрирует, насколько важно прослеживание логической связи в развитии демократии с момента ее возникновения до формирования ее современной «модели», но и выражает специфику адаптации демократических идей в соответствии с изменяющимися эпохальными мировоззренческими реалиями. В то же время, вместе с античным периодом истории и теории демократии этот пласт исследований выражает также теоретический базис для изучения «токвилевской демократии»: рассмотрение концепции мыслителя в не меньшей степени требует учет контекста исторического развития демократии, что в свою очередь также позволяет раскрыть полноту идей Токвиля. Примечательно, что многие токвилевские положения нередко представляют собой осмысление и интерпретацию проблем традиционной демократии в условиях специфики их постановки в реалиях современности: «тирания большинства» – это античная идея диктатуры демоса, принцип умеренности – принцип «золотой середины» афинских мудрецов, критика централизации власти основана на опыте средневековых монархий, тезис о необходимости политической активности людей при демократии – солоновская идея обязательной гражданской позиции и др. Это обстоятельство вновь свидетельствует о том, что Токвиль не мог писать о демократии в отрыве от ее истории. Более того, политическую теорию французского мыслителя как продукт научного и общественного «заказа» также можно объяснить во многом именно логикой исторического процесса развития демократии.

ГЛАВА II. КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИИ А. ДЕ ТОКВИЛЯ

Алексис де Токвиль – один из тех мыслителей, внимание к творческому наследию которого не угасало как при жизни, так и после смерти автора. Известный французский публицист, литературовед и критик Сент-Бёв еще в середине XIX века отмечал, что Токвиль «предстанет как неисчерпаемый предмет рефлексии для многих будущих поколений»¹⁰⁰. Время подтвердило эти слова: Токвиль стал одним из наиболее исследуемых авторов XIX и XX веков. Более того, фигура де Токвиля является ключевой в становлении ряда научных дисциплин на Западе. По оценке А. Коббена (одного из крупнейших современных исследователей Франции XVIII века), с появлением Токвиля на смену теориям «заговора», «роковых сил» приходит подлинно научный подход, состоявший в анализе фактов социальной истории¹⁰¹. С этих позиций французского мыслителя часто рассматривают в контексте его вклада в становление социологии. С другой стороны, нащупав пульс эпохи, де Токвиль наметил необходимость разработки, прежде всего, новой политической науки. В этой связи примечательна позиция исследователей, которые объединяют эти две традиции и рассматривают Токвиля в рамках «политической социологии»¹⁰². Тем не менее, следует отметить, что работы де Токвиля не ограничиваются лишь рамками социологических и политических исследований, он обращается к более широкому спектру вопросов, выступая как «социолог, психолог, философ и моралист»¹⁰³; его работы затрагивают вопросы политологии, антропологии, истории, философии, а по замечанию Р. Сведберга – даже экономики (в частности, политэкономии¹⁰⁴), тем самым «выдавая» свой «кросс-дисциплинарный характер»¹⁰⁵.

Для понимания концепции Токвиля, логики его мышления необходимо определить факторы, повлиявшие на формирование его политического сознания. Ф. Фуре в этой связи настаивает на необходимости исследования, прежде всего, тех

---

¹⁰⁰ Цит. по: **Craiutu, A.** Tocqueville and the political thought of the French doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Remusat). URL: <http://www.indiana.edu/~tcqville/docs/CraiutuHTarticleonTocquevilleandtheDoctrinaires1999.pdf> (дата обращения: 18.09.2016)

¹⁰¹ См.: **Cobban A.** Aspects of the French revolution. London, 1968. P.40

¹⁰² См., например: **Hess, A.** Concepts of Social Stratification. Palgrave Macmillan, 2001. P. 50-57.

¹⁰³ **Schleifer, J.** The Making of Tocqueville's Democracy in America. Foreword by George W. Pierson (2nd edition). Indianapolis, 2000. P.3.

¹⁰⁴ См.: **Swedberg, P.** Tocqueville's Political Economy. Princeton University Press. 2009. P. 146-172.

¹⁰⁵ **Craiutu, A.** Tocqueville's New Science of Politics Revisited // «Liberty Matters» Online. URL: <http://oll.libertyfund.org/pages/tocqueville-s-new-science-of-politics> (дата обращения: 13.10.2015)

проблем, которые подтолкнули французского юриста осуществить поездку в США¹⁰⁶. Действительно, поездка де Токвиля в Штаты, как и книга «Демократия в Америке» были обусловлены проблемами, которые требовали решения в рамках именно французских (а не американских) реалий. Это была эпоха, когда постнаполеоновская Франция нуждалась в коренных преобразованиях и, прежде всего, в реформах политической системы. Великая революция, которая, казалось бы, должна была упразднить монархию, нивелировать привилегии аристократов, установить новый порядок, порядок равенства и свободы, сначала привела к фактической имперской власти Наполеона, затем реставрации монархии, которая, несмотря на значимую роль парламента и промежуточные перевороты и революции (в 1815 г. – «100 дней» Наполеона, в 1830 году – июльская революция, которая свергла Карла X, но, тем не менее, установила власть другого монарха Луи Филиппа¹⁰⁷), сохранилась вплоть до событий 1848 года и установления Второй Французской республики¹⁰⁸. Франция, таким образом, на деле уже не была монархией, но она не была и республикой: это период, который, скорее, следует характеризовать как состояние разрушенного старого и не до конца построенного нового порядка. Иначе говоря, родина Токвиля оказалась на переходном этапе становления демократической республики. Стремление же мыслителя посетить именно США было обусловлено необходимостью исследования удачного опыта демократического строительства и не столько с целью перенятия, сколько учета этого опыта при разработке собственной политики демократизации. В то же время, сказанное вовсе не означает, что законы, уроки и рекомендации де Токвиля обращены лишь на решение вопросов, специфичных для французских социо-политических реалий XIX века: его научные труды направлены на исследование проблем демократического перехода как такового, что и делает его концепцию актуальной также для сегодняшних реалий науки и политической практики.

---

¹⁰⁶ См.: **Furet, F.** «The Intellectual Origins of Tocqueville's Thought» // *The Tocqueville Review*, Vol. 7 (1985), University of Toronto Press, pp. 117-127.

¹⁰⁷ См.: **Ревякин А. В.** Французские династии. Бурбоны, Орлеаны, Бонапарты // *Новая и новейшая история*, 1992, No. 4. С. 82-110.

¹⁰⁸ Хотя и после 1848 года позиции республиканцев были очень слабы: президентом (первым в истории Французской республики) стал Луи Бонапарт (племянник Наполеона), который фактически установил единоличную власть, провозгласив становление так называемой «Второй империи» (продлилась до революции 1870 года и установления «Третьей республики»).

2.1 Общая характеристика политической теории де Токвиля

Начиная с 1830 года, Токвиль вынашивал идею о написании книги об Америке, о стране, которая уже тогда была известна в Европе благодаря своим успехам в политической сфере, в области государственного строительства. Он стремился написать работу о функционировании американских политических учреждений, о демократической системе в целом. Однако для этого необходимо было посетить Штаты: «заочное» описание американской системы Токвилю представлялось неэффективным, да и непреодолимый энтузиазм к познанию Америки было уже не удержать. В то время 25-летний Токвиль работал в системе правосудия Франции, поэтому повод для посещения США должен был иметь соответствующий содержательный характер, непосредственно связанный с его работой. В ноябре 1830 года Токвиль и его друг Гюстав де Бомон (1802-1866 гг.) обращаются с просьбой о предоставлении им неоплачиваемого отпуска для посещения США и исследования пенитенциарной системы Америки. Молодые энтузиасты связали свое предложение с реформами уголовного кодекса, актуального и наиболее обсуждаемого вопроса французской политической жизни. Поэтому спустя несколько месяцев руководство удовлетворило просьбу об отпуске, и второго апреля 1831 года Токвиль вместе с Бомоном отплыл в Соединенные Штаты.

В течение девяти месяцев Токвиль побывал в самых разных частях Америки. Он проделал полевую социологическую работу: встречался с чиновниками и простыми рабочими, заранее готовил вопросы, собирал и сопоставлял информацию из разных источников. В центре его внимания оказались не только политические институты и нормы, характер их взаимоотношений, политическая культура американцев, но и их быт и повседневная жизнь, история Америки, различные социально-экономические и культурные проблемы Штатов. Токвиль даже исследовал географические и природные особенности США. Однако его интересовало, прежде всего, то, что можно было бы «перенести» во Францию, и в этом смысле речь идет о демократии. Именно эта проблематика станет главным предметом его раздумий после возвращения во Францию, после чего он напишет первый и наиболее известный том книги «Демократия в Америке».

Америка вдохновила молодого мыслителя: в первые месяцы пребывания в Штатах Токвиль был полностью поглощен впечатлениями. Вместе с тем его

критичный интеллект позволил выйти из «тумана» предрассудков и эмоций, что позволило мыслителю написать подлинно научный труд, концептуализирующий поставленный перед ним спектр вопросов и проблем. В этом деле не последнюю роль сыграло то, что Токвиль, рассуждая о разных аспектах американской демократии, всегда сознательно и даже подсознательно сравнивал свои наблюдения с реалиями во Франции: его мысленная связь с родиной пронизывала его исследование во всех ее гранях¹⁰⁹. Поэтому он исследует не Америку посредством демократии, а демократию посредством Америки: сведение его концепции к рассмотрению узкой американской политической системы представляется некорректным. В то же время значительная часть ключевых идей Токвиля отображена именно в «Демократии в Америке», которая выступает как источник исходных положений его политической концепции. Рефлексия именно над американской политической системой позволила мыслителю разработать концепцию демократии, которая актуальна по сей день.

Основная идея и, одновременно, целевой ориентир концепции де Токвиля выражается в тезисе защиты индивидуальной свободы при переходе к демократическому порядку. Он убежден, что современная демократия несет в себе многие угрозы для свободы, что обусловлено ее природой, основанной на идее всеобщего равенства. Автор выступил первым мыслителем, который обратил внимание на то, что главной отличительной чертой демократии является равенство (равенство возможностей): свобода не выделяет суть нового общества, она существовала и прежде – в аристократии, в монархии и т.д.; равенство же стало знаменем новой демократии. Более того, несмотря на то, что в демократии понятия свободы и равенства тесно взаимосвязаны, Токвиль отмечает, что это явления разного порядка, и это обусловлено тем, что люди (демократическое большинство) всегда предпочитают равенство свободе, потому что оно дается им легче. Радости, доставляемые равенством, не требуют ни жертв, ни особых усилий: чтобы удовольствоваться ими, надо просто жить. Другое дело – свобода, особенно, политическая: условия свободы требуют от человека напряжения, больших усилий, связанных с необходимостью быть самостоятельным, делать всякий раз собственный выбор, отвечать за свои действия и их последствия и, наконец, «учиться жить

---

¹⁰⁹ См.: **Macfarlane, A.** Alexis de Tocqueville and the making of the modern world. URL: http://www.alanmacfarlane.com/TEXTS/Tocqueville_final.pdf (дата обращения: 11.12.2015)

свободным»¹¹⁰. Наконец, главная причина приоритета равенства над свободой при демократии заключается в том, что равенство намного труднее «отнять» у народа, нежели свободу: для «отмены» равенства нужно «менять законы, трансформировать обычаи и нравы, менять все социальное устройство»¹¹¹. Иначе говоря, за свободой надо «ухаживать», она представляет собой определенный «крест»; ее преимущества, достоинства «не дают себя знать, как правило, мгновенно; удовлетворение, которое она приносит, испытывает не столь широкий круг людей, какой охватывает сторонников равенства». Поэтому, заключает Токвиль, «демократические народы с большим пылом и постоянством любят равенство, нежели свободу»¹¹².

Вместе с тем следует отметить, что «риски равенства для бытия свободы»¹¹³ не замыкаются жесткой борьбой. Токвиль пытается примирить их, ввести в контекст взаимодополнения: в его концепции свобода выступает как необходимое условие обеспечения равенства – обеспечения адекватного функционирования демократической системы. В этом смысле защита свободы индивида выступает как важнейший гарант успеха демократизации. Именно поэтому де Токвиль «пропускает» все свои рассуждения сквозь «сито» свободы личности, что наглядно выражено в том, что изучение им проблемы соотношения свободы и равенства эксплицитно сопровождается «мобилизацией» значительной части ключевых идей и положений его теории. Кроме того, в этом аспекте проявляются и гуманистические воззрения де Токвиля. Для него свобода, прежде всего, условие для самореализации личности, «нескончаемый источник для индивидуального творчества, силы и моральной ценности» индивида¹¹⁴. Таким образом, если Токвиль смотрит на демократию с позиций защиты свободы, то в свою очередь идею свободы он пронизывает ценностями и ориентирами гуманистической традиции, рассматривая свободу как способ воплощения высшей человеческой доблести. Более того, как отмечает швейцарский исследователь Н. Барт, токвилевский гуманизм не имеет узко

---

¹¹⁰ См.: История политических и правовых учений / Под ред. **Нерсесянца В.С.** М., 1998. С. 479-480.

¹¹¹ **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С. 372.

¹¹² Там же. С. 371.

¹¹³ См.: **Lukes, S.** «Equality and Liberty: Must they Conflict» in *Morality and Conflict in Politics*. Oxford University Press, 1991, P. 51.

¹¹⁴ **Kaledin, A.** *Tocqueville and his America: a darker horizon*. Yale University Press. 2011. P.6.

национальный характер, он направлен на все человечество: «Токвиль хотел свободы для себя, хотел видеть свободными свою родину и все человечество».¹¹⁵

Особое предназначение свободы в рамках концепции де Токвиля обусловило также специфическую связь гражданского общества и государства, соотношение которых в его теории невозможно сформулировать в традиционных терминах субъекта и объекта. Для него существует единое пространство, в котором политическое воплощается в социальном, а социальное – в политическом. Власть как бы включена в общество, но не в контексте логики теории тоталитарной власти, а в духе обеспечения социально-политического единства. Отсюда термин «социальной власти»¹¹⁶ («*pouvoir social*»), часто используемый им для описания власти, которая воплощена в воле и действиях именно гражданских ассоциаций, а не государственных учреждений. Примечательно, что в рассуждениях Токвиля индивидуальная и политическая свобода также не обходятся друг без друга, что было подмечено многими исследователями¹¹⁷.

Как было отмечено, труды французского мыслителя представляют рефлексию, прежде всего, над современной ему формой демократии: де Токвиль не ставил перед собой цель раскрытия истории данного феномена, его интересовали ее современные проблемы и вызовы, поэтому в его работах мало исторических параллелей с античной и другими историческими формами демократии. Данное обстоятельство может ввести в заблуждение исследователя, создав впечатление, что Токвиль не имел глубоких познаний в области истории демократии, поэтому и обошел ее. Думается, однако, что дело обстоит в точности наоборот – именно знания мыслителя в данной области в значительной мере обусловили исключительную проницательность его взглядов. Как отмечает в этой связи Э. Гэргэн, «никакого постмодернистского отказа от истории» в концепции Токвиля не наблюдается, она основана на той идее, что «возможности общества отвечать ее современным потребностям зависят от ее же понимания связи между прошлым, настоящим и будущим»¹¹⁸. Иначе говоря, то обстоятельство, что де Токвиль в своих работах не рассматривает историю и теорию традиционной

---

¹¹⁵ **Barth, N.** Die Idee der Freiheit und der Demokratie bei Alexis de Tocqueville /Zürcher Diss./ Aarau, 1953. S. 54.

¹¹⁶ См.: **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С. 379-380.

¹¹⁷ См.: **Nantet, J.** Tocqueville. Paris, 1971. P. 82; Лефор К. Политические очерки (XIX-XX века) / Пер. с франц. Е.А. Самарской. М., 2000. С. 218; **George, W.H.** Montesquieu and de Tocqueville and corporative individualism // Amer, polit, science rev. Baltimore, 1922, Vol. 16, No 1, pp. 10-21

¹¹⁸ **Nolla, E.** (Ed.). Liberty, Equality, Democracy. NYU Press, 1992. P. 188.

демократии, означает не «отбрасывание» данного пласта, а ее учет (наблюдаемый преимущественно имплицитно) при исследовании более конкретной проблемы и при решении поставленных задач.

Тем не менее, данная позиция не является доминирующей в токвилеведении: концепция де Токвиля зачастую рассматривается в контексте определения понятия демократии с позиций ее современной формы и, более того, выступает как теоретико-методологический инструмент обоснования и оправдания «суженной» концептуализации феномена¹¹⁹. Вместе с тем необходимость в корректировках в данном вопросе обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, Токвиль обращался к данной форме демократии не потому, что воспринимал ее как «наивысший уровень» развития демократии, а ввиду того, что именно эта форма народовластия выступает как реальность эпохи и именно ее проблемы и вызовы должны быть рассмотрены в первую очередь. Во-вторых, отношение де Токвиля к либерализму (который выступает как главный идеологический стержень современной демократии) далеко не однозначно и во многом обусловлено прагматическими взглядами мыслителя. В-третьих, в теории де Токвиля наличны многие элементы синергетики, что было подмечено еще Г. Хакеном¹²⁰ – одним из основателей синергетической научной дисциплины: синергетика рассматривает процессы развития и самоорганизации с позиций эволюционизма, но не впадает в крайность исключительно прогрессистского толкования эволюции и самоорганизации. Так же и токвилевская теория демократии изучает современную форму народовластия не в качестве ее последней ступени прогресса в развитии феномена, а как ее очередной этап развития. Более того, это состояние подчинено предыстории феномена и потому немыслимо вне этого контекста. Токвиль, таким образом, выступает в качестве не защитника, а, наоборот, критика отмеченного подхода к определению демократии. Это принципиально важный аспект, потому что в токвилеведении он был оттеснен на второй план, хотя сама оговорка де Токвиля прослеживается во всей его концепции.

Иной важной характеристикой концепции де Токвиля является то обстоятельство, что она основана на значительной доле прагматизма. Сама «демократическая оболочка», в рамках которой мыслитель проводит свое

---

¹¹⁹ Некорректность данного подхода была обоснована в первой части данной работы.

¹²⁰ См.: **Хакен Г.** Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск, 2003. С. 196, 213.

исследование, обусловлена не столько «симпатией» (зачастую некорректно приписываемой мыслителю) к демократии, сколько его исследовательскими целями. «Я не вправе предлагать свои суждения относительно того, несет ли социальная революция... добро или же зло всему человечеству. Я принимаю эту революцию как факт, уже свершившийся или готовый вот-вот свершиться...»¹²¹, - пишет де Токвиль. То есть, свою «миссию» он видел не в определении лучших или худших обществ, а в выявлении того, какие глубокие трансформации и процессы наблюдались в его время и какое будущее они предвещали для Европы и всего мира. Отношение Токвиля к демократии, как тонко подмечает Сент-Бёв, – это «брак по расчету, по необходимости, а не по любви»¹²². Таким образом, концепция демократии Токвиля – это не столько гимн демократии, сколько продукт реалистического видения политических тенденций эпохи. Именно в этом контексте и следует оценивать его слова о том, что монархия и аристократия изжили себя и мир неизбежно вступает в эпоху «великой демократической революции»¹²³.

С аналогичных позиций следует рассматривать также критическое отношение Токвиля к социализму, ставшее основанием для причисления его к числу защитников так называемой «буржуазной демократии». Теоретическое наследие мыслителя часто используется для оправдания победы «буржуазно-либеральной» демократии над социализмом, и последняя «волна» актуализации его работ в конце XX века часто объясняется именно в контексте «победы Токвиля над Марксом»¹²⁴, которая, как отмечает Ф. Фюре, состоялась не только в политическом, но и в методологическом плане¹²⁵. Токвиль называл социалистические учения «ложными», «ошибочными», «нелепыми», «химерическими», «преувеличенными» теориями, «болезнью умов»¹²⁶, отмечая, что демократия и социализм выступали как «вещи не только различные, но и противоположные»¹²⁷. Он, в частности, подчеркивает, что хотя демократию и

---

¹²¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 34.

¹²² Там же. С.21.

¹²³ Там же. С.27.

¹²⁴ Токвиль долгое время обходился в советской литературе, потому что рассматривался как «буржуазный» мыслитель.

¹²⁵ Furet, F. L'importance de Tocqueville aujourd'hui // L'actualité de Tocqueville. Caen: Centre de publications de l'Université de Caen, 1991. P. 139-140.

¹²⁶ См.: Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем / Пер. с франц. В. Неведомского. М., 1893. С. 85, 111, 155.

¹²⁷ Цит. по: Веремчук Л.П. Алексис де Токвиль о революции 1848-1849 гг. во Франции. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/295/image/295_111-118.pdf (дата обращения: 03.09.2015)

социализм объединяет понятие равенства, «демократия добивается равенства в свободе, социализм добивается равенства в ограничениях и рабстве»¹²⁸. Именно поэтому будущее демократии он видел исключительно в рамках капиталистического общества и либерально-индивидуалистического мировоззрения. Мыслитель, таким образом, различает равенство, которое можно совместить со свободой (равенство либеральной демократии, равенство возможностей)¹²⁹, и равенство, принципиально отвергающее свободу (социалистическое, эгалитарное). Эта позиция Токвиля затем будет поддержана многими исследователями, в том числе видным английским историком и политиком лордом Эктоном, который рассматривал равенство, установленное французской революцией, с позиций именно социалистической оценки. Политик в этой связи отмечал, что «глубочайшей причиной, сделавшей французскую Революцию столь губительной для свободы, была ее теория равенства... с которой свобода угасла в крови»¹³⁰.

Тем не менее, данный аспект требует существенной оговорки, идейные основания которой наблюдается в речи Токвиля от 12 сентября 1848 года¹³¹ перед Конституционной ассамблеей. В ней он вновь подвергает резкой критике социалистическое видение основ новоформируемой демократии, а затем полемизирует вокруг данного вопроса с социалистами. Последние, в частности, приводили аргумент, что если Токвиль отводит столь важную роль демократии, то он не вправе критиковать социализм, так как первая демократия в Афинах была во многом социалистической по своему духу. Токвиль в ответ отмечает, что его целью являлось не изучение истории или корней демократии, как таковой, но исследование той ее формы, которая существует «здесь и сейчас» (приводя пример американской демократии), которую он мог изучить на месте и которая при всей схожести самой идеи демократии в сравнении с греческой моделью имеет совершенно другой облик. То есть, его позиция по дифференциации античной и современной ему демократии была обусловлена не только и не столько критикой столь «враждебного» для него социализма, его равенства и оправданием американской «несоциалистической»

---

¹²⁸ Craiutu, A., Jennings, J. Tocqueville on America after 1840. Letters and other writings. P.400.

¹²⁹ Что при этом требует ряд усилий, следование концептуальным установкам и рекомендациям де Токвиля.

¹³⁰ Dalberg-Acton, J. The History of Freedom and Other Essays/ Edited by Figgis, J.N. London, 1907. P.88.

¹³¹ См.: Tocqueville on America after 1840. Letters and other writings / Edited and translated by Craiutu, A., Jennings, J. Cambridge University Press, 2009. P. 394-404.

демократии, сколько прагматическим видением основ демократии в условиях новых социально-политических, экономических и культурно-мировоззренческих реалий: современная индивидуалистическая демократия «не терпит» социалистическую интерпретацию¹³², она не в силах сосуществовать с ее эгалитарным пониманием равенства. Примечательно, что, обращаясь к этому же вопросу, известный австрийский экономист Ф. фон Хайек также отмечал, что в свое время отмеченный момент «лучше всех сумел разглядеть именно де Токвиль»¹³³.

Кроме того, в контексте оценки отмеченных позиций в условиях наших дней важно понимать, что токвилевская критика социализма исходила из современных ему социалистических учений, тогда как с того времени социалистические теории претерпели значительные изменения, в том числе по вопросу собственности, личной свободы и т.д.: по сути, социализм пошел на «уступки» ради своего выживания. Так, многие развитые демократии современности основаны именно на социалистических по своему характеру идеях (например, социальные гарантии для безработных и неимущих), которые в современной теории резюмированы в рамках учений социального государства. Как правомерно отмечает Ф. Хайек, «парадокс заключается в том, что тот самый социализм, который всегда воспринимался как угроза свободе... и был направлен против либерализма Французской революции, в дальнейшем завоевал всеобщее признание как раз под флагом свободы»¹³⁴. С этих позиций токвилевскую критику социализма следует рассматривать исключительно в контексте несовместимости социалистических идей именно XIX века с принципами, которые, по Токвилю, необходимы для адекватного функционирования новой демократии.

Следует также отметить, что, несмотря на все преимущества либеральной экономики и их необходимость для поддержания функционирования демократической системы, Токвиль, тем не менее, не считал себя поборником прав «буржуа» и не импонировал коммерческому типу мышления. Наоборот, в них он видел многие недостатки демократии. Среди таковых он рассматривает и погоню людей за материальным обогащением, отмечая, что когда в условиях равенства главным мерилom социальной дифференциации выступает материальный достаток,

---

¹³² См.: **Кустова Л. П.** Концепция буржуазного общества в системе исторических взглядов Алексиса Токвиля // Методологические и историографические вопросы истории, 1983, Вып. 17. С. 134–135.

¹³³ **Хайек Ф. фон.** Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского, И. Пильщикова. М., 2005. С.48.

¹³⁴ Там же. С. 47.

деньги превращаются в самоцель. При аристократическом же порядке дело обстояло иначе: аристократ, имея богатство и владея им по наследству, не представляет себе иной жизни, он не опасается за свое благополучие, поэтому и не привязан к материальным благам так, как это наблюдается у людей демократии, у которых присутствует постоянный страх потерять имущество. Для аристократов «материальное благосостояние не является целью жизни; это лишь образ их жизни»¹³⁵. «Человек же демократии», который некогда был бедняком и теперь разбогател, не может мыслить как аристократ (хотя по своему богатству может в несколько раз превосходить его), он постоянно думает о своем благосостоянии. Именно поэтому, отмечает Токвиль, коммерция, стремление преумножить свое богатство представляет неотъемлемую часть современной демократии. По сути, Токвиль таким образом объясняет связь капиталистического и материалистического мировоззрения с демократической формой социально-политической организации общества. В то же время на фоне критики социализма он позиционирует себя с «капиталистической демократией», скорее, в той мере, в какой та представляет собой неизбежность и, в этом смысле, «меньшее из зол».

Тот же прагматизм де Токвиля стал главной причиной того, почему после революции 1848 года и установления Второй республики он решил принять предложение¹³⁶ властей возглавить внешнеполитическое ведомство страны. Токвиль, несмотря на свое отнюдь не лояльное отношение к существующему в то время режиму, тем не менее, решил принять предложение новых властей. В письме американскому историку и дипломату Дж. Банкрофту (от 15 января 1848 года) он писал, что «принял пост вопреки своей предрасположенности и исключительно с надеждой поспособствовать восстановлению порядка, с целью усиления умеренной и конституционной республики»¹³⁷. Иначе говоря, он принял это предложение с целью максимально использовать свои полномочия для решения проблем, стоящих в то время перед Францией, о чем он неоднократно напишет в «Воспоминаниях»¹³⁸.

---

¹³⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 390.

¹³⁶ Для того, чтобы вобрать в свои ряды опытного чиновника и талантливого политического мыслителя, власти решили предложить Токвилю высокую государственную должность, однако учитывая его критические взгляды касательно внутривнутриполитических процессов Франции, ему предложили внешнеполитическое ведомство.

¹³⁷ Craiutu, A., Jennings, J. Tocqueville on America after 1840. Letters and other writings. P. 104.

¹³⁸ См.: Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем / Пер. с франц. В. Неведомского. С. 215-227.

Другой вопрос, что в итоге «непрямой конфронтации» с властями Токвиль спустя полгода ушел в отставку: он не смог подчинить свой пост для решения внутренних задач, а правительство не смогло «завербовать» мыслителя.

Исследование французского мыслителя обращено не только на изучение природы феномена демократии, но и генерирует ряд конкретных рекомендаций по демократическому строительству, переходу к демократии и по ее эффективному функционированию после «установки», что также обусловлено исследовательскими целями Токвиля. В этом смысле «Демократия в Америке» – это книга об «искусстве демократического правления»¹³⁹ («democratic statesmanship»), что подчеркивает ее предназначение для правителей государств. С другой стороны, необходимо отметить, что замысел де Токвиля был в формулировании наставлений как для политической элиты, так и для самого общества, для отдельного гражданина – основного «носителя» демократии. В этом смысле значимость работ де Токвиля определяется не только использованием его рекомендаций государственными мужами, но и степенью проникновения этих идей в массы, в каждого индивида. На наш взгляд, данный аспект исключительно важен при изучении научного наследия де Токвиля, так как выявляет один из целевых ориентиров его творчества.

Еще одной существенной чертой токвилевской теории выступает наблюдаемое в его концепции стремление найти компромисс между старым и новым порядком, что обусловлено необходимостью обеспечения «безвредного» для свободы и максимально «гладкого» демократического перехода. Автор следует древнегреческому принципу «золотой середины»¹⁴⁰, осмысляя самые разные проблемы политического устройства с позиций умеренности: он пытается «обуздать» демократию с позиций лучших сторон аристократии, умерить ее пыл. В этом подходе можно усмотреть весьма важный момент, заключающийся в том, что аристократическое толкование демократии позволило «смягчить» переход от старого к новому порядку, переход в сознании людей разных поколений и разных социальных слоев, тем самым в ментальном плане минуя «шоковый» характер перемен. Думается,

---

¹³⁹ См.: Alexis de Tocqueville and the Art of Democratic Statesmanship / edited by **Danoff, B and Hebert, L.** Lanham, Maryland, 2011. P.1-4.

¹⁴⁰ См.: **Ширханян С.С.** Критические аспекты «Демократии в Америке»: принцип «золотой середины» в концепции А. де Токвиля // «КАНТЕХ» научные труды, 2017, No 1 (70). С. 158-175.

что это обстоятельство помогло «старым» аристократам постепенно адаптироваться к начальной, «дикой» стадии демократии.

С другой стороны, умеренность взглядов французского мыслителя стала основанием для противоречивых оценок. Так, либералы считают Токвиля своим безусловным сторонником и аргументируют это его взглядами на ценность индивидуальной свободы; консерваторы причисляют французского автора к своим рядам, делая акцент на позиции Токвиля относительно ценности порядка и сильного государства¹⁴¹. А известный американский социолог Р. Низбет и вовсе утверждает, что при исследовании научной и политической деятельности французского мыслителя наблюдается существование «нескольких Токвилей»: консерватора, либерал-консерватора, консервативного либерала и либерального аристократа.¹⁴² Представляется, однако, что в духовном смысле Токвиль оказался выше противоположности консерватизма и либерализма, а в интеллектуальном – он совмещает обе тенденции¹⁴³. По рождению он был аристократом, его родители были убежденными роялистами, и хотя сам он не был классическим представителем родовой аристократии, тем не менее, традиции аристократизма пронизывали его сознание, что наблюдается также при рассмотрении им распада старого порядка и формирования новых демократических реалий. Так, он считал необходимым разделение государственной власти, но без восторга относился к всеобщему избирательному праву; Токвиль был сторонником классической либеральной экономики, но при этом был убежден, что правительство может многое сделать для народа, развивая средства связи между людьми, например, строя дороги, каналы и создавая хорошо действующую почту; он защищал индивидуальную свободу, но не поощрял индивидуализм. В то же время, как пишет Г. Ласки в предисловии к «Демократии в Америке», еще «со школьных времен Токвиль по своим взглядам был близок к либерализму»¹⁴⁴: он выступал за равенство, но за такое равенство, которое не уничтожает рвение человека к свободе; он – за власть народа, но за такую власть, которая не поглощает всецело личность. С этих позиций правомерно полагать, что

---

¹⁴¹ См.: **Матвеев С.Р.** Философские истоки французского либерального консерватизма (Ф. Гизо, А. Токвиль): дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. С.7.

¹⁴² См.: **Nisbet, R.** Many Tocquevilles // *The American Scholar*, Vol. 46, No. 1, (Winter 1977), pp. 59-75.

¹⁴³ См.: **Aron, R.** Idées politiques et vision historique de Tocqueville // *Rev. franc. de sciences polit*, 1960, Vol. 10, No 4, pp. 509-526.

¹⁴⁴ См.: **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С.6

речь идет о «странном либерализме»¹⁴⁵ де Токвиля или, как признается сам Токвиль, о «либерализме нового типа»¹⁴⁶.

Таким образом, отмеченные оговорки, а также далеко не однозначное отношение самого мыслителя к различным аспектам демократии, либерализма и «старого порядка» дают основание утверждать, что Токвиля в строгом смысле слова нельзя назвать ни классическим аристократом, ни классическим либералом. Политическое мышление Токвиля характеризуется, скорее, духом умеренного аристократа и логикой умеренного либерала. В этой связи следует обратиться к часто цитируемой в токвилеведческих исследованиях оценке современника и соотечественника де Токвиля, историка и государственного деятеля Франсуа Гизо¹⁴⁷, который отмечал, что Токвиль «судит о демократии как аристократ, который потерпел поражение и ныне убежден, что его покоритель абсолютно прав»¹⁴⁸. На наш взгляд, некорректность позиции Гизо обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, отказ от аристократии и «выбор» демократии Токвиля, как было показано, следует рассматривать не в плоскости определения «лучшего» или более совершенного политического порядка, а в контексте реальной исторической социально-политической действительности: именно логика перемен, «духа времени» в значительной мере предопределила токвилевский энтузиазм к изучению демократии. Следовательно, Токвиль если и признает поражение аристократии, то делает это следуя логике развития исторического процесса, а не утверждая, что старый порядок был «хуже». Более того, именно это реалистическое допущение позволило «нащупать пульс» эпохи и на основании этого определить будущие тенденции ее развития, что и придает особую ценность наследию мыслителя. Во-вторых, в биографии де Токвиля трудно найти период, который можно охарактеризовать однозначно словосочетанием «Токвиль-аристократ» или «Токвиль-либерал»: по сути, французский мыслитель выступает одновременно в двух ипостасях, в их сосуществовании, он не «предает» аристократию, но пытается по

---

¹⁴⁵ Дементьев И.О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.

¹⁴⁶ Zunz, O., Kahan, S. The Tocqueville Reader: A Life in Letters and Politics. Hoboken. Wiley-Blackwell, 2002. P. 153.

¹⁴⁷ Г. Ласки, однако, пишет, что автором этого высказывания является Руайе-Коллар.

¹⁴⁸ Цит по: Craiutu, A. Tocqueville and the political thought of the French doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Remusat). URL: <http://www.indiana.edu/~tcqville/docs/CraiutuHPTarticleonTocquevilleandtheDoctrinaires1999.pdf> (дата обращения: 18.09.2016)

мере возможности «уместить» ее в контекст нового порядка. Следовательно, не было и перехода от аристократического к либеральному мышлению. Поэтому слова о «поражении Токвиля как аристократа» не вписываются в контекст рассмотрения ни самих идей, ни даже биографии французского мыслителя. В-третьих, в рамках демократии ее отчасти аристократическая интерпретация не исключена, а для Токвиля и вовсе необходима, поэтому допущение, что аристократия уступила место демократии, не означает с необходимостью отказ от многих аристократических идей и принципов (в этом отношении в качестве удачного примера сохранения «духа аристократии» в условиях перехода к демократии Токвиль подчеркивает свое отношение к английским реалиям¹⁴⁹). Примечательно, что с этих позиций некоторые исследователи характеризуют токвилевскую концепцию как «микс» аристократического и демократического начал, «аристократо-демократический континуум»¹⁵⁰.

Наконец, одной из ключевых характеристик концепции де Токвиля выступает его многоплановое определение «демократии», что также в научной литературе получило самые разные оценки, вплоть до утверждений, что у французского автора не было четкого, однозначного понимания данного понятия¹⁵¹. Действительно в разных работах и даже в разных частях одной работы Токвиль употреблял термин «демократия» в разных значениях. Так, под демократией он понимал стремление к уравниванию всех сторон жизни общества, представительную форму правления, этим же словом он обозначал всеобщее избирательное право, сам «народ» и понятие республики¹⁵², «социальную революцию и созданное вследствие нее социальное государство («*état social*»)»¹⁵³ и др. Тем не менее, следует подчеркнуть, что при всем многообразии смысловой нагрузки «демократии» в работах де Токвиля, противоположных или противоречащих друг другу пониманий у мыслителя, на наш взгляд, не наблюдается. Представляется, что Токвиль в духе своего принципа комплексного изучения проблемы пытался выявить различные аспекты демократии,

---

¹⁴⁹ См.: Alexis de Tocqueville: *Journey to England and Ireland*. Ed. by **Mayer, J.P.** New heaven: Yale University Press, 1958. P. 66-74

¹⁵⁰ См.: **Kazam, A.** A Tocquevillean Polity?: The Mixed Regime in Tocqueville's Democracy in America. URL: <http://www.gov.harvard.edu/files/Theory%20thesis%202.pdf> (дата обращения: 09.09.2016)

¹⁵¹ К этой позиции склоняется и Г. Ласки.

¹⁵² См.: **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С. 16-17.

¹⁵³ **Schleifer, J.** The Making of Tocqueville's Democracy in America. P. 328.

не ограничиваясь лишь одной стороной достаточно объемного понятия. Об этом свидетельствует и то, что в его работах наблюдаются две трактовки понятия демократии – политическая и социальная. Если в политическом смысле он называет демократией представительную систему, основанную на широком избирательном праве, на принципе сдержек и противовесов, на сильной судебной власти и т.д., то «социальная демократия» отражает суть общества, где основной социальной ценностью является равенство, и именно это понимание является основополагающим, вбирая в себя все остальные токвилевские определения. Разные значения демократии в его работах, таким образом, свидетельствуют, скорее, о его намерении представить «широкое понимание демократии как многоаспектного феномена»¹⁵⁴. Более того, учитывая то, что мыслитель признавал, что в своем развитии демократия прошла ряд этапов и у него речь идет о конкретной форме демократии, а не о демократии вообще, Токвиль тем самым делал также оговорку о том, с каких методологических позиций он рассматривает современную форму народовластия, четко разграничивая ее исторические «модели».

В связи с затронутым вопросом и его постановкой в контексте современного токвилеведческого дискурса должного внимания заслуживает и другая проблема, связанная с логикой книги «Демократия в Америке». Исследователями подмечено, что два тома книги, изданные, соответственно, в 1835 и 1840 годах, представляют крайне отличающиеся оценки демократии¹⁵⁵, в связи с чем авторы пытаются выявить противоречия де Токвиля. В частности, первый том книги в большей мере обращен на восхваление преимуществ американской демократии, тогда как второй том выявляет, прежде всего, критическую сторону американской политической системы (современной Токвилю модели демократии). Однако, содержательное различие частей «Демократии в Америке» вполне объяснимо и ответ на данный вопрос следует искать в исследовательских целях, поставленных французским автором. Как уже было отмечено, Токвиль поехал в Америку не для изучения самой Америки и тем более написания панегирика в ее честь, а для (на ее примере) исследования демократии, современная форма которой, по его мнению, в наиболее ярком виде была

---

¹⁵⁴ Craiutu, A. Tocqueville's Paradoxical Moderation // The Review of Politics, Vol. 67, No. 4 (Autumn, 2005). P. 602.

¹⁵⁵ См.: Drescher, S. Tocqueville's Two Démocraties // Journal of the History of Ideas, Vol 25 (April–June 1964), pp. 201–216.

установлена в Штатах. Поэтому то обстоятельство, что «второй том был принят с не меньшим энтузиазмом, чем первый, но с еще большим недопониманием»¹⁵⁶ говорит не о том, что Токвиль писал первый том об одном, а второй о совершенно другом, а, скорее, о прослеживании определенной «логической очередности»¹⁵⁷ мыслей французского автора. То есть, Токвиль пишет не о двух разных демократиях, а рассуждает об одной и той же демократии с различных точек зрения.

Кроме того, необходимо отметить, что де Токвиль продолжал интересоваться вопросами американской политической системы вплоть до конца своей жизни, продолжая держать руку на «пульсе» исследованной им демократии. Об этом свидетельствуют письма, которые он писал своим американским коллегам на протяжении долгих лет. В переписке не раз подчеркивается его разочарование относительно развития политической жизни в Штатах. Любопытно, что данное обстоятельство для некоторых исследователей стало основанием для выдвижения предположений о «незримом» существовании «третьего тома» книги Токвиля, наблюдаемого в его мало исследованных письмах. В частности, А. Крейуту, констатируя уже далеко не восхваляющее отношение французского мыслителя к американской демократии после 1840-х годов и предполагая исключительно пессимистический тон возможной, новой «Демократии в Америке», в ироничной форме пишет: «Мы должны быть благодарны капризам французской политической жизни, которые поглотили всю энергию мыслителя и захватили все его внимание в последние десятилетия его жизни, только за тот факт, что Токвиль так и не написал третий том «Демократии в Америке»»¹⁵⁸. Тем не менее, так ли очевидны аргументы в пользу «невидимого» третьего тома книги?

По нашему мнению, и в этом вопросе де Токвиль был не правильно понят. Неправомерно было бы утверждать, что политическая карьера и активная политическая жизнь во Франции помешали де Токвилю написать продолжение своей книги о демократии. Так, в его письме Ф. Леберу от 4 августа 1852 года¹⁵⁹ он

---

¹⁵⁶ Alexis de Tocqueville on democracy, revolution and society. Selected writings. Edited and with intro. By **Stone, J., Mennell, S.** Chicago and London, The University of Chicago Press, 1980. P.10.

¹⁵⁷ См.: **Shirkhanyan, S.** The controversy over the «Tocquevillian democracy»: considerations on the «third» volume of «Democracy in America» // «21-st century», 2016, No 1 (19). P. 115.

¹⁵⁸ **Craiutu, A., Jennings, J.** The Third Democracy: Tocqueville's Views of America after 1840 // American Political Science Review, Vol. 98, No. 3, 2004. P. 404.

¹⁵⁹ См.: **Craiutu, A., Jennings, J.** Tocqueville on America after 1840. Letters and other writings. P.132-133.

признает, что уходит из активной политики и посвящает себя исследовательской работе, которую он оставил 13 лет назад. А спустя несколько лет, в 1856 году издается книга «Старый порядок и революция», которая хотя и обращена к французской политической действительности, но, как и «Демократия в Америке», на фоне конкретики он обращается к теоретическим аспектам политической проблематики, в частности, продолжая исследования по выявлению причин успеха демократии и выявляя ее практическую необходимость в качестве альтернативы старому порядку. Следовательно, небезосновательно будет полагать, что у де Токвиля было достаточно времени для того, чтобы написать продолжение «Демократии...» при наличии подобных намерений. Поэтому представляется, что третий том не был написан не потому, что Токвиль был истощен практической политикой, но, пожалуй, потому, что известная книга представляла собой логически завершенную, концептуальную работу, написанную на протяжении почти десяти лет. С этих позиций следует согласиться с замечанием С.А. Исаева, который отмечает, что «критические суждения» в адрес концепции Токвиля часто представляют искажение его действительных суждений, а не с научной точки зрения адекватное переосмысление¹⁶⁰.

Таким образом, концепция демократии де Токвиля выступает в качестве теории по изучению как природы современной демократии, так и ее практических аспектов. Ценность и актуальность токвилевского исследования заключается в том, что оно основано на принципах критического осмысления демократии: оно раскрывает как ее преимущества, так и «главные грехи»¹⁶¹, потому и представляет собой подлинно научное, а также политически не ангажированное видение проблемы. Критический (аналитический) подход французского мыслителя наблюдается при рассмотрении самых разных аспектов демократии: при обращении к институту выборов и возможности переизбрания, при осмыслении концептов равенства и свободы, при определении роли большинства при демократическом порядке, при рассмотрении морально-нравственного измерения демократического общества, материалистического оттенка в мировоззрении людей при демократии т.д. Токвиль,

---

¹⁶⁰ См.: **Исаев С.А.** Тракта́т А. де Токвиля «О демократии в Америке» как источник по истории политической мысли XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

¹⁶¹ См.: **Кареев Н.И.** Историки Французской революции. Т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. Л., 1924. С. 11-15.

таким образом, выступает не адвокатом демократии, а, скорее, ее вдумчивым аналитиком¹⁶², чем он выделяется среди многих авторов: он не преследовал политико-идеологические, геополитические цели защиты или, наоборот, односторонней критики демократии, его целью было «прочитать» исходный код мышления «демократического человека» и логику функционирования демократической системы, зафиксировать «чистую» идею и удачную практику демократии своего времени. В предисловии к «Воспоминаниям» Токвиля В. Неведомский отмечает, что важное значение в исследовании Токвиля имеет тот факт, что он «не принадлежал ни к одной из политических партий, а стоял выше их, не находясь в зависимости ни от какого политического вождя, он сохранял за собой свободу... не имея никакого вульгарного честолюбия, он берег свои силы для благородной цели».¹⁶³ С этих позиций можно утверждать, что Токвиль не стремился написать книгу о демократии, которая должна была понравиться кому-то, американцам или французам, конкретным партиям, социальным слоям или элитам. Его работа (речь, прежде всего, идет о «Демократии в Америке») представляла заказ, но заказ общественный и, как можно судить сегодня, заказ научный, не обремененный требованиями что-либо скрыть или что-либо приукрасить: он исследовал американские (демократические) реалии так, каковы они были на самом деле.

2.2 Определение основных преимуществ американской демократии

Специфика концепции Токвиля состоит в том, что преимущества и основные угрозы демократии рассматриваются не в отдельности, а как «две стороны одной медали». На примере изучения американской политической системы автор приходит к выводу, что недостатки демократии – это ее вырожденные преимущества. Последнее обстоятельство выступает как одна из причин того, почему де Токвиль в первую очередь (в первом томе книги) обращается главным образом именно к достоинствам американской демократии.

Задачу определения основных преимуществ американского народовластия де Токвиль решает посредством изучения причин успеха политической системы Штатов.

---

¹⁶² См.: Шенгелая И.Ш. Алексис де Токвиль как критик американской демократии // Вестник СевНТУ, 2012, Вып. 123/2011. Серия: Політологія, Севастополь. С. 31.

¹⁶³ Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем / Пер. с франц. В. Неведомского С. 3-4.

В этой связи он, в частности, выделяет три основных фактора: 1. «Воля случая» или «Божий промысел», 2. Законы и созданный ими общественно-политической строй, 3. Обычаи и нравы народа. Более того, при изучении этих факторов, мыслитель пытается понять, какой из них является наиболее важным.

Будучи реалистом, де Токвиль признает, что в политике существенное значение имеют элементы «случайного». С этих позиций изучая основные условия демократизации Америки, он замечает, что в некоторых вопросах американцам просто «повезло», у них «от природы» были преимущества по сравнению со многими странами Европы. Среди таковых мыслитель выделяет 4 обстоятельства. Во-первых, у американцев не было соседей, грозящих им постоянными угрозами безопасности, изнурительными войнами и т.д., что позволило США обойти тот путь, который прошла (во времена Токвиля – «все еще проходила») Европа и который значительно «тормозил» развитие большинства европейских наций (человеческие потери, разрушение инфраструктуры сел и городов, большие расходы на содержание армии и, как результат, более медленное развитие экономики и т.д.). Во-вторых, развитию американцев способствовала сама природа – громадная «девственная» территория Америки: пользование благами природы здесь не требовало ведения войны за землю, а малая численность населения позволяла человеку осваивать Америку без всяких серьезных преград¹⁶⁴. В-третьих, в США не было столиц, в экономическом и политическом плане централизующих все государство: это помогло избежать риски установления авторитарной власти и посредством децентрализованного правления способствовало строительству и укреплению демократической системы. Наконец, в-четвертых, исключительно важную роль для США сыграло то обстоятельство, что история американской государственности началась с «чистого листа». Сознание американцев не было подчинено предрассудкам и различным проблемам прошлого, они не были «скованы» чем-либо в этом отношении, что на фоне победоносной борьбы за независимость в значительной степени укрепило основы для формирования свободного общества и свободного мышления.

Рассматривая отмеченные аспекты де Токвиль, тем не менее, подметил, что все эти благоприятные условия были характерны не только для американцев, но и,

---

¹⁶⁴ Токвиль отдельно подчеркивает, что, по его наблюдениям, индейцы также не представляли собой такую силу, которая могла бы создать существенные препятствия для заселения разных частей страны.

например, для испанцев в Южной Америке, что, однако, не привело к установлению там успешной демократии: «Итак, природные условия не приводят к схожим результатам в Северной и Южной Америке... следовательно, природные условия не так сильно влияют на судьбы народов, как полагают некоторые»¹⁶⁵, - заключает де Токвиль, подводя логику своих рассуждений к обращению ко второй группе факторов, обусловивших становление и развитие американской демократии – к законам, в свою очередь предопределившим специфику политического устройства Штатов.

Токвиль пишет, что «американские законы хороши» и именно этим «в значительной степени объясняются успехи демократического правления в стране». При этом он подчеркивает не столько содержание законов, сколько их значение как «регуляторов» социально-политических отношений: в США законы «цементируют» все грани социально-политических отношений, а люди, повинаясь власти государства, повинуются не чиновнику, а закону, стоящему за ним¹⁶⁶. По Токвилю, это обусловлено прагматическим и отчасти меркантильным мышлением американцев: «Как бы неудачен ни был закон, граждане Соединенных Штатов исполняют его без принуждения и относятся к нему не только как к результату трудов большинства, но и как к собственному делу. Они смотрят на него как на сделку, в которой они участвуют»¹⁶⁷. Иначе говоря, законы выступают как «правила игры», а их уважение – как залог к успеху собственного дела. Таким образом, положение об исключительной ценности верховенства закона, знакомое науке еще со времен античной демократии, в политической культуре США приобретает свою специфику: если в Афинах главенство закона было обусловлено, прежде всего, идеей общего блага, то в Америке (и вообще в современных демократиях) уважение к закону рассматривается в первую очередь с позиций личного блага. Де Токвиль не пытается каким-либо образом оценить это смещение, но фиксирует ее как свершившийся факт, который необходимо учитывать при раскрытии глубинных оснований демократического порядка.

---

¹⁶⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 232.

¹⁶⁶ Там же. С. 89.

¹⁶⁷ Там же. С.190.

С этих позиций успех США Токвиль видит, прежде всего, в принципе народовластия, который стал «законом законов» Америки¹⁶⁸. Он утверждает, что Штаты стали той страной, где идея народоправства, народного суверенитета определяет всю систему управления государством и благодаря своей развитости охватывает все сферы жизнедеятельности американского общества, которое «само управляет собой»: «Народ властвует в мире американской политики словно Господь Бог во Вселенной. Он – начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему»¹⁶⁹. При этом «полнота» американской демократии заключается в том, что народ участвует как в составлении и издании законов, делегируя соответствующие права своим «доверенным лицам» – избранным им же законодателям, так и в претворении в жизнь этих законов, посредством выборов формируя также исполнительную власть. Более того, французский мыслитель подмечает, что сформированное правительство «чувствует изначальную связь с народом», т.е. повинуетя той силе, которая, собственно, и породила его.

В ходе этих рассуждений де Токвиль приходит к выводу, что, по сравнению с «природными условиями», отмеченный выше фактор законов сыграл более важную роль в истории США. Исходя из этого, данный аспект он изучает более детально, обращаясь к особенностям политической системы Штатов, которая пронизана идеей законности и верховенства права. В этом отношении мыслитель выделяет 3 составляющие, которые выступают как главные преимущества американской демократии: 1. Федеративное устройство 2. Общинная система США 3. Особенности судебной власти.

Токвиль поддерживает устоявшуюся точку зрения, согласно которой страны с большой территорией имеют меньше шансов на демократизацию. Он объясняет это тем, что при установлении диктатуры в больших государствах трудно объединить народ и выступить против «диктатора», тогда как в малых странах люди более сплочены (часто и вовсе лично знакомы) и при риске тирании в силах оказать своевременное и адекватное сопротивление попытке узурпации власти. В связи с этим Токвиль подчеркивает: «Маленькие страны во все времена были колыбелью

---

¹⁶⁸ Там же. С. 85.

¹⁶⁹ Там же. С. 63.

политической свободы»¹⁷⁰. С другой стороны, малые государства более подвержены исчезновению, так как в условиях имперских амбиций больших стран они, как правило, подвергаются завоеванию. Иначе говоря, большое государство имеет больше ресурсов власти, но меньше шансов сохранения демократии – свободы народа, тогда как малые страны слабее в первом плане, но сильнее во втором. Рассуждая в этом контексте, де Токвиль подчеркивает, что идеи федерализма – попытка соединения преимуществ больших и малых государств. Во-первых, в отличие от империй, где закон имеет единообразный характер и не учитывает особенности разных частей страны, федерация позволяет принимать законы сообразно нуждам конкретной области государства: Конгресс принимает основные законы, а «местные законодатели занимаются ею в деталях». Во-вторых, центральная власть при федерации находится «близко к народу», благодаря чему между властью и народом не формируется «пространство отчуждения». В-третьих, федеративное устройство позволяет, с одной стороны, обеспечить порядок и стабильность на всей территории большого государства, а, с другой стороны, предполагает определенную степень местного самоуправления, т.е. децентрализованность власти, что значительно способствует укреплению демократического режима.

Токвиль подчеркивает, что прямым проявлением преимуществ федеративной власти является вторая основная компонента политического устройства Америки – общинная система Штатов. Так, каждый американский штат делится на округа, а они, в свою очередь, образуются из общин (ныне – городов (часто – «тауншип»), муниципалитетов), совокупность которых и составляет основу штата. Политическая жизнь общины, отмечает Токвиль, протекает на основе демократических принципов: все административные должности являются выборными, а каждая проблема внутри общины решается всеми её жителями путём консенсуса. Таким образом, каждый гражданин принимает активное участие в политической жизни своего государства, в процессе управления им, поскольку обладает достаточной для этого степенью свободы. Более того, уделение внимания отмеченному аспекту представляется не случайным: опосредованность народовластия не отменяет необходимость ее прослеживания с самого низкого уровня социальной системы. В этом смысле «дух самоуправления» американских общин, по Токвилю, выступает как наглядный

---

¹⁷⁰ Там же. 134.

пример обеспечения силы демократии, максимальной реализации ее идей в социально-политической практике.

Общинное самоуправление, которое выступает как основа «властвования народа над самим собой», позволяет также обеспечить совпадение интересов власть имущих с интересами управляемых. При этом Токвиль отмечает, что преимущество «заключаются не в том, что демократия, как принято говорить, гарантирует процветание всем, а в том, что она способствует благосостоянию большинства»¹⁷¹. Мыслитель все больше укрепляется в убеждении, что большинство может ошибаться в отдельных вопросах, но в целом оно всегда право, оно представляет собой высшую моральную силу общества. С этих позиций автор отмечает, что во всяком обществе существование разных классов (слоев, сословий и т.д.) всегда представляется как наличие внутри общества отдельных «наций». Отдать власть лишь одной из этих «наций», значит создать опасность для других, следовательно, для всего общества. Правление же большинства решает эту проблему, так как во власть вовлечены не одна, а много «наций», т.е. существует социальный консенсус, в чем Токвиль видит еще одно объяснение стабильности политической системы США. Исходя из этого, он принимает, что в американских и вообще современных политических реалиях демократия мыслима именно в форме ее представительной, опосредованной модели. Токвиль выделяет этот аспект для подчеркивания одного из наиболее важных условий понимания современной ему демократии: все идеи автора во многом исходят из той аксиомы, что в современных условиях (громадные территории, большое население и ее сложная социальная структура и т.д.) прямая демократия попросту невозможна. Кроме того, следуя своим принципам прагматизма, он и не пытается сравнивать прямую и опосредованную демократию, он исходит из практических реалий и, подобно Макиавелли, ставит перед собой цель анализировать не «должное», а «реально существующее».

С этих же позиций Токвиль обращается к другому условию успеха американской демократии – реальному обеспечению системы сдержек и противовесов. Мыслитель выступает против устоявшейся традиции «смешанного правления», называя подобное устройство «химерой». Он убежден, что в каждом обществе в конце концов какое-либо одно начало подчиняет себе другие: «Когда в

---

¹⁷¹ Там же. С. 186.

обществе в самом деле устанавливается смешанное правление, то есть основанное на противоположных принципах, то оно либо распадается, либо в нем случаются революции»¹⁷². Позиция Токвиля в данном вопросе, скорее, заключается в том, что хотя механизмы балансирования власти необходимы для общества, это должно осуществляться не посредством накладывания одной системы на другую (тем более, когда они в своих основаниях противоречат друг другу), а посредством задействия внутри конкретной системы инструментов «сдерживания самой себя». В этой связи автор отмечает, что в американском обществе, в котором главенствует демократическое начало, «умерение ее порыва» наблюдается в разных плоскостях. Прежде всего, это проявляется в самой властной системе США. Так, двухпалатный парламент выступает как средство совмещения представительства и, одновременно, сдерживания демократии; широкие полномочия президента страны, в том числе право на вето, сопряжены с правом Конгресса на импичмент главы исполнительной власти; наконец, судебная власть не выборна, а назначается, но после назначения полномочия судьи имеют бессрочную силу, что позволяет им играть важную сдерживающую роль между исполнительной и судебной властями.

Между тем, как было отмечено, особенности судебной власти в Америке выступают как третье ключевое звено американской демократической системы, поэтому изучению данного вопроса Токвиль также уделяет должное внимание. Он пишет, что американцы, сохранив отличительные черты судов других стран, придали ему большой политический вес. Так, судебной власти в США свойственны те же характеристики, что и судам других народов: 1. судья в Соединенных Штатах может высказываться только тогда, когда возникает спорная ситуация; 2. он занимается лишь конкретными случаями; 3. судья начинает действовать, когда в суде возбуждается дело. Но власть судей (здесь Токвиль имеет в виду Верховный суд США) обусловлена тем, что американцы признали за своими судьями право обосновывать свои решения, исходя в первую очередь из конституции, а потом уже из законов¹⁷³. Они позволили судьям руководствоваться лишь теми законами, которые, на их взгляд, не противоречат конституции. Следует отметить, что данное обстоятельство достаточно важно в плане сохранения и обеспечения

---

¹⁷² Там же. С. 197.

¹⁷³ В США отсутствует Конституционный суд.

республиканской системы, так как охраняет ее от произвола законодательной власти; поэтому конституция для США – это не просто политико-правовой документ, но сила, имевшая и до сих пор имеющая субстанциональное значение для американского общества. Именно в этом контексте Токвиль писал об институционально обоснованных функциях суда: «Можно сказать, что нет такого политического события, по поводу которого иностранец не слышал бы ссылок на авторитет судьи... Ему кажется, что судьи вмешиваются в государственные дела не иначе как случайно, хотя такие случайности повторяются ежедневно».¹⁷⁴ Вместе с тем в США были и случаи, когда Конгресс оказывался в силе (при наличии поддержки ¾ законодательных органов американских штатов) отменять решения Верховного суда: подобный случай имел место, например, при введении подоходного налога, а также по вопросу предоставления гражданства афроамериканцам и их потомкам (дело «Дред Скотт против Сэндфорда»¹⁷⁵). Поэтому следует заключить, что и здесь проявляется всеобъемлющий принцип сдерживания институтов и ветвей власти, рычаги взаимного влияния наблюдаются практически во всех пластах высшей власти Штатов.

Примечательно, что Токвиль впоследствии стал сам цитироваться судьями Верховного суда США. В частности, в деле «Банк Аугуста против Эрла» судья, обращаясь к проблеме правомочности принимать решение в одном штате по отношению к другому, процитировал Токвиля из его книги «Демократия в Америке» (где автор поставил проблему межштатных отношений, особенно, правовых аспектов межштатной коммерции), что было обусловлено не только юридическим образованием французского мыслителя, но и его исключительно адекватным взглядом на американскую судебную систему и принципы ее функционирования.¹⁷⁶

Итак, законы и пронизанное ими политическое устройство Штатов, в сравнении с природными («случайными») условиями, выступает как более важный фактор, предопределивший успех демократизации США. Тем не менее, бросая взгляд

---

¹⁷⁴ Там же. С.91.

¹⁷⁵ См.: **Finkelman, P.** Scott V. Sandford: The Court's Most Dreadful Case and How It Changed History. URL: <http://scholarship.kentlaw.iit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3570&context=cklawreview> (дата обращения: 04.04.2016)

¹⁷⁶ См.: **Corcos, C.** A Man for All Reasons: The Uses of Alexis de Tocqueville's Writing in U S. Judicial Opinions. URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1045&context=book_sections (дата обращения: 11.11.2015)

на практические реалии (в частности, на провал федерализации Мексики), Токвиль отмечает, что даже наличие хороших законов и политических институтов – не является гарантом успеха демократии. Для того чтобы эти законы и институты функционировали, нужно чтобы сам народ был предрасположен к подобной системе, т.е. формальный каркас политической системы должен соответствовать мышлению данного народа, а именно тому, что Токвиль называет «нравами». «Под словом «нравы» я подразумеваю то же, что древние называли словом *mores*. Я употребляю это слово не только для обозначения нравов в узком смысле... но и для обозначения понятий, имеющихся в распоряжении человека, различных убеждений... совокупности идей, которые определяют привычки ума»¹⁷⁷, - пишет автор. Он выделяет несколько срезов: 1. Роль религии, 2. Значение просвещения, привычек и практического опыта в жизни американцев, 3. Способность «правильного» видения вопросов по разрешению основных проблем и противоречий демократии.

Обращаясь к первому аспекту, Токвиль замечает тесную связь между демократией и христианской религией. Он аргументирует свою позицию двумя доводами. Прежде всего, сама община христиан (имеются в виду протестанты) состоит из священника и народа, взаимоотношения между которыми основаны на идее равенства: священник – «первый среди равных», все остальные также равны между собой. Во-вторых, религиозные догмы христианства равны для всех, вне зависимости от их социального статуса, цвета кожи, пола и т.д. Тем не менее, идеи о значении религии в поддержании демократии Токвиль не ограничивает лишь христианством, он пытается на примере Америки показать, что религия, как таковая, выступает как одна из наиболее важнейших основ укрепления демократического порядка. В этой связи автор отмечает, что для демократического образа жизни (и американцы в этом отношении не составляют исключения) характерны погоня за деньгами, стяжательство, привязанность к материальным и телесным благам, которые в конце концов ведут человека к бездуховности и моральной деградации¹⁷⁸, что в свою очередь развращает также политическую культуру общества. Но именно религия в сила «укротить» эти устремления людей, пресечь губительные тенденции,

---

¹⁷⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 220.

¹⁷⁸ См.: Schwindt, D. Refuting Tocqueville by Way of Tocqueville. URL: <https://ethikapolitika.org/2014/01/06/refuting-tocqueville-way-tocqueville/> (дата обращения: 16.10.2016)

исходящие из самой природы демократии: «Если закон позволяет американскому народу делать все, что ему заблагорассудится, то религия ставит заслон многим его замыслам и дерзаниям»¹⁷⁹. Более того, вера в сверхъестественные силы, идея бессмертия души и вознаграждения или наказания на небесах необходима как людям, погрязшим «в море алчности», так и властям, которые посредством религии и морали будут сдерживать бездуховность граждан.

Вместе с тем неправомерно утверждать, что для Токвиля религия выступает лишь как орудие, средство осуществления государственной политики и способ поддержания целостности общества. Последняя идея характерна, скорее, для политической теории Макиавелли, который в свое время, выдвинув тезис «религия – служанка политики», отмечал: «Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны, прежде всего, уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом»¹⁸⁰. Если у Макиавелли само отношение к религии, в том числе к христианству, имеет сугубо инструментальный характер, политика выступает как техника достижения цели, а религия как один из инструментов политики, то для Токвиля политическая функция религии выступает лишь как ее косвенное свойство, религия не рассматривается исключительно как средство политики, она таит более высокий, сакральный смысл, что, однако, не мешает ей играть также политическую роль. Эта позиция часто характеризуется как «токвилевский рациональный деизм»¹⁸¹.

Второй срез, выделяемый Токвилем, касается вопросов просвещения, а также практического склада мышления американцев. Автор отмечает, что они изобретательны, но не занимаются промышленностью с теоретической точки зрения: среди них много рабочих, но мало созидателей. Для американцев основным источником знаний является опыт, их знания почерпнуты не из книг. Даже законы они познают, участвуя в законодательной деятельности и в работе органов власти. С другой стороны, отмечает Токвиль, это вовсе не говорит о том, что американцы непросвещенный народ: «В Штатах не найдется ни одного округа, где царило бы

---

¹⁷⁹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 223.

¹⁸⁰ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 172.

¹⁸¹ Цит. по: Tessitore, A. Alexis De Tocqueville on the Natural State of Religion in the Age of Democracy // The Journal of Politics, Vol. 64, No. 4, 2002, pp. 1137-1152.

невежество», потому что в американском обществе «идеи распространяются с немислимой быстротой»¹⁸². Преимущество же американцев, продолжает он, заключается в том, что в Штатах образование и воспитание людей имеет политическую направленность. Сравнивая этот аспект с реалиями Европы, Токвиль подчеркивает: «В Европе мы часто вносим мысли и привычки частной жизни в общественную жизнь... что же касается американцев, то они, напротив, почти всегда переносят привычки общественной жизни в частную жизнь. У них в школьных играх можно встретить представление о присяжных, а в организации банкета – парламентские формы»¹⁸³.

Отталкиваясь от своих рассуждений относительно практического склада ума американцев, Токвиль также отмечает, что демократическое общество менее склонно к войнам. В отличие от положений позже сформулированной «теории демократического мира», которая часто апеллирует к таким аргументам, как высокое моральное и правовое сознание людей при демократии¹⁸⁴, важность институтов и норм, которые, обеспечивая благополучие страны, постепенно генерируют миролюбивую политическую культуру, низкий уровень воинственности среди населения, с этих позиций неприемлемость и осуждение насилия и т.д., Токвиль смотрит на данный вопрос, скорее, с позиций реализма, с точки зрения логики интересов. В частности, он подчеркивает, что если война и неприемлема для демократии, то не потому, что «насилие – это зло» или потому, что нравы людей при демократии подталкивают их к миролюбию, а потому, что война несет в себе угрозы для самой основы демократии: угроза для собственности и благосостояния среднего класса, для стабильного экономического развития, для нарушения равенства, для потери свободы (не индивидов, а всего общества) и т.д. Иначе говоря, демократия, по Токвилю, не просто не склонна воевать с другими демократиями (в чем и заключается основная идея «демократического мира»), но вообще выступает за стабильность, и если того требует интерес, то и с недемократической страной демократия конфликтовать не будет. В этом он видит еще одно достоинство американских нравов.

---

¹⁸² Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 229.

¹⁸³ Там же. С. 231.

¹⁸⁴ См.: Tomz, M., Weeks, J. Public Opinion and the Democratic Peace // American Political Science Review 107, No. 3, 2013, pp. 852-855.

Наконец, третье, наиболее важное измерение «нравов» американцев – это их способность «правильного» понимания сущности демократии, прежде всего, обеспечение свободы индивида в условиях демократического равенства. Токвиль рассматривает эту проблему в контексте определения природы «демократического человека» (Ф. Мелонио затем назовет французского мыслителя «первым антропологом современного равенства»¹⁸⁵), к чему, как было показано ранее, в свое время в ином ракурсе обращался также Платон. Подобно тому, как греческий философ видел в демократии¹⁸⁶ склонность к тирании, Токвиль отмечает, что современная демократия также имеет риски к вырождению и формированию деспотизма (и не обязательно деспотизма одного человека). В частности, рассуждая над последствиями «любви» американцев к равенству, Токвиль указывает на формирование индивидуализма как естественного следствия демократии (либеральной демократии и понимаемого в рамках него либерального равенства): чем больше уравниваются социальные условия существования, тем больше повышается вероятность того, что в обществе не будет много людей, которые могут оказать исключительное влияние на все общество, в результате чего формируется широкий средний класс, представители которого имеют такой достаток, что не зависят в материальном плане от других. «Такие люди никому ничего не должны и ничего ни от кого не ждут; они привыкли всегда думать самостоятельно о самих себе...демократия, таким образом, постоянно принуждает человека думать лишь о самом себе, угрожая в конечном счете заточить его в уединенную пустоту собственного сердца», - пишет Токвиль¹⁸⁷. Иначе говоря, демократия в форме проявления равенства приводит к атомизму в обществе, к замкнутости личности в свое собственном микромире, к своеобразному «демократическому аутизму» и некоторому равнодушию по отношению к согражданам¹⁸⁸. В этих условиях люди сосредотачиваются на себе, будучи убежденными, что «каждый также хорош, как и другой, и это неизбежно ведет к потере всяких ориентиров, интеллектуальных и

---

¹⁸⁵ Tocqueville, Œuvres Complètes, XVI: Mélanges, ed. **Mélonio, F.** Paris, 1989. P.50.

¹⁸⁶ Правда, следует иметь в виду, что он рассматривал демократию своего времени.

¹⁸⁷ **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С. 374.

¹⁸⁸ С этих позиций обращаясь к реалиям наших дней, можно заметить, что одно из наиболее распространенных слов современного социо-культурного и социально-политического дискурса – толерантность (трактуемая, как терпимость) также во многом объясняется не столько духовным возвышением «демократического человека», сколько свойственным ему безразличием, т.е. не уважением прав другого (иной расы, религии, сексуальной ориентации), а тем, что индивиду нет никакого дела, отношения к другому человеку.

духовных авторитетов, а человек становится отчужденным»¹⁸⁹. Социальные потрясения же на этой почве возникают лишь тогда, когда возникает конфликт интересов, когда меньшинства начинают представлять угрозу для большинства; лишь тогда безразличие большинства перерастает в равнодушие и «демократический человек» выходит из своего изолированного, индивидуализированного микромира. А если потрясения так и не происходят, то постепенно возникает риск деспотизма, так как индивидуализированное общество разобщено и никому нет дела до других, что и создает почву для возвышения деспота. Рассуждая над этими мыслями де Токвиля, Д. Кола отмечает, что «демократический индивид, таким образом, существует в обществе, топология которого выглядит как рядом расположенные элементы, *partes extra partes*»¹⁹⁰.

Вместе с тем, в отличие от Платона, Токвиль отмечает, что описанные проблемы и риски в рамках реалий демократического равенства не выступают в качестве «безнадежной» и, по определению, неискоренимой проблемы: Платон отталкивает демократию, Токвиль же пытается ее «спасти», обнаружив рецепты в американском обществе. Существующие при демократии проблемы разобщенности общества, отсутствие основ для «сообщественного» образа жизни и потому возможные склонности к перерастанию демократии в деспотизм вполне преодолимы. Однако это возможно лишь при адекватном восприятии иного, наряду с равенством важнейшего столпа демократии – свободы, посредством которой прежнее, ангажированное «незрело демократическим» видением восприятие равенства можно «реабилитировать». Близкий друг Токвиля Ж. Ж. Ампер выразил эту мысль следующим образом: «Цените свободу, дабы изгнать зло из равенства»¹⁹¹.

Когда в обществе устанавливается равенство и нет прежних критериев выделения людей в различные слои (на основе общей принадлежности к какому-либо сословию и, таким образом, на основе общих интересов), главным фактором социальной дифференциации выступает материальный достаток – деньги (Платон критикует демократию также по этой причине). Но благодаря именно свободе, ее проявлениям в общественно-политической жизни, необходимости постоянно

¹⁸⁹ Manent, P. Tocqueville et la nature de la démocratie / Pierre Manent. Paris, 1993. P.64.

¹⁹⁰ Кола, Д. Политическая социология/ Пер. с фр.; Предисл. А.Б. Гофмана. М., 2001. С. 165.

¹⁹¹ Цит по: Kazam, A. A Tocquevillian Polity?: The Mixed Regime in Tocqueville's Democracy in America. URL: <http://www.gov.harvard.edu/files/Theory%20thesis%202.pdf> (дата обращения: 09.09.2016)

обсуждать, отстаивать позицию, убеждать и договариваться вокруг общественно значимых вопросов, вопросов, которые касаются всех и ради которых потому и надо выйти из «берлоги индивидуализма», благодаря формированию различных профессиональных объединений, партий или групп интересов, граждане разобщенного демократического общества смогут сохранить демократию, не позволив неотделимому от нее индивидуализму изнутри «разъесть» систему равенства. Именно свобода «в состоянии освободить от власти денег и мелочных повседневных забот о своих делах, чтобы заставить во всякую минуту помнить о родине и ощущать ее над собой и подле себя»¹⁹². Свобода, таким образом, не противоречит демократическому равенству, а «блокирует» ее негативные стороны. В этом смысле у Токвиля речь идет не о часто приписываемом ему противопоставлении равенства и свободы, но о возможности того, что равенство может как отвергать свободу (имея разрушительные последствия для демократии), так и сосуществовать с ней. При этом примечателен не сам факт их примирения, но то, каким образом он это делает¹⁹³.

В этих рассуждениях де Токвиля наблюдается важная методологическая установка, выступающая в качестве ценной рекомендации при рассмотрении проблем демократического строительства – положение о неразрывности понятий равенства и свободы, постулат их взаимодополняемости¹⁹⁴. Взятые в отдельности, ни свобода, ни равенство не являются самодостаточным условием для самого человеческого бытия: такое качество они приобретают лишь в единстве. И американские «нравы» в «токвилевском» духе разрешают противоречие между равенством и свободой.

Примечательно, что с этих же позиций Токвиль рассматривает и проблему формирования гражданского общества в США. Он убежден, что в условиях демократического равенства и индивидуализма обеспечение социально-политических связей между членами атомизированного общества становится возможным лишь благодаря так называемой «ассоциативной жизни»¹⁹⁵ – посредством создания

---

¹⁹² Токвиль А. де. Старый порядок и революция. С.11.

¹⁹³ См.: Lom, P. Alexis de Tocqueville: The Psychologist of Equality. EUI Working Paper SPS No. 99/1. Badia Fiesolana, San Domenico (FI), 1999. P.4.

¹⁹⁴ См.: Ширханян С.С. Проблема соотношения свободы и равенства в политической теории А. де Токвиля // Известия СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Серия: Социология, Политология, 2016, Том 16, Вып. 4.С. 485.

¹⁹⁵ См.: Conversations with Tocqueville: The Global Democratic Revolution in the 21st century / Edited by Craiutu, A., Gellar, G. Lanham, Maryland, Lexington Books. 2009. P.254.

различных объединений, в рамках которых члены демократического общества объединяются. В этой связи мыслитель отмечает, что Америка сумела извлечь из права создавать объединения максимальную пользу: объединения здесь выступают как мощное и действенное средство для достижения самых разных, общественно значимых целей¹⁹⁶. В то же время следует понимать, что речь идет не только и даже не столько о «формально политических» ассоциациях (например, партиях), которые, как отмечает Токвиль, составляют лишь незначительную часть ассоциаций в США, но о наиболее широком спектре «гражданских» объединений - начиная от профсоюзов и заканчивая, например, клубами «любителей пива». Это обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, Токвиль во всякую форму ассоциации вкладывает политический смысл в плане их важности в деле обеспечения жизнеспособности демократии на основе общественной интеграции. Выделяя этот аспект, он пишет, что в Америке ему встречались такие ассоциации, о возможности существования которых он не имел ни малейшего представления. Он восхищается той «бесконечной изобретательностью, с которой жители Штатов умеют внушать общую цель большому числу людей...»¹⁹⁷. Во-вторых, при оценке партий как главных институтов политической активности граждан, у Токвиля наблюдается дифференцированное отношение: «Партии – это зло, присущее демократическому правлению, однако характер их в разные периоды неодинаков»¹⁹⁸. Автор выделяет два типа партий, которые рождаются (или трансформируются) в соответствии со сложившейся политической ситуацией – «великие» и «малые». «Великие партии, потрясая общество, тем самым, нередко его спасают, а малые без видимой пользы сеют смуту»¹⁹⁹. Первые возникают в переломные моменты, во время коренных перемен в обществе и потому руководствуются далеко идущими принципами, общественно значимыми целями. Тем не менее, они представляют собой продукт сложившихся сложных и зачастую переходных реалий, которые сменяются временами «равновесия» и «кажущегося спокойствия»: «тогда наступает время интриг и малых партий... которые развращают общество», не имея убеждений и преследуя эгоистические цели.

---

¹⁹⁶ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 155.

¹⁹⁷ Там же. С. 378.

¹⁹⁸ Там же. С. 144.

¹⁹⁹ Там же. С. 145.

Таким образом, в отличие от большинства современных авторов, Токвиль убежден, что роль политических партий возрастает лишь при критических ситуациях, тогда как в условиях нормального функционирования политической системы партии зачастую могут играть отрицательную роль. Представляется, что данная позиция автора обусловлена предвидением рисков «борьбы между различными политическими группировками», угрозами социально-политической поляризации общества, что входит в противоречие с базисной токвилевской установкой консолидированного общества. С этих же позиций он оценивает партии США, Франции и Англии, отмечая, что после революционных потрясений «великие» партии трансформировались в «малые», начав вредить обществу.

Итак, ассоциативные связи минимизируют естественные дефекты демократии (в вопросе разъединения общества), противодействуют изоляционизму, в конечном итоге предотвращают также возвышение тирана над безразличными друг к другу «социальными атомами». Исходя из этого, Токвиль резюмирует: «Самой демократической страной в мире является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели и чаще других применять этот новый метод коллективного действия»²⁰⁰. И хотя индивидуализированный характер общества при этом сохраняется, он, как ни парадоксально, приобретает черты коллективизма, что Ч. Тейлор называет «холистским индивидуализмом», подчеркивая, что эта модель общества наблюдается еще у немецкого философа В. фон Гумбольдта²⁰¹, который оказал влияние на многих мыслителей, в том числе и на Токвиля.

«Ассоциативная жизнь», таким образом, выступает как главный фактор, запускающий «механизм» функционирования демократии и как основа для формирования «гражданского общества». Вместе с тем Токвиль обратил внимание также на сами условия функционирования «ассоциативного общества» и культивирования гражданских свобод. В этой связи он обращается к свободе печати в США, разглядев в ней достоинство американской демократии. Токвиль убежден, что свобода слова, воплощенная в том числе в свободной прессе, создает атмосферу «бытия» свободы личности. Именно благодаря прессе «оживляется политическая

---

²⁰⁰ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 379.

²⁰¹ См: Taylor, Ch. Philosophical arguments. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1995. P. 185.

жизнь», что позволяет гражданским ассоциациям выполнять свою основную функцию по обеспечению стабильного, «умеренного» функционирования демократии, избегая ее крайности по атомизации общества: взаимодействие ассоциаций в условиях «разорванной» демократией социально-политической «ткани» значительно затруднено или вовсе невозможно без обеспечения информационной связи, которую создают СМИ²⁰². «Газета выступает как представитель ассоциации»²⁰³, - отмечает мыслитель, констатируя, что в Штатах нет каких-либо серьезных преград по созданию собственной газеты, там практически нет общины, где не выпускали бы свою газету, что, безусловно, выделяет американскую демократию. И хотя Токвиль признает, что в отдельности взятые газеты не имеют того влияния, какое имеют крупнейшие издания Франции, в США, однако, «периодическая печать, как таковая... является первой после народа силой».²⁰⁴

В контексте той же логики Токвиль оценивает также институт суда присяжных, которому он придает не столько юридическую, сколько политическую значимость. Токвиль считает, что с юридической точки зрения эффективность и справедливость этого института являются спорными, однако с политической точки зрения он имеет два положительных эффекта. Во-первых, он в очередной раз символизирует принадлежность власти народу. Во-вторых, суд присяжных – это своеобразное «образовательное учреждение», которое учит народ «упражняться свободой»²⁰⁵, это возможность непосредственно «впитать» ценности свободы. Токвилевская оговорка, однако, в данном вопросе заключается в том, что суд присяжных должен вершить правосудие лишь в гражданских делах: учитывая недостатки института и вероятность несправедливого вердикта, члены суда присяжных не должны «тренировать» свою свободу за счет судебных сограждан.

Рассмотрев, таким образом, все три фактора, выделенные для раскрытия основных причин успеха демократии в Штатах, Токвиль приходит к выводу, что величие американской демократии, безусловно, основано на природных («случайных») условиях, а также на созданных законах и социально-политических

---

²⁰² Естественно, в контексте реалий современности правомернее употреблять слово «СМИ», потому что в эпоху де Токвиля не было ни радио, ни телевидения, ни тем более интернета и социальных сетей, которые ныне и вовсе оттесняют на второй план печатную прессу.

²⁰³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 383.

²⁰⁴ Там же. С. 153.

²⁰⁵ См.: Там же. С. 209-214.

институтах, однако ключевое значение, тем не менее, имеют «нравы» народа, его обычаи и традиции, его образ мышления и ценностная система: «Нравы имеют особое значение – вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт»²⁰⁶. Поэтому задаваясь вопросом, можно ли достигнуть аналогичного успеха, перенеся те же условия на иную социально-политическую, культурную и национальную почву, Токвиль отвечает, что успех возможен лишь при условии, если другие народы, заимствуя идею демократии, будут строить ее учитывая специфику своих нравов, «а не слепо подражая в ее конкретном воплощении»²⁰⁷.

Выделение преимуществ демократии Штатов, точные акценты Токвиля при изучении и оценке основных достоинств американской политической системы и американского образа жизни в целом стали главной причиной того, почему «Демократия в Америке» стала столь популярной среди американцев, которые впоследствии окрестили ее «одновременно лучшей книгой о демократии и лучшей книгой об Америке»²⁰⁸. Тем не менее, Токвиля интересовала целостная картина американской демократии: преимущества демократической системы Штатов XIX века стали лишь первичным фоном для его рассуждений, что позволило ему обратить внимание и на другую сторону демократии, на ее основные проблемы и угрозы, на ее деструктивные механизмы, которые выступают как своеобразный «ответ» системы на всякие попытки своего искажения и в конечном итоге приводят к ее вырождению. Данная, «обратная» сторона демократии, отображенная преимущественно во втором томе книги, понравилась далеко не всем и не получила должного восприятия как в Америке, так и в Европе. Однако в контексте современности именно этот пласт токвилевской теории имеет подчеркнутую актуальность.

2.3 Критические аспекты «Демократии в Америке»: принцип «золотой середины» в концепции де Токвиля

Исключительная интуиция Токвиля, его критический склад ума не позволили сложившимся в первые месяцы пребывания в США впечатлениям одержать верх над

---

²⁰⁶ Там же. С. 233.

²⁰⁷ Там же. С. 235.

²⁰⁸ Цит. по: Журнал «The New York Review of Books». URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2001/may/17/tocquevilles-lesson/?pagination=false> (дата обращения: 03.04.2015)

научным подходом к изучению проблем. У Токвиля возникают сомнения насчет сложившегося первичного образа американской демократии, его рефлексия над собственными наблюдениями подталкивает мыслителя на выявление, на первый взгляд, «невидимой» стороны изученной им Америки, которая, как было подмечено, в большей мере исходит именно из критики самих положительных черт описанной им демократии: он не разграничивает преимущества и недостатки демократии, он их взаимообуславливает. В духе Платона Токвиль в демократии усматривает «избыток» всего, и именно положение «чрезмерности»²⁰⁹ (чрезмерности власти, свободы, равенства и т.д.) становится основной принципиальной установкой критических аспектов токвилевской концепции. Преисполненная философским духом античного принципа «золотой середины», эта логика де Токвиля прослеживается во всем его исследовании.

С этих позиций, возвращаясь к оценке роли большинства (носителя народного суверенитета) в американском обществе, Токвиль отмечает, что власть большинства, тем не менее, не просто велика, но непреодолима, поэтому, с одной стороны, это преимущество американской демократии, с другой – ее несчастье. Здесь вырисовывается одно из наиболее важных наблюдений де Токвиля – положение о вероятности установления тирании большинства, его диктата, подавление меньшинства и вообще всякого социального элемента, который выступит против большинства: «Что такое большинство, взятое в целом? Разве оно не похоже на индивидуума, имеющего убеждения и интересы, противоположные убеждениям и интересам другого индивидуума; именуемого меньшинством? Однако, если мы допускаем, что один человек, облечённый всей полнотой власти, может злоупотребить ею по отношению к своим противникам, почему мы не хотим согласиться, что то же самое может сделать и большинство?»²¹⁰, - спрашивает он. В этой связи мыслитель утверждал, что в политической системе США, как и во всякой демократии, имеются врожденные предпосылки для перерастания демократии в охлократию. При этом данный режим страшнее монархического правления одного человека (Токвиль имеет в виду европейские монархии) и может иметь

---

²⁰⁹ См.: **Мирумян К.А., Ширханян С.С.** Некоторые проблемы современной демократии // Сборник статей по материалам IX годичной научной конференции РАУ. Ер., 2015.С. 273.

²¹⁰ **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С. 196.

разрушительные последствия для общества. Необходимо отметить, что Токвиль здесь не столько пытается оправдать «старый порядок», монархии Европы и т.д., сколько, как подметил американский исследователь Х. М. Хабиб, фиксирует опасность того, что под флагом равенства «эгалитаристский деспот (большинство) превращает людей, таким образом, в льстецов и придворных равенства».²¹¹

Власть большинства, продолжает Токвиль, в США настолько обширна и всепроникающа, что она способна управлять даже мыслями людей. Единоличная власть монарха хоть и сильна, тем не менее, она не способна распространиться и на сознание человека. Большинство же в американском государстве управляет даже умами людей, их желаниями и стремлениями. Абсолютная власть большинства, установившаяся в США, ущемляет свободу мыслить и свободно выражать свои идеи. Установленные большинством рамки ограничивают стремление человека к свободомыслию, он вынужден жить и мыслить в рамках «дозволенного» со стороны большинства. В этой связи Токвиль признает: «Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке»²¹². Между тем следует отметить, что, характеризуя тиранию большинства, Токвиль отказывается от понятий «деспотизм» и «тирания». Для него это форма тирании нового уровня, это «мягкий» деспотизм, который не так суров, как известные из истории тирании, но при этом менее ограничен и имеет более широкий охват. «Эта власть стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии: она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и чтобы не думали ни о чем другом»²¹³, - пишет Токвиль. Далее, он отмечает, что демократическая власть выражает готовность регулировать чуть ли не все сферы жизни человека, даже его телесные потребности. В этой связи Токвиль подчеркивает могущество демократической власти и риторически спрашивает: «Отчего бы ей не лишить их (граждан – С.Ш.) беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?»²¹⁴. Демократическая тирания, таким образом, рассматривает народ и каждого человека как «материал», из которого она лепит ту форму, которая ей необходима. Она не сокрушает волю людей, но «размягчает ее, сгибает и направляет». Демократический

---

²¹¹ Alexis de Tocqueville and the art of democratic statesmanship. Edited by **Danoff, B. Hebert, L.** P.86

²¹² **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С.199.

²¹³ Там же С. 496.

²¹⁴ Там же С. 497.

деспот «не тиранит, но подавляет, нервирует, гасит, оглушает и в конце концов превращает весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство»²¹⁵.

Отмеченные риски установления безграничной власти большинства, ее диктата приводят в конечном итоге к тому, что обесценивается сам принцип свободы выбора, «сужая сферу действия человеческой воли». В условиях подобной «тихой, размеренной и мирной формы рабства» человек теряет способность выбирать, хотя формально может сохранить право на это. Поэтому самая основа демократии – способность народа выбирать своего правителя, выступает лишь как иллюзия. Токвиль, таким образом, заметил в недрах формирующейся демократии серьезные риски ее трансформации в «утонченную» народную тиранию, которая выступает как «тоталитарная» демократия, регулирующая жизнь человека и нивелирующая самые основы свободы. Пожалуй, именно в противодействии данной угрозе Токвиль видел одну из своих основных задач и именно в этом контексте выступал как противник мощной или «излишне»²¹⁶ централизованной власти, которую он наблюдал как в США, так и во Франции. Вместе с тем описанная модель демократии, представляющая собой худшую крайность, которую народовластие может приобрести, не выступает как неизбежность: вероятность ее установления напрямую зависит от формирования институтов, направленных на сдерживание «безграничности» всех начал демократии.

В контексте этих рассуждений Токвиля, таким образом, наблюдается следующий парадокс демократии: с одной стороны, будучи основана на индивидуализме, предоставляя равенство возможностей и уделяя особое значение самореализации личности, демократия, казалось бы, создает все условия для актуализации потенциала человека, его достоинств, его свободы; с другой стороны, именно в демократии эта самая личность может оказаться под постоянным давлением большинства, двигаемого страстью к равенству и потому нетерпимого к выдающимся людям, к личностям, которые по своим добродетелям выше «среднего стандарта» демократического человека, потому и нарушают или потенциально могут нарушить «святыню святынь» – положение о равенстве. То есть, демократия создает

---

²¹⁵ Там же. С. 498.

²¹⁶ Там же. С. 85.

благоприятные условия для самореализации людей до определенной поры, до рамок среднего класса (не в смысле материального достатка, а в плане личных достоинств гражданина), ибо большинство – ядро всякой демократии – видит в неординарных личностях угрозу для своей власти. «Демократии всегда не хватает способности выбрать достойных людей, ей не хватает желаний и склонности к этому», - пишет Токвиль, поясняя, что кроме того, что народные массы не подпускают выдающихся личностей к власти, сами эти люди бегут от политической карьеры в демократических государствах, так как в них «трудно оставаться самим собой и идти по жизни не оскверняясь».²¹⁷ Кроме того, с позиций критики буржуазного образа жизни, Токвиль отмечает, что и выдающихся людей как таковых в демократиях и в их политической жизни очень мало, что обусловлено постоянным стремлением «человека демократии» к материальному достатку. При аристократическом порядке, не имея хлопот по собственному материальному обеспечению, «душевные силы человека устремляются в ином направлении: он ставит перед собой более сложные задачи и более возвышенные цели»²¹⁸. В демократии же, когда ум человека поглощен погоней за материальными благами и трепетом удержать свое имущество, люди если и думают о политике, то только тогда, когда заинтересованы в этом, видят некоторый источник продвижения своего дела, своего бизнеса. В этом смысле «страсть к наживе»²¹⁹ является главным мотивирующим началом в поведении человека в условиях демократического порядка.

Следуя Аристотелю, Токвиль отмечает, что именно средний класс выступает как основа стабильности демократии. При этом он тонко подмечает, что «они (средний класс – С.Ш.) любят перемены, но боятся революций»²²⁰. Объясняет же это Токвиль тремя обстоятельствами: во-первых, демократия – это общество среднего класса, здесь люди имеют риск потерять имущество (собственность) и потому не заинтересованы в социальных потрясениях; во-вторых, равенство разжигает в людях демократии страсть к обогащению, а революция представляет прямую угрозу для стабильного дохода; в-третьих, разобщенность людей при демократии, «индивидуализированность», атомизация общества не позволяет действовать

---

²¹⁷ См.: Там же. С. 161-162.

²¹⁸ Там же. С. 391.

²¹⁹ Там же. С. 187.

²²⁰ Там же. С. 461.

сплоченно, четко формулировать общие интересы. С другой стороны, в условиях погони за деньгами де Токвиль также предвидит угрозы олигархизации общества. В частности, он пишет о «новоявленной», промышленной «аристократии», которая «формируется в самых недрах демократии». Токвиль отмечает, что при демократии благоприятные условия для развития промышленности способствуют поляризации между «бедными рабочими» и «промышленными магнатами», сколотившими состояние на труде первых. Более того, он подчеркивает, что эта «аристократия» вовсе не похожа на ее «историческую предшественницу»: «Земельная аристократия минувших веков была обязана по закону или же считала себя морально обязанной приходить на помощь своим подданным, облегчая их бедственное положение. Промышленная аристократия наших дней, напротив, доведя до обнищания и отупления наемных рабочих, в периоды кризисов предоставляет заботу об их пропитании лишь общественной благотворительности»²²¹.

Вместе с тем, в том, что Токвиль выступает как защитник «золотой середины» и принципов умеренности и одновременно критикует демократию за то, что она максимально сдерживает свободное развитие личности (в пределах «среднего»), не следует искать противоречия: формирование свободной личности, который не угнетается, а, наоборот, всецело поддерживается обществом, представляет конечную цель токвилевского «идеального общества», имплицитно вырисовываемого в работах автора в тени его критики и хвалы демократии. Именно свободная личность выступает как условие для умеренного, в понимании Токвиля, эффективно функционирующего демократического общества²²². Иначе говоря, для Токвиля в качестве аксиомы выступает то положение, что лишь свободное общество (а не «умеренно свободное»), свободный человек знает цену умеренности, столь необходимой для «неизбежных для всего мира» реалий демократии.

Следует заметить, что критическая позиция Токвиля в вопросе обеспечения индивидуальной свободы в условиях мощного давления большинства перекликается с идеями другого известного критика демократии, современника Токвиля Дж. Стюарта Милля, с которым он поддерживал активные связи (по мнению некоторых

---

²²¹ Там же. С. 408.

²²² Ширханян С.С. Критические аспекты «Демократии в Америке»: принцип «золотой середины» в концепции А. де Токвиля // «КАНТЕХ» научные труды, 2017, No 1 (70). С. 168.

исследователей, Милль, скорее, сам был «вдохновлен» идеями Токвиля при формулировании своего понимания демократии²²³). Милль рекомендовал «Демократию в Америке» своим британским коллегам, отмечая, что мысли Токвиля о тирании большинства «вполне правомерны и утонченно аккуратны»²²⁴. Не случайно, что «британский Токвиль» написал рецензии²²⁵ на оба тома «первой философской книги, когда-либо написанной о демократии»²²⁶, где принимал токвилевскую позицию относительно того, что демократия имеет ряд «природных» недостатков, решение которых требует создания соответствующих нормативных и институциональных механизмов: так, власть большинства Милль предлагал минимизировать посредством предоставления наиболее компетентным и предрасположенным к управлению лицам право иметь несколько голосов при голосовании («plural voting»), а также допуская пропорциональное численности меньшинств количество их голосов в управлении страной («cumulative voting»); решение проблемы «атомарности» людей демократии Милль рассматривал сквозь призму идей общественной солидарности (основанной на токвилевских «общественных ассоциациях»), что отражало дух его времен – борьбу рабочих слоев за защиту своих прав. Тем не менее, в основе всего этого лежало то, что, подобно Токвилю, Милль выступил убежденным защитником свободы личности, и именно с этих позиций он, соглашаясь с французским мыслителем, жестко критиковал «общественную тиранию» демократии (тиранию большинства), и прежде всего именно в этом контексте наблюдается схожесть логики де Токвиля и Милля.

Продолжая выявление обратной стороны демократии, французский мыслитель замечает, что эта «сторона» присуща даже институту выборов – самой основе республиканской формы государства. На примере исследования электоральных и постэлекторальных политических процессов в США Токвиль делает вывод, что основным риском выборности высших властных органов является то обстоятельство, что, имея возможность переизбрания на несколько сроков, кандидат после избрания

---

²²³ См., например: **Brilhante, A., Rocha, F.** Some remarks on John Stuart Mill's account of Tocqueville's concern with the masses in democratic societies // «Ethic@», Vol. 10, No. 1, 2011, pp. 43 – 63.

²²⁴ **Cunningham, F.** Theories of democracy. Critical introduction. London and New York, Routledge, 2002. P.28.

²²⁵ См. подробнее: *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume XVIII - Essays on Politics and Society Part I*, ed. **J. M. Robson**, Introduction by A. Brady. Toronto, University of Toronto Press, London, Routledge and Kegan Paul, 1977. P. 47-91, 153-205.

²²⁶ **Милль Дж.** Рассуждения и исследования политические, философские и экономические. В 3-х ч.ч. 2. Статьи политические и экономические. СПб., 1865. С.195.

на первый срок в течение всего времени осуществления своих должностных обязанностей думает не о решении реальных проблем государственной политики, для чего он и был уполномочен, а о том, как создать почву для переизбрания в очередной раз (интриги, подкуп чиновников и т.д.). Это, по Токвилю, касается, прежде всего, исполнительной власти, у которой в США много мощи и прерогатив, и подчеркивает, что возможность переизбрания «так сильно разжигает страсти в погоне за властью, что часто законных средств достижения этой власти уже недостаточно, и, как следствие, люди решаются прибегнуть к силе, если им не хватает прав»²²⁷. Более того, в предвыборный период, а также во время самих выборов (тем более в США, где предвыборная борьба начинается за год до самого дня выборов) в стране фактически устанавливается безвластие и нестабильность: глава государства полностью занят вопросами обеспечения своего «нового срока».

Французский мыслитель, таким образом, обращает внимание не столько на саму выборность, сколько на проблему возможности переизбрания: одно дело иметь институт выборов, другое дело предоставлять возможность несколько раз подряд переизбираться. При этом, несмотря на приведенные аргументы против переизбрания, Токвиль, не изменяя своим принципам, приводит аргументы также в защиту данного положения. Так, у власти может оказаться человек, который в критических случаях необходим для страны, и запрещать ему вновь избираться будет просто нецелесообразно (в дальнейшем рассматривая этот аспект, в США многие в качестве примера часто приводили 4 срока президентства Франклина Д. Рузвельта). Кроме того, один срок власти не всегда может позволить довести до конца систему политических действий, обеспечить логическую завершенность политической программы. По сути, позиция Токвиля заключается не столько в критике переизбрания, сколько в создании условий для минимизации негативных последствий этого процесса. В этой связи он предлагает следующее решение: выборные (с возможностью переизбрания) должности всегда должны быть ограничены по своим полномочиям, зависимы от других, что позволит установить взаимный контроль. Президент государства, безусловно, должен иметь ключевые полномочия, но осуществление этих полномочий должно иметь нормативно-институциональные

---

²²⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 113.

«сдерживатели», которые не позволят ему монополизировать власть и злоупотреблять ею в том числе ради обеспечения своего очередного срока.

Ярко выраженная позиция умеренности Токвиля, пронизывающая всю его концепцию, отложила свой отпечаток и на его отношении к свободе слова и свободе печати, которые, как было показано, представляют важную составляющую современной демократии. Токвиль признает, что в этих началах также наблюдается отрицательный оттенок: язык, которым оперируют граждане при демократии, в публичных заявлениях или в прессе настолько агрессивен и необуздан, что грозит серьезными социальными потрясениями, постоянными провокациями беспорядков. «Пресса является той необыкновенной силой, где странным образом перемешано хорошее и плохое, без которой свобода не сумела бы выжить, но из-за которой порядок с трудом удерживается»²²⁸, - замечает мыслитель, подчеркивая, что пресса особо опасна именно для новых демократий, для обществ без традиций свободы, когда каждый гражданин считает себя «первым трибуном» при обсуждении государственных дел. То есть, и в этом вопросе позиция Токвиля основана на принципе «золотой середины»: свобода прессы необходима, но она не должна быть непреодолима; цензура недопустима, но и абсолютная необузданность печати опасна для общества: «Если бы кто-нибудь показал мне промежуточную позицию между полной независимостью мысли и полным ее порабощением...я бы, возможно, там и разместился; но кто откроет эту промежуточную позицию?»²²⁹. В этой связи мыслитель пишет, что пресса должна «отвечать за слова» перед законом, перед судом, лишь таким образом можно ограничить «вседозволенность» СМИ.

Кроме того, Токвиль подметил, что сам язык при демократии подвергается таким трансформациям, что часто юридическая лексика оказывается не в силе доказать виновность «словоблудливой» печати. При этом это не только приводит к безнаказанности «перешедшей все границы» прессы, но и таит угрозы для самой науки. Так, демократия, основанная на индивидуализме и формуле «никто не лучше меня, я сам себе судья», дает толчок к постоянным изменениям, к переменам ради перемен. Прежде всего, это относится к языку: даже когда нет необходимости в новом слове, замечает Токвиль, оно создается в угоду духу демократических перемен;

---

²²⁸ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 150.

²²⁹ Там же. С. 149.

так возникают сленги, жаргон и т.д. То есть, одно и то же явление обозначается несколькими словами, и «так как нет общепризнанного суда, постоянно действующего трибунала, способного твердо установить значение данного слова», этот процесс начинает набирать «обороты». Наиболее негативное значение, тем не менее, приобретает профанация понятий, когда одно и то же слово начинает интерпретироваться по-разному: если все индивиды равны и при этом свободны, то каждый вправе придавать тому или иному слову то значение, которое он считает нужным или уместным в рамках его рассуждений и преследуемой им цели. В этой связи Токвиль пишет: «Вполне употребительным словам и выражениям придаются необычные значения, что не требует никакой научной подготовки и, более того, сама невежественность способствует его эффективности. Этот метод, однако, таит в себе серьезную опасность для языка, так как удваивая значение одного и того же слова, демократические народы создают неопределенность, двусмысленность»²³⁰. Между тем очевидно, что подобная неоднозначность языка противопоказана науке, которая требует четкости, терминологической ясности языка. Наука основана на терминах и требует однозначности, следовательно, всякая попытка размытия содержания концептов грозит хаосом, риском девальвации научных текстов. Поэтому, рассматривая современные реалии и вспоминая процитированных нами ранее Сартори, Цукермана, Даля и их замечания относительно понятийных и терминологических манипуляций и инсинуаций в политической науке, думается, что и сегодня наука нуждается в формировании особых комиссий, призванных не допускать искажение научного языка, проводить постоянный мониторинг и иметь мощный аппарат рецензентов.

Наконец, Токвиль раскрывает обратную сторону «мирной природы» демократии. Было отмечено, что демократическое общество ввиду заинтересованности в стабильности (экономической, политической и т.д.) старается избежать войны. Наряду с этим Токвиль замечает, что армия демократического государства, наоборот, стремится всячески развязать войну, что обусловлено равенством возможностей. Так, если при аристократии высшие должности занимали знатные люди, аристократы по рождению, а простолюдия на протяжении всей службы, как правило, оставался в статусе рядового или имел ограниченное

---

²³⁰ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 355.

пространство для повышения, и потому у него (т.е. у значительной части армии) не было заинтересованности в боевых действиях, то при демократии военнослужащий жаждет военных действий, потому что это для него шанс показать себя. То есть, война – это «самый надежный, если не самый легкий путь удовлетворить амбиции демократических военных»²³¹. Именно поэтому демократии сложно делать две вещи: начинать войну (ввиду предрасположенности общества) и заканчивать ее (ввиду настроений в армии). В этом контексте Токвиль пишет, что «наличие столь противоположных интересов у нации и армии представляет собой большую опасность для демократического общества»²³², что открывает современному исследователю еще одну важную грань демократической проблематики.

Резюмируя свои наблюдения в Америке, Токвиль пришел к выводу, с которого была начата данная часть работы: основные преимущества американской демократии по причине своей некоторой «чрезмерности», как ни парадоксально, трансформируются в губительные недостатки и риски все той же системы. Он отмечает, что отсутствие контроля над демократией приводит к ее дестабилизации, которая в конце концов способствует кризису системы²³³. Можно утверждать, что автор заметил своеобразную «аритмию» в функционировании демократической системы США, обусловленную чрезмерным усилением сущностных начал демократии (силы большинства, равенства и т.д.), отсутствием сбалансированности. «Демократическая форма правления в том виде, в каком она существует в США, заслуживает самого серьезного упрека не за свою слабость, как считают многие в Европе, а, напротив, за свою непреодолимую силу»²³⁴, - отмечает Токвиль. В этом отношении вновь следует подчеркнуть, что французский мыслитель выступает как ученик Платона – величайшего критика демократии, который задолго до Токвиля

---

²³¹ Michels, S. When Democracies Fight: Tocqueville on the Democratic Peace. URL: http://digitalcommons.sacredheart.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1021&context=gov_fac (дата обращения: 25.09.2016)

²³² Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 468.

²³³ По сути, именно этой идеей де Токвиль предвосхитил положения синергетики о «флуктуациях» – колебаниях системы, которые с течением времени вводят ее в кризис: колебания либо трансформируют систему (в контексте теории Токвиля – вырождение демократии в охлократию), либо и вовсе обуславливают ее гибель.

²³⁴ Там же. С. 198.

писал, что «чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства обращается не во что иное, как в чрезмерное рабство».²³⁵

Необходимо отметить, что де Токвиль ставит перед собой задачу не просто выявления недостатков демократии, но и разработки «инструкции» по проведению «правильной» политики демократического строительства. Его исследование следует рассматривать в качестве как глубокого анализа, так и определенной программы действий²³⁶. В этом смысле специфика критического пласта его концепции проявляется в ряде сформулированных автором законов и уроков, которые имеют теоретико-прикладное значение. Они позволяют его концепции не оставаться на уровне собственно теории, но и применяться в сфере практической политики, в частности, в форме рекомендаций для осуществления политики государственного (демократического) строительства. По выражению, английского философа И. Берлина, рекомендации Токвиля выступают как «снадобье для смягчения» побочных эффектов демократии, которые французский автор выявил благодаря «убийственной точности своих неудобных мыслей»²³⁷.

Суть рекомендаций Токвиля сводится к общему призыву к «осторожному, взвешенному и разумному» отношению к демократии: в определенном смысле его наставления выражают различные грани этой общей идеи, средства ее конкретизации, «материализации». Один из наиболее важных уроков Токвиля проявляется в так называемом «золотом законе» политического развития: «самый короткий путь к свободе приводит к наихудшей форме рабства». Он уверен, что для страны, не имеющей традиций демократии и свободы, нет ничего более опасного, чем чрезмерно быстрые и резкие реформы. В подобных случаях, как правило, процесс реформирования выходит из-под контроля: народ не имеет времени усвоить нововведения, он не готов к новой системе, а изменения не успевают упрочиться, приобрести институциональный характер. В свою очередь бурный натиск на уничтожение старой системы в дальнейшем оказывается невозможным ни приостановить, ни упорядочить. Токвиль в этой связи предупреждает, что в результате скорой демократизации и приобретения свободы может быть установлен

---

²³⁵ Платон. Государство. С.292.

²³⁶ См.: **Brogan, H.** Alexis de Tocqueville. A biography. London, Profile Books, 2006. P.261.

²³⁷ См.: **Берлин И.** Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. М., 2001. С.337.

жестокий деспотизм. Мыслитель рассуждает основываясь на анализе событий, которые произошли в эпоху Великой французской революции, которая привела сначала к террору Робеспьера, затем к диктатуре Наполеона, а после Бонапарта и вовсе к хаосу и новым революциям. Де Токвиль пишет, что люди того времени не понимали, что их чрезвычайно быстрые и резвые действия ведут общество не в сторону свободы, а в направлении к рабству: «Несчастные! Они забыли правило, которое четыреста лет назад их предки выразили на наивном и энергичном французском языке того времени: «Требую слишком большой вольности да свободы, как раз и попадаешь в наибольшую кабалу»»²³⁸.

Другой урок Токвиля, выступающий как логическое продолжение первого, заключается в том, что введение или «дарование» свобод обществу предполагает определенной подготовки самого общества, что в свою очередь требует как соответствующей политики (для формирования «условий пользования» свободой), так и времени, поэтому данный процесс должен иметь поэтапный характер. «Но я думаю, что если нам не удастся постепенно ввести и укрепить демократические институты и если мы откажемся от мысли о необходимости привить всем гражданам идеи и чувства, которые сначала подготовят их к свободе, а затем позволят ею пользоваться, то никто не будет свободен»²³⁹, – подчеркивает мыслитель, предвидя угрозы для общества, не знающего ценности свободы²⁴⁰. Примечательно, что с этих же позиций де Токвиль формулирует свои оговорки относительно влияния централизации власти. Как было отмечено, он предупреждал о губительных последствиях централизации государственной власти, особенно, в новых демократиях. Вместе с тем, он отмечает, что централизация может иметь и конструктивную функцию, в частности, когда «демократия» на местном уровне (в общинах) основана на необразованности, непросвещенности народа, их незнании и

---

²³⁸ Токвиль А. де. Старый порядок и революция. С.131.

²³⁹ Там же. С. 236.

²⁴⁰ Любопытно, что аналогичная идея наблюдается и у отцов-основателей США, в частности, у Бенжамин Франклина, хотя и в ином контексте. Франклин, обращаясь к проблеме отмены рабства и предоставления рабам прав и свобод, отмечает, что прежде надо подготовить рабов к свободе, а затем только ее предоставить им. «Обучить, подготовить их...чтобы они могли пользоваться гражданской свободой», - говорил американский политический деятель в своем обращении к Пенсильванскому обществу, указывая, что бурный всплеск свободы в неподготовленную среду (среду рабов) может иметь пагубное значение для всего общества. (См.: Smyth, A. (Ed.). The writings of Benjamin Franklin, Vol. X. URL: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Franklin%2C%20Benjamin%2C%201706-1790> (дата обращения: 03.03.2016)).

непонимании сути гражданской активности, их привычке в безусловном повиновении власти; и, наоборот, централизация власти деструктивна, если речь идет уже о состоявшейся демократии и «демократическом народе», который «образован, хорошо знает, чего он хочет и привык заботиться о своих интересах»²⁴¹.

Токвиль также настаивает на том, чтобы демократия, ее институты, нормы и ценности «срослись с традициями и нравами народа». Отталкиваясь от своих наблюдений над «нравами»²⁴² американского народа, Токвиль заключает, что демократизация общества при всем учете опыта других стран должна осуществляться на эндогенных началах, т.е. с учетом особенностей нравов, ценностей и культуры данного общества. Более того, это «срастание» следует понимать не в смысле «подгонки» общества под ту или иную модель демократии, а адаптации демократии в соответствии со спецификой общества (естественно, с потенциалом осуществления необходимых демократических преобразований). Демократия не должна выступать как «инородный элемент», насаждаемый обществу, она должна быть продиктована, порождена реалиями самого общества, ее потребностями, ее общественным заказом. Иначе говоря, Токвиль учит о «естественной демократизации», призывая исключить ее преждевременность, искусственную акселерацию, насильственный характер установления демократии и механический перенос тех или иных практик на собственную социо-культурную и политико-экономическую почву. Он учит строить демократию, он учит творить, а не потреблять, и прежде всего потому, что «пересадка демократии» на иной организм просто недопустима: «Я далек от мысли, что мы должны следовать примеру американской демократии и копировать средства, которыми она воспользовалась... Мне хорошо известно, как сильно влияет на политическое устройство страны ее природа и история, и я считал бы великим несчастьем для человечества повсеместное однообразие форм свободы»²⁴³. Токвиль отмечает неприемлемость «черно-белого» видения демократии и свободы, обращая внимание на естественность многообразия как этих феноменов, так и мира в целом.

Наконец, Токвиль представляет нам еще один урок, основанный на самой истории французской революции, на ее результатах, на ее примере. Так, на

---

²⁴¹ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 85-86.

²⁴² В том смысле, в каком он определяет данное понятие в контексте выявления причин успеха американской демократии (См. предыдущую подглаву).

²⁴³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С.237.

протяжении всей жизни мыслителя Францию «сотрясали» постоянные революции. Сам Токвиль это объяснял отмеченными выше двумя обстоятельствами: «быстрой свободой и свободой неподготовленной». Резкое введение политической свободы в условиях совершенно ассиметричной для ее существования конъюнктуры, отсутствия реальных условий для претворения в жизнь формальных свобод привело к тому, что установилась безмерная власть Директории²⁴⁴. Последняя «не только на самом деле приобрела абсолютную власть, но и стала наследницей переворота, сломавшего все преграды, которые раньше законы, обычаи и нравы ставили злоупотреблениям, а порой и самому осуществлению власти»²⁴⁵. Иначе говоря, абсолютизм Директории был, по сути, легализован и, по убеждению Токвиля, даже легитимизирован. Франция, стремившаяся к свободе, получила абсолютизм и жесткую власть Директории, что в конце концов привело многих французов к той мысли, что жить «в равенстве под властью единого владыки в конечном счете не так уж плохо». «Казалось, – пишет он, – что они любили свободу, а оказывается, просто ненавидели хозяина»²⁴⁶. Эта революция (в понимании Токвиля, речь не только о событиях 1789-1793 гг., но и процессах 1830-ого, 1848 года и др.), таким образом, показала всю мощь и кровопролитность социальных потрясений, направленных на установление нового порядка, но вместе с этим выступила как «образец» того, как эта самая революция может пройти «мимо» демократии. Мыслитель отмечает, что в обществе произошла демократическая революция, но не произошло демократического преобразования самих «законов, идей, обычаев и нравов, необходимого для достижения целей революции»²⁴⁷. Тем самым он обращает внимание на то, что демократия и демократическая революция – это не цель, а лишь средство. В том же контексте Токвиль подчеркивает, что революция не есть однозначный гарант демократических преобразований, революция сама по себе вещь непредсказуемая²⁴⁸, несмотря на весь энтузиазм революционеров и их уверенность относительно того, куда и каким образом они идут: «Хоть все и приготовили наилучшим образом к новой революции, не надо думать, что имели ясное представление о том, что должно произойти...

---

²⁴⁴ Правительство Франции с 1795 по 1799 гг.

²⁴⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С.225.

²⁴⁶ Там же. С. 151.

²⁴⁷ Там же. С.30.

²⁴⁸ Здесь вновь прослеживаются элементы синергетики («точка бифуркации» и неопределенность «сценариев» дальнейшего развития системы).

известно, что будет новый спектакль. Уже слышны какие-то приготовления на сцене; к актерам можно почти прикоснуться, но они пока не видны, и непонятно, что будет за пьеса».²⁴⁹

Отмеченные рекомендации де Токвиля имеют подчеркнутый политико-философский характер. Г. Пирсон, обращаясь к недостаткам исследования Токвиля, наряду с иными тезисами указывает на то, что французский мыслитель был «ни историком, ни ученым, но философом»²⁵⁰ и потому его рассуждения часто преисполнены не научным, а философским духом. Он в этой связи указывает на отсутствие конкретности и на некоторую размытость генерализации в рассуждениях Токвиля. Следует отметить, однако, что данное замечание не вполне правомерно. Во-первых, Токвиль проделал колоссальную работу по набору и анализу фактов (например, по причинам, истокам Французской революции), провел полевые социологические исследования, имея встречи с людьми из самых разных слоев (в нескольких штатах США, где ему удалось побывать в ходе своего визита) и при своих заключениях всегда имел мощную аргументационную базу, основанную на фактах и на самих методах научного исследования. Во-вторых, и в плане рекомендаций Токвиль, как было показано, не ограничивается обобщенными наставлениями, но и выдвигает ряд более практических предложений: введение ограничений на переизбрание высших должностных лиц, умеренная децентрализация власти, обеспечение механизма сдержек и противовесов на всех уровнях государственной власти, укрепление основ независимого суда, активизация «ассоциативной жизни» как важнейшего условия формирования гражданского общества, законодательно закреплённая гибкая трансформация институтов власти в военных условиях, отсутствие цензуры в СМИ, но их строгая административная и уголовная ответственность за содержание своих публикаций и материалов, роль религии как важного морализаторского фактора и др. Поэтому политико-философский пласт концепции Токвиля вовсе не отменяет научную значимость последней и, более того, значительно обогащает ее в содержательном плане.

Заключая данную часть работы, следует отметить, что, учитывая то обстоятельство, что американские реалии для Токвиля послужили лишь некоторым

---

²⁴⁹ Токвиль А. де. Старый порядок и революция / Пер. с франц. Л.Н. Ефимова. Спб., 2008. С.244.

²⁵⁰ См.: Pierson, G. Tocqueville in America. P.756.

фоном рассуждений, становится очевидным, что риски американской демократии (как и ее преимущества) в той или иной мере характерны для всякой другой формы современной модели демократии, и с этих позиций наблюдения автора далеко не специфичны для демократии в США. В то же время примечательно, что Токвиль в этом вопросе делает важную оговорку, резюмируя свое исследование выводом о некорректности прямого переноса «экзогенного» опыта на французскую и, уж тем более, общеевропейскую почву. Американский пример наглядно демонстрирует преимущества и недостатки демократии, но он является далеко не единственно возможной формой ее проявления в современности: каждый народ должен выработать свой собственный путь к демократии, естественно, учитывая уроки демократии других стран²⁵¹. Именно этот призыв представляет главный вывод исследования французского мыслителя, который он формулирует в предисловии к «Демократии в Америке» в 1848 году: «Обратив наши взоры на Америку, не станем, однако, рабски копировать... но лучше постараемся понять в ней то, что нам подходит, не столько заимствуя примеры, сколько просто набираясь ума, и уж если и станем занимать, то сами принципы, а не частные детали их законов»²⁵².

2.4 Актуальность научного наследия де Токвиля в условиях современности

Обращение к концепции демократии Алексиса де Токвиля – это не только дань истории, но своего рода требование нашего времени, обусловленное необходимостью осмысления насущных проблем современного демократического дискурса и демократической практики. Изучение нынешних социально-политических реалий делает актуальными многие из затронутых выше токвилевских положений. В этой связи можно выделить 3 основных среза: 1. Актуальность замечаний де Токвиля в рамках американистики; 2. Оценка основных рекомендаций и уроков французского автора в контексте современной политической теории и процессов демократизации; 3. Проблема переосмысления политической концепции де Токвиля в контексте перемен, давно назревших в рамках современной парадигмы демократизации.

---

²⁵¹ См.: Мирумян К.А., Ширханян С.С. Американская демократия в политической концепции А. де Токвиля в контексте современности: критический аспект // Сборник статей по материалам VIII годичной научной конференции РАУ.–Ер.: Изд-во РАУ, 2014. С. 269.

²⁵² Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 24.

Сопоставляя токвилевские наблюдения с современными реалиями США, можно рассмотреть ряд узловых моментов, которые выражают степень того, как и в какой мере Штаты оценили и учли замечания де Токвиля. В этом контексте, прежде всего, следует выделить рассмотренные нами ранее наблюдения Токвиля относительно проблемы переизбрания высших должностных лиц, в частности, президента США. Примечательно, что критические замечания французского мыслителя были подхвачены многими исследователями и оценены в рамках сегодняшних политических реалий. Так, рассуждая о потакании (президента) всем обстоятельствам во имя переизбрания, американский исследователь Г. Л. Грег II, отмечая тонкость мыслей де Токвиля, пишет, что «современная практика голосования может быть рассмотрена в качестве регуляризации и интенсификации подобных тенденций в президентстве».²⁵³ Виднейший знаток американской истории М. Каммен также признает, что одним из наиболее важных наблюдений Токвиля выступают его рассуждения о переизбрании американского президента, аргументы мыслителя касательно рисков и недостатков возможности быть переизбранным на второй срок. Каммен, намекая на оправданность замечаний Токвиля, в частности, отмечает, что «возможно, Токвиль знал намного больше, чем мы думаем про кампанию по переизбранию Эндрю Джексона (седьмого президента США – С.Ш.) на второй срок».²⁵⁴ Тем не менее, в Штатах «голос Токвиля» был услышан лишь в 1951 году, когда была принята 22 поправка к конституции США²⁵⁵, устанавливающая запрет на избрание одного и того же лица на пост президента более чем на 2 срока (независимо от того, это происходит подряд или с перерывом). Впрочем, следует подчеркнуть, что логика Токвиля заключалась в устранении всякой возможности переизбрания, а не в ограничении права на переизбрание лишь на два срока. Поэтому данная поправка на деле ничего не поменяла в сути электоральных и постэлекторальных процессов США. Таким образом, несмотря на то, что американские исследователи уделили замечаниям де Токвиля особое внимание, это ни в коей мере не отразилось на социально-

---

²⁵³ **Gregg, G. L. II.** The Presidential Republic: Executive Representation and Deliberative Democracy. Maryland, 1997. P.148.

²⁵⁴ Tocqueville's «Democracy in America». Interview with **Michael Kammen**. URL: <http://www.c-span.org/video/?100768-1/tocqueville-discussion> (дата обращения: 10.09.2015)

²⁵⁵ См.: Официальный сайт Издательской службы правительства США. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/GPO-CONAN-1992/pdf/GPO-CONAN-1992-7.pdf>

политической практике: в США (да и во всем мире) до сих пор действует практика переизбрания.

В контексте сегодняшних реалий важно также обращение к токвилевскому замечанию относительно свободы печати, в частности, в связи с рисками вседозволенности, которая формируется в условиях отсутствия контроля над публикациями газет. Представляется, что умеренная позиция Токвиля, оправдывающая активную роль печати, но предупреждающая о губительных рисках ее «чрезмерной свободы», была в значительной степени проигнорирована, тогда как в современной Америке она приобретает ярко выраженную актуальность. Так, после президентских выборов 2016 в США ряд американских СМИ, пользуясь своим авторитетом и, по сути, неограниченной степенью свободы, начал открытую политическую борьбу против новоизбранного президента Д. Трампа. Ведущие американские СМИ, такие как «The New York Times», «CNN», «ABC», «CBS» и «NBC News», критикуя решения Трампа, пытаются противостоять политике «нового» Белого дома. При этом администрация Трампа настаивает на том, что эти медиа-ресурсы прибегают к искажению фактов, публикуя неправдивую, а зачастую манипулятивную информацию. Оценивая публикации этих СМИ, президент Трамп, обвинив их в распространении «лживой информации», даже назвал их «врагами народа»²⁵⁶. Между тем, учитывая политическую конъюнктуру, сложившуюся после выборов («раздвоение» американского общества на «протрамповский» и «антитрамповский» лагеря), небезосновательно будет полагать, что отмеченные СМИ преследуют конкретные цели, продиктованные интересами определенных кругов общества (американского истеблишмента, а также «закулисных игроков»), с которыми команда Трампа ныне ведет жесткую борьбу. Более того, учитывая то, что осевой точкой в их критике выступают попытки Трампа по налаживанию сотрудничества с Россией, не исключено, что эти процессы направлены на провоцирование нового «уотергейтского скандала»: любопытно, что в 1974 году под исключительным давлением СМИ²⁵⁷ с должности был смещен тогдашний президент Р. Никсон, причем на фоне той же борьбы с истеблишментом и на основании

---

²⁵⁶ Официальная страница президента США Д. Трампа в социальной сети «Твиттер». URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/832708293516632065> (дата обращения: 19.02.2017)

²⁵⁷ См.: The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. Prep. by **Hantington, S., Crozier, M., Watanuki, J.**, New York: N.Y. University Press. 1977. P. 86-88.

аналогичных обвинений относительно «сотрудничества с Россией» (в то время – СССР), доказанность которых до сих пор вызывает неоднозначную реакцию среди аналитиков и американского общества в целом. Таким образом, очевидно, что крайняя степень свободы СМИ может напрямую влиять на национальную безопасность страны, о чем де Токвиль предупреждал еще в первой половине XIX века.

Следует отметить, что критические замечания Токвиля в США были обойдены также во многих других вопросах. Так, де Токвиль выступал против того, чтобы суд присяжных вел уголовные дела, тогда как сегодня в США присяжные выносят даже смертные приговоры; несмотря на то, что французский мыслитель предрекал олигархизацию американской промышленности, американские власти поставили перед собой первостепенную задачу создать условия, чтобы промышленник платил налоги, а то, как и в каких условиях он эксплуатирует рабочих, стало второстепенным²⁵⁸; предугаданные де Токвилем угрозы «утонченной тирании большинства» и ее властью над умами людей также воплотились в жизнь: современная «массовая культура» требует от личности придерживаться так называемого «мейнстрима» (от англ. – «главное русло»)²⁵⁹, вне которого индивид попросту маргинализируется.

В то же время, на некоторые идеи де Токвиля было обращено более значительное внимание. В первую очередь это относится к мыслям автора о существенной роли религии в поддержании порядка при демократии. Допустимо предположение, что государственная политика в США придала данному наблюдению Токвиля особое значение. Так, официальный девиз США «In God we trust» («На Бога уповаем»), который впервые был использован в 1864 году при чеканке монет в штате Флорида, в 1956 году стал национальным и прописан на денежных банкнотах, что практически больше всего объединяет американское общество. Тот же лозунг прописан и в другом символе США – в тексте официального гимна страны. Кроме того, в США дальнейшее развитие получила также токвилевская идея «ассоциативной жизни»: Соединенные Штаты – один из лидеров по количеству общественных

---

²⁵⁸ Примечательно, что в отчете МВФ за 2016 год отмечено, что США следует предпринять «срочные шаги по поднятию минимальной зарплаты» (См.: Ежегодный отчет МВФ, 2016 г. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2016/eng/pdf/ar16_eng.pdf (дата обращения: 02.02.2017)).

²⁵⁹ Например, слушать поп-музыку, пользоваться популярными в массах социальными сетями и т.д.

организаций и объединений в мире; пестрота этих ассоциаций стала одним из залогов преодоления выделенных де Токвилем рисков «атомизации» общества.

Следует отметить, что проблемный пласт, обращенный на американистику, в настоящее время выступает как один из главных факторов, стимулирующих развитие токвилеведения, что объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, наиболее известной книгой Токвиля является именно «Демократия в Америке», обращенная на социально-политические, экономические, культурные и иные реалии Штатов. Во-вторых, сегодня значительная часть исследований трудов де Токвиля приходится на американских авторов²⁶⁰, которых при этом интересует, прежде всего, та грань научного наследия де Токвиля, которая непосредственно обращена на американскую действительность. Наконец, в-третьих, в настоящее время в США наблюдается активная политическая и научно-исследовательская жизнь, что выступает как еще один фактор, способствующий исследованию де Токвиля в рамках американистики. В то же время, подобная «америкоцентристская» траектория развития токвилеведения таит в себе серьезные угрозы сужения спектра современных токвилеведческих исследований. Это обстоятельство также создает определенную неясность в вопросе самого предназначения токвилевских работ.

Второй важный срез в определении актуальности концепции Токвиля в контексте современности представлен рекомендациями мыслителя по вопросу «правильной» политики демократического строительства. При этом данный пласт проявляется в двух направлениях: актуальность токвилевских наставлений в контексте практических политических процессов и в рамках развития политической теории.

Обращаясь к первому из отмеченных аспектов, необходимо отметить, что рефлексия на последствия современных «волн демократизации» (а точнее – «транзита демократии»), особенно в странах так называемой «арабской весны», полностью подтверждает обоснованность заключений Токвиля касательно рисков «быстрой и неподготовленной свободы». Так, попытки насильственной и при этом резкой демократизации ряда арабских стран привели к тем последствиям, которые французский мыслитель предрекал два века назад: в Ливии идет война кланов и целых народностей, царит тотальный хаос, в Египте постоянная смена режима и

---

²⁶⁰ Естественно, наряду с французскими учеными.

конституций, регулярные народные потрясения и волнения, в Сирии – гражданская война, и вовсе позволившая поднять голову международному терроризму в лице «Исламского государства» и других террористических организаций. Более того, эти страны также представляют наглядный пример того, как революция, направленная на демократизацию страны, наоборот, формирует условия, исключающие становление народовластия: мощные социальные потрясения, приведшие к кровопролитию и братоубийству, полностью разрушили старый порядок, не создав, однако, каких либо оснований для строительства нового. Наконец, деструктивные процессы в этих странах подчеркнули достоверность также иной рекомендации де Токвиля – невозможность демократизации при отсутствии «демократических нравов» народа: как было показано, французский мыслитель считал, что демократия возможна лишь при условии непосредственной ментальной связи между ее идеей и нравами народа, его мышлением, обычаями, традициями. В отмеченных же странах наблюдается очевидный «конфликт нравов», обусловленный искусственным характером «демократизации». Впрочем, в случае с «арабской весной» небезосновательна также точка зрения, что эти процессы и не преследовали «благородных целей» строительства демократии, а лишь исполняли инструментальную роль продвижения геополитических интересов конкретных государств.

Второй аспект оценки рекомендаций Токвиля в условиях современности свидетельствует о преемственности его традиции в политической теории, о развитии и адаптации его многих ключевых идей. В частности, речь идет о свободе понимаемой, прежде всего, в контексте гражданской, политической активности, об ассоциациях и их роли в формировании гражданского общества и т.д. В качестве наглядного примера уместно отметить некоторые положения теории известного политолога Р. Патнэма, который, изучая проблемы демократии в Италии, дифференцированность «уровня» народовластия в разных регионах страны, именно с токвилевских позиций отмечает, что демократия предполагает ряд условий, и среди наиболее важных условий он выделяет активное участие граждан в общественных делах, взаимодействие граждан как равных субъектов, взаимное уважение и доверие среди граждан и др. Автор подчеркивает, что демократия работает лишь тогда и в той мере, когда и в какой мере люди активно вовлекаются в «общее дело», начиная с самого низшего уровня взаимодействия: участие в спортивных клубах, кооперативах,

различных культурных организациях, в союзах добровольцев и т.д.²⁶¹ выступает как необходимое условие функционирования демократии, в противном случае атомизированное общество «поглотит» гражданскую свободу. По сути, в этих рассуждениях проявляется не что иное как идея «ассоциативной жизни», а также токвилевское понимание гражданского общества. В то же время, следует заметить, что хотя Патнэм далеко не единственный автор, который развивает токвилевские идеи, сама социально-политическая реальность сегодня развивается иначе. Популярность абсентеистской установки политического поведения, низкий уровень политической культуры, «закрытость» и «элитарный» характер арены борьбы за власть обусловили тенденции к деполитизации (не в современном, вульгарном смысле этого слова, а в наиболее широком, «токвилевском» понимании) общества, против чего так настоятельно выступал де Токвиль. По сути, токвилевская модель гражданского общества, имеющая преимущественно политическое значение и потому обозначаемая как «политическое гражданское общество»²⁶², в условиях современной неолиберальной интерпретации основных положений демократии ведет «заочную» борьбу с постепенно укрепляющим свои позиции постмодернистским пониманием гражданского общества, которое основано на модели «частного», «индивидуализированного» понимания данного феномена. Если Токвиль пишет о гражданском обществе как о политической субстанции объединения общества с целью укрепления демократии и контроля за нею, то в современном дискурсе начинает доминировать понимание гражданского общества как инструмента защиты «индивидуализированного мира» от вмешательства политики (государства), чем переворачивается «с ног на голову» вся логика де Токвиля, как и суть понятия «политического». По замечанию А. Шлезингера, токвилевские установки гражданского общества «оказались под угрозой исчезновения» в плоскости политической практики ввиду того, что «гражданское общество постепенно начинает разбиваться на части, на разделенные друг от друга «негражданские» группы»²⁶³.

---

²⁶¹ См.: **Putnam, R., Leonardi, R., Nonetti, R.** Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton University Press, 1994. P. 88-93.

²⁶² См.: **Zaleski, P.** Tocqueville on civilian society: a romantic vision of the dichotomic structure of social reality // Archiv für Begriffsgeschichte, Vol. 50, 2008, p. 265.

²⁶³ Цит. по: **Audier, S.** Tocqueville: Is He Relevant Today? URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/0602-AUDIER-UK-2.pdf> (дата обращения: 22.02.2017)

Наконец, третий срез по рассмотрению концепции де Токвиля с позиций сегодняшних реалий касается проблемы переосмысления современной парадигмы демократизации. Этот аспект, в свою очередь, тесно связано с многоплановым и «многомодельным» пониманием демократии в рамках концепции де Токвиля, что позволяет рассматривать народовластие в наиболее широком исследовательском срезе, допуская ее модельную многовариантность, национально-культурную специфику ее понимания, а также особенности ее исторического развития. Более того, представляется, что раскрытие отмеченного измерения демократической проблематики является необходимым условием корректного и адекватного понимания понятия «демократия» и выступает как важное средство преодоления отмеченного нами ранее дефиниционного кризиса в современных демократических исследованиях.

На наш взгляд, де Токвиль, предвидя «близящееся неизбежное наступление демократии во всем мире»²⁶⁴, первым обратил внимание на теоретико-методологические аспекты всемирного распространения демократии, не только подметив проблему, но и сформулировав ее решение в форме тезиса о «неизбежной, но осторожной демократизации» – демократизации по собственной «тропе». Так, одним из его главных выводов выступает положение о плюралистическом понимании демократии. Рассуждая над американской демократией (эталонной модели народовластия в XIX веке, а отчасти и сегодня), Токвиль выражает эту мысль следующими строками: «Я весьма далек от мысли, что они (американцы – С.Ш.) нашли ту единственную форму правления, которая только и может быть создана демократией»²⁶⁵. Он отмечает, что современная форма народовластия неизбежна для всего мира, однако она не выступает в одной, универсальной форме, а, имея «одну и ту же первопричину», предполагает адаптацию соответственно специфике каждого общества, его национальным, культурным или цивилизационным особенностям («нравам»). Таким образом, он рассуждает в рамках идеи многообразия форм демократии в соответствии с многообразием наций и культур. Более того, национальный фактор пронизывает всю его концепцию, в связи с чем американский историк С. Дрешер справедливо отмечает, что «именно Токвиль был признан

---

²⁶⁴ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 23.

²⁶⁵ Там же. С. 34.

родоначальником неуловимой, но соблазнительной идеи национального характера в вопросах рассмотрения развития и эволюции современного общества»²⁶⁶. В этом же духе следует оценивать строки Токвиля, которыми он завершает свой выдающийся труд «Демократия в Америке»: «Сегодня нации уже не могут отказаться от равенства (демократии – С.Ш.), однако от них зависит, приведет ли оно их к рабству или свободе, к просвещению или варварству, к процветанию или нищете»²⁶⁷.

Шведский исследователь Т. Бруниус подметил, что Токвиль, по сути, мыслит марксистскими категориями базиса и надстройки (или «структуры» и «суперструктуры»): экономические, культурные и иные специфические условия конкретного общества выступают у французского автора в качестве базиса, соответственно чему строится особая надстройка (особый тип демократии). Токвиль, как отмечает Бруниус, преследует цель обоснования тезиса о возможности разнообразия демократических систем ввиду разнообразия культур и обществ. Поэтому проведение данной параллели позволяет также «наглядно показать в теории Токвиля его прагматический метод сравнения разных культурных феноменов»²⁶⁸.

Вместе с тем, будучи реалистом, де Токвиль выступает с позиций устоявшейся западной демократической традиции. Многомерность демократии и постулат о плюралистическом, не «одномодельном» видении демократизации не отменяет того, что в качестве «исходного материала», тем не менее, выступает именно западная традиция. Идея Токвиля, скорее, заключается в том, что в условиях мирового распространения демократии эта традиция требует естественной трансформации, учет реалий, которые отличаются от условий, в которых веками существовала традиционная демократия. По нашему убеждению, известный тезис де Токвиля о необходимости формирования «новой политической науки», или «нового политического знания»²⁶⁹ также следует рассматривать именно в данном контексте.

Де Токвиль, таким образом, признает допустимость и даже необходимость различного понимания демократии в разных частях мира, из чего следует также принципиальная неправомерность «делегирования» монополии или предоставления «исключительных прав» какой-либо модели демократии на статус «единственной,

---

²⁶⁶ Drescher, S. Dilemmas of democracy: Tocqueville and modernisation. Pittsburgh, 1968. P. 5.

²⁶⁷ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 505.

²⁶⁸ Brunius, T. Alexis de Tocqueville. The Sociological Aesthetician. Upsala, 1960. P21.

²⁶⁹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 30.

подлинной демократии». По сути, предвидя борьбу за «эталон» демократии, он формулирует принцип «модельного плюрализма», призванного не допустить «монополизацию» демократии, которая неизбежно приведет (а сегодня можно утверждать, что уже привела) к политизации демократии и, как правило, к ее антинаучному рассмотрению. Несмотря на то, что он рассуждает с позиций доминирующей по сей день либеральной демократии, его концепция в контексте новых реалий демократии и новых условий демократизации предполагает возможность иных форм или моделей народовластия. При этом представляется, что речь идет о плюрализме не только в рамках «западных» моделей демократии, но и о возможности незападного видения и понимания демократии.

В контексте этих рассуждений выделяется развиваемое преимущественно российскими авторами и политическими деятелями (В. Сурков, В. Третьяков, В. Иванов и др.) понятие «суверенной демократии», которое в условиях современных реалий приобретает важное значение. Так, само выражение «суверенная демократия» встречается еще в работах Ж.Ж. Руссо, но тот смысл, который ему придается в российских реалиях, весьма специфичен и символичен: словом «суверенная» подчеркивается, прежде всего, эндогенный оттенок построения демократии, независимый, суверенный (а не под давлением извне) характер государственного строительства в условиях неизбежного пути к демократии, где российское общество само «определяет сроки, этапы, условия и формы этого развития»²⁷⁰. По сути, этот подход основан на логике демократизации, представленной де Токвилем: именно в ней проявляется токилевская установка о многообразии форм развития демократии, которая постулирует, что стремление подогнать процессы демократизации под одни и те же рамки предвещает не только провал подобных попыток, но и угрозы политического коллапса в демократизируемом обществе. По нашему мнению, современные политические процессы и рефлексия на них лишь конкретизировали и еще раз доказали правомерность позиции французского мыслителя, потому и реанимировали плюралистическое видение самой траектории демократизации.

В контексте определения актуальности «многомодельного» видения демократии в наши дни уместно также обратиться к исследованиям известного

---

²⁷⁰ Третьяков В. Т. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина. URL: <http://rg.ru/2005/04/28/tretyakov.html> (дата обращения: 03.09.2016)

журналиста, «обновившего Токвиля»²⁷¹, Ф. Закарии, который пишет о существующих сегодня «нелиберальных демократиях», как о результате всемирной демократизации. В духе Токвиля он выступает с позиций либеральной демократии, но все так же критикуя ее (и вновь, как и в случае с Токвилем, критика строится на примере США) с позиций «избыточности», «демократизации демократии», которая приводит «к большей демократии, но к меньшей свободе»²⁷². Вместе с тем, обращаясь к незападным и нелиберальным формам демократии, наблюдаемым в Латинской Америке, в России, в Китае и др., Закария, тем не менее, подвергает критике и эти формы демократии, отмечая их несостоятельность. Он пишет об уважении политического выбора западных стран, признает многие из них демократическими (выборность и сменяемость властей, элементы подотчетности властей народу, независимо от того, что это может иметь формальный характер, и др.), однако называет нелиберальное понимание демократии «ложным путем»²⁷³, в частности, потому что для него высшей целью является защита свободы, которая, по его мнению, попирается или не в полной мере обеспечена при нелиберальных демократиях.

Представляется, однако, что критика нелиберальных демократий Закарии имеет односторонний характер, что обусловлено тем, что он оценивает свободу с позиций лишь либеральной демократии, ее «стандартов». Последний факт в значительной мере «подрывает» корректность его выводов, что обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, вопрос «единства» либерализма и демократии до сих пор вызывает споры. В истории политической мысли немало авторов, выступающих за отмежевание либерализма и демократии: например, «коронованный юрист Третьего Рейха»²⁷⁴ К. Шмитт отмечает, что основные идеи либеральной демократии представляют суть не демократии, а либерализма и его разновидностей²⁷⁵, либерализм же отрицает демократию, как и демократия отрицает либерализм²⁷⁶; американский

---

²⁷¹ **Ferguson, N.** Overdoing democracy. URL: <http://www.nytimes.com/2003/04/13/books/overdoing-democracy.html?pagewanted=all> (дата обращения: 10.09.2015)

²⁷² **Закария Ф.** Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004. С. 172.

²⁷³ См.: Там же. С. 95.

²⁷⁴ **Frye, Ch.** Carl Schmitt's Concept of the Political // The Journal of Politics, 1966, Vol. 28, No. 4 (Nov.). P. 818.

²⁷⁵ См.: **Schmitt, C.** The Crisis of Parliamentary Democracy / Trans. by Ellen Kennedy, Cambridge, MA, 1985. P. 9-11.

²⁷⁶ **Мюфф Ш.** Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии / Пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС, 2004, No.6 (45). С. 142.

исследователь И. Валлерстайн придерживается более умеренной позиции, утверждая, что эпоха исключительного влияния либерализма прошла, и теперь уже не демократии нужно примыкать к либерализму, но самому либерализму придется «принять демократические в своей основе идеи, либо оказаться политически нерелевантным»²⁷⁷; А.Г. Дугин и вовсе пишет о враждебности либерализма и демократии в контексте современности, о «конце их альянса»²⁷⁸; да и у самого Токвиля, по замечанию Л. Жирара, в некоторых частях его концепции наблюдается некий водораздел между либерализмом и демократией²⁷⁹. Во-вторых, проблема определения «уровня» свободы выступает как важная политико-философская антиномия: на протяжении веков понимание свободы менялось – как в разных обществах, так и в одном и том же обществе в разные исторические периоды. Поэтому правомерно будет утверждать, что какая-либо индексация свободы изначально имеет риски ангажирования. В этой связи британский исследователь теории демократии Дж. Данн справедливо отмечает, что «в любом государстве свобода в конце концов должна быть определена самим государством и с учетом условий данного государства...»²⁸⁰, тогда как на деле определение наличия или отсутствия демократической свободы в той или иной стране сегодня осуществляется «извне», на основе внешних оценочных ориентиров, а не с учетом условий данного государства, специфики мышления данного общества, типа его политической культуры и т.д. Поэтому проблема определения свободы в той или иной демократии, скорее, относится к релятивистскому полю рассуждений. Следовательно, некорректно отождествлять свободу с либерализмом и в этой связи свободными считать лишь те демократии, которые «проповедуют» либеральную идеологию²⁸¹.

С другой стороны, Закария выступает против политики насаждения либеральной демократии и в этом смысле он выступает как «ученик» де Токвиля. Вывод автора, скорее, заключается в том, что перенятие опыта Запада (не содержательно, а в плане основных принципов) как «колыбели» демократии и как

---

²⁷⁷ Wallerstein, I. «Liberalism and Democracy: Fruits Enemies?». The end of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis & L., 1999. P.99.

²⁷⁸ См.: Дугин А.Г. «Да! – демократии. Нет! – либерализму» // Журнал «Элементы», 1994, No.5.С.4.

²⁷⁹ См.: Girard, L. Les liberaux français. 1814–1875 / Louis Girard. Paris, 1985. P.189.

²⁸⁰ Dunn, J. Setting the People Free: The Story of Democracy. P. 69.

²⁸¹ Тем более, что и для самого Токвиля свобода мыслима далеко за рамками либерализма: как было отмечено, свобода, по замечанию де Токвиля, существовала задолго как до демократии Нового времени, так и до либерализма.

основного пространства ее развития необходимо и при правильной политике не приведет к отказу от собственного «я» незападных стран (приводит примеры Японии, Китая в вопросе модернизации экономики). То есть, американский автор признает факт многообразия современного мира, в том числе многообразие демократий в разных обществах и цивилизациях. Иное дело, что он приходит к выводу, что наблюдаемые сегодня альтернативы западной, либеральной модели демократии, не имея механизмов обеспечения свободы (в сфере экономики, гражданских свобод и т.д.), не в силах выступать как иной вектор понимания демократии. Закария решение видит в преодолении кризиса внутри преобладающей модели демократии, тем самым, оставаясь в рамках «одномоделной» парадигмы.

В последнем вопросе позиция Закарии также слабо аргументирована: идея перехода к новой демократической парадигме выступает не как средство обоснования существующих нелиберальных и, как правило, действительно не состоявшихся «демократий» (которые Закария охарактеризовал как ложные альтернативы), а как само условие для формирования в сущности альтернативных западному пониманию моделей демократии. Следовательно, в этом отношении мысли «нового Токвиля» применительно к парадигмальным основаниям демократии некорректны, так как он рассуждает «от обратного»: он оценивает возможности альтернативных (незападных) демократий в условиях отсутствия соответствующего «парадигмального контекста», который, однако, и должен породить эту самую альтернативу. Иначе говоря, следует различать так называемые «альтернативные демократии» (преимущественно авторитарные режимы, замаскированные под «демократии») в условиях существующей, «устарелой» парадигмы и реальные альтернативные демократии, формирование которых, однако, возможно лишь при условии коренных перемен в парадигмальном измерении политической науки.

Примечательно, что в более поздней книге «Постамериканский мир» (2008) Закария, намечая закат «американского мира» и грядущее противостояние за первенство, прежде всего, в пространстве мировой экономики, подчеркивает роль конкуренции²⁸² как важного фактора развития, способного преодолеть наблюдаемый политико-экономический кризис. И хотя, в отличие от предыдущей книги, он более не рассуждает о сравнении или конкуренции моделей демократии, следует полагать,

---

²⁸² См.: Закария Ф. Постамериканский мир. Пер. с англ. Н. Рудницкой. М., 2009. С. 231-238.

что логика конкуренции в других сферах неизбежно приведет также к борьбе моделей демократии (при условии, что и в дальнейшем она будет восприниматься как неизбежность). Более того, по мере обострения процессов формирования многополярности в международных отношениях будет нарастать и актуальность формирования или перехода к «многомодельной» парадигме демократизации.

Таким образом, де Токвиль не ограничился описанием и объяснением демократии, но и наметил основные тенденции развития демократии в будущем: нарастание склонностей демократии в сторону тирании и произвола, капиталистический контекст развития демократических экономик и риски «олигархизации», тенденции все большего равенства, но меньшей индивидуальной свободы, стремление СМИ к неограниченной свободе и, как результат, искажение их прямого назначения, больше демократических революций, но меньше революций в рамках демократий, стремление демократии и демократической свободы к многообразию и др. Американский историк и журналист У. Чемберлин в этой связи отмечает, что Токвилю удалось сделать эти «предсказания» не в силу случая или удачи, и даже не благодаря его проницательной интуиции: «Прогнозы Токвиля – естественное следствие его мощного, творческого ума, усиленного его эрудицией и глубоким пониманием природы человека и общества»²⁸³. Представляется, что в рамках подобного понимания исследование политической теории Токвиля актуально не столько в плане констатации правильности большей части его прогнозов, сколько в срезе определения типа, специфики мышления французского автора, его метода и основных принципов исследования, его аргументов и доводов, которые позволили понять демократию и предугадать ее будущее, что в свою очередь может стать основой для дальнейших прогнозов развития демократии с позиций наших дней.

Концепция демократии де Токвиля, раскрывающая многие измерения современной демократии, выступает как определенный аналитический инструментарий, позволяющий обеспечивать адекватный взгляд и корректное исследование данного феномена и в наши дни. В контексте процессов распространения демократии и в этой связи актуализации проблем демократического строительства Токвиль выступает, прежде всего, как автор, который учит, каким

---

²⁸³ Chamberlin, W. The Prophet De Tocqueville. URL: http://www.mmsi.org/ma/10_01/chamberlin.pdf (дата обращения: 06.09.2016)

образом следует подходить к демократии как при ее установлении, так и при сохранении. Иное дело, что начальная фаза демократии выступает как фундамент ее будущего. Данный аспект, как было показано, для него имеет исключительное значение, так как именно в недрах формируемой демократии, в ее самой начальной фазе развития Токвиль видит основу того, какова будет судьба данной демократии и общества. По логике автора, в зависимости от адекватного или неадекватного понимания демократии последняя может стать как средством успеха, так и механизмом самоуничтожения. В этом смысле демократия – это источник как потенциального блага, так и зла. Поэтому данную главу следует заключить обращением к древнегреческому преданию относительно басни Эзопа про язык, его двойственную природу, как нечто самое лучшее и, одновременно, худшее в этом мире. Токвиль как бы переносит эзопово суждение в демократический дискурс. Думается, что одной из целей Токвиля выступает его стремление предостеречь человечество от неправильного обращения с демократией, которая изначально содержит в себе возможность «запуска» механизма вырождения в свой антипод. Очевидная важность недопущения последнего является главным аргументом в пользу исследования Токвиля с позиций применимости его идей, рекомендаций, уроков и законов при политике государственного строительства в современных новоиспеченных демократиях, в том числе и в Республике Армения.

ГЛАВА III. КОНЦЕПЦИЯ ДЕ ТОКВИЛЯ И ДЕМОКРАТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Как было показано, концепция де Токвиля затрагивает самые разные аспекты демократии: начиная от ее сущностного пласта и заканчивая ее прикладным срезом, узловыми вопросами ее строительства и функционирования. Представляется, что некоторые проблемы демократической системы, формируемой в современной Республике Армения, также могут быть рассмотрены с позиций политической теории французского автора. Вместе с тем изучение проблематики демократического перехода в современной науке осуществляется посредством транзитологии, которая выдвинула парадигму «транзит-консолидация» в качестве основной исследовательской призмы по исследованию вопросов демократизации. В контексте этой же теории исследовались и по сей день исследуются процессы строительства демократии в РА, основные этапы, проблемы и перспективы демократизации Армении. Исходя из этого, представляется необходимым обращение к ключевым положениям данной парадигмы, что также позволит определить основное проблемное поле, актуальное в контексте некоторых задач, поставленных де Токвилем.

3.1 Парадигма «транзит-консолидация» и этапы демократизации Армении

После распада СССР в 1991 году на постсоветском пространстве сложилась весьма сложная ситуация: «старый порядок» был разрушен, а новый не был построен, вследствие чего образовался идеологический и методологический вакуум, который ввиду импульсов, исходящих из «капиталистического лагеря», был заполнен массивным контентом западной демократии (либеральным «пакетом» институтов и норм, капиталистическими устоями социально-экономической системы и т.д.). В странах бывшего Советского Союза активизировалась набирающая в то время «обороты» транзитологическая дисциплина, рассматривающая экономику, политику, социальную сферу обществ, переживающих так называемый «переходный период». В современной науке «переходным» обозначается та социальная система, которая в результате политико-идеологических, социально-экономических, нравственно-психологических и иных структурно-институциональных перемен теряет свою «прежнюю качественную определенность и приобретает новые качественные

основы»²⁸⁴. В более узком, политическом срезе понятие «переходного этапа» зачастую понималось и понимается как «режимный» переход от тоталитарного и авторитарного порядка к демократическому. Вместе с тем трудно выявить «старт» и, особенно, «финиш» этого перехода, определить, когда процесс перехода завершится: тезис о «движении к демократии» сам по себе не исчерпывал вопрос конечной цели этих трансформаций. В этой связи примечательна позиция А. Пшеворского, который утверждает, что само установление демократии – это «процесс институционализации неопределенности, подвергание всех интересов неопределенности»²⁸⁵.

Процессы демократического транзита, однако, постепенно указали ответ на вышеотмеченный вопрос: «конечным пунктом» перехода «должна» была стать либеральная демократия. Российский политолог А.С.Панарин справедливо отмечает, что после распада биполярной системы международных отношений многие исследователи поддались искушению (Л. Даймонд назовет это «телеологическим искушением»²⁸⁶) рассмотрения наблюдаемых в мире политических трансформаций в рамках «векторности», а именно – неизбежности построения демократии либерального образца²⁸⁷. При этом следует отметить, что, хотя классические исследователи «демократического перехода» принимали, что демократизация и либерализация представляют собой разные явления²⁸⁸, тем не менее, демократизация в рамках парадигмы «транзита» стала мыслиться именно в либеральной форме, либерализация стала, возможно, не единственным и не самодостаточным, но, как правило, необходимым условием демократизации²⁸⁹. Эта логика наблюдается у значительной части авторов транзитологических исследований демократии (А.

---

²⁸⁴ Հարությունյան Է. Անցումային հասարակությունը որպես տրանսֆորմացիոն գործունեության համակարգ, Երևան, 2000, էջ 3:

²⁸⁵ Przeworski, A. Some Problems in the Study of the Transition to Democracy. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/przeworski%20num%2061.pdf> (дата обращения: 16.06.2016)

²⁸⁶ Цит. по: Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты // А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. М., 2007. С. 123-124.

²⁸⁷ См.: Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 7-8.

²⁸⁸ См., например: Լինգ Ի., Ստեփան Ա. Ժողովրդավարությանն անցնելու և ժողովրդավարության կայացման խնդիրները. Հարավային Եվրոպա, Հարավային Ամերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա, Երևան, 2011, էջ 21-22:

²⁸⁹ Французский политолог-африканист М. Линижер-Гума даже ввел в обиход особый термин «демократура» (гибрид демократии и диктатуры), который характеризует демократизацию «в обход» либерализации (См.: Liniger-Goumaz, M. La démocratie : Dictature camouflée, démocratie truquée, P., L'Harmattan, 1992).

Степан, Х. Линц, Л. Даймонд, А. Растоу, А. Пшеворский и др.²⁹⁰). Более того, парадигма транзита, предполагающая «векторную демократизацию» и при этом постулируя «этапированность» этого процесса, утверждает, что все «переходные» страны должны иметь не только одинаковую конечную цель (либеральную демократию), но и одинаковую форму самого перехода, основанную, в частности, на упразднении авторитаризма, режимной либерализации, демократизации и, наконец, так называемой «консолидации демократии».

Представляется, что именно в отмеченных аспектах кроется одна из «подсказок» того, почему на деле транзитология выступила не столько как теория, исследующая или пытающаяся объяснить переходные процессы в тех или иных обществах, выявить общие закономерности их развития, сколько как дисциплина, направленная на идейно-теоретическое обоснование этого перехода в определенном направлении, т.е. как специфический механизм социально-политического конструирования. Процессы демократизации переходных обществ показали, что речь идет, скорее, о модели модернизации (или демократизации) общества «вдогонку» западным (либеральным) стандартам, а не о демократизации, как таковой²⁹¹. Не случайно, что подобное, одностороннее понимание демократизации ввело в кризис данную парадигму: в постсоветском пространстве она столкнулась с серьезными трудностями, а в случае с рядом арабских стран сегодня и вовсе провалилась²⁹². Трансформации, наблюдаемые в «переходных» обществах, подтвердили, что предполагаемая транзитом модель векторной демократизации во многих случаях не работает: вместо либеральной демократии формируются самые разнообразные режимы, зачастую наблюдается даже откат в сторону авторитаризма. Эти обстоятельства наметили тенденцию скептицизма или вовсе констатацию провала транзита демократии. При этом примечательно, что если популярность транзита сопровождалась повсеместными цитатами известного эссе работы Ф. Фукуямы

---

²⁹⁰ Часто эти и другие авторы рассматриваются в рамках теории модернизации. Это обусловлено тем, что данное направление науки во многом подводится к тем же методологическим принципам, в рамках которых разрабатываются теории демократизации (демократизация выступает как форма модернизации).

²⁹¹ См.: Ширханян С.С. «Демократический транзит» и демократизация в контексте проблем национальной безопасности // Сборник статей по материалам международной научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». – Ер.: Изд-во РАУ, 2015. С. 166-172.

²⁹² См., например: **Brown, N.J.** Egypt's Failed Transition // *Journal of Democracy*, Oct. 2013, Vol 24, No.4, pp.45-58.

«Конец истории?» (1989), а затем и его книги²⁹³, что было обусловлено тем, что это исследование идеологически и методологически «гармонировало» с парадигмой транзита и даже обосновывало ее необходимость, то в условиях постепенного понимания несостоятельности транзита логика многих работ была обращена на идею конца «Конца истории», а в рамках проблематики транзита исследователи начали писать о «конце» самой парадигмы транзита²⁹⁴. В частности, американский исследователь Т. Карозерс, анализируя факторы заката парадигмы транзита, отмечает, что процессы, протекающие в конце XX века в Южной Европе (свержение авторитарных режимов в 1970-х), в Латинской Америке (смена военных диктатур «гражданской властью» в конце 1970-х), упадок авторитаризма в конце 1980-х на юге и на востоке Азии, распад СССР и другие события были подхвачены руководством США и введены в рамки модели транзита демократии. Эта модель перехода, таким образом, «исходила в первую очередь из их (властей США – С.Ш.) собственной интерпретации паттернов демократических перемен и лишь в меньшей мере из работ авторов сферы «транзитологии» – прежде всего, из плодотворной работы Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера»²⁹⁵. Более того, при всем разнообразии мнений о формах демократии и демократизации, данная модель стала константой для «всемирной демократической революции», продвигаемой американцами. С этих позиций Карозерс, подмечая крайнюю политизированность парадигмы транзита и обращаясь к современным реалиям, замечает, что около 100 стран были квалифицированы как «переходные», но в подавляющем большинстве демократизации в либеральном понимании так и не произошло: переходное в западном понимании состояние оказалось «нормальным» для многих обществ (которые обозначаются как «недемократии»²⁹⁶, «гибридные режимы» и «псевдodemократии»²⁹⁷, «нелиберальные демократии»²⁹⁸ и т.д.), в связи с чем автор заключает, что «следует искать новую

---

²⁹³ См.: **Fukuyama, F.** The End of the History and the Last Man. NY, The Free Press, 1992.

²⁹⁴ См., например: **Carothers, T.** The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy, Vol. 13, No 1, January 2002, pp. 1-20.

²⁹⁵ Там же. С. 6.

²⁹⁶ **Мельвиль А. Ю.** Демократические транзиты. С.134.

²⁹⁷ См.: **Diamond, L.** Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy, Vol. 13, No. 2, 2002, pp. 21-35.

²⁹⁸ См.: **Закария Ф.** Будущее свободы. С. 87.

парадигму политических изменений, которая будет соответствовать сегодняшним реалиям»²⁹⁹.

Британский исследователь коммунистической и пост-коммунистической проблематики Р. Саква развивает аргументацию причин провала парадигмы транзита. Автор отмечает, что положение «транзита» предполагает практически безальтернативное достижение конкретной цели (формирование западной модели демократии), и эта неминуемость вызывает столкновение со спецификой конкретных реалий, где «предлагаемая» транзитом ценностная модель не работает. С этих позиций Саква проводит параллели между транзитом демократии и «транзитом коммунизма», отмечая, что «бескомпромиссный» характер достижения строго заданной цели в рамках транзита демократии в этом смысле ничем не отличается от цели и методов ее достижения в рамках транзита коммунизма: они имели схожую логику (линейность, векторность), преследовали все те же всемирные, глобальные цели и предполагали практически те же, нередко насильственные средства «демократизации» и «коммунизации»³⁰⁰. То есть, транзит демократии проводится по той же логике, которая была характерна и для «транзита коммунизма», однако если последняя повсеместно критиковалась и критикуется как «идеологическое зло», то транзит демократии представляется как некий «императив», который преследует «благие» цели.

Следует отметить, что кризис парадигмы вызвал необходимость в пересмотре действующего подхода. Однако, проблема преодоления кризиса демократического транзита осталась в рамках транзитологии: сам закат «парадигмы транзита» не стал тождественным закату транзитологии³⁰¹. В этих реалиях новой «дисциплинарной оболочкой» исследований в данной области стала «консолидология»³⁰², заостряющая свое внимание на этапе консолидации демократии.

Заметим, что само понятие «консолидация демократии» встречается еще в работах «классического транзита» (Ф. Шмиттер, Г. О'Доннел) и выражает конечную стадию перехода, фазу придания стабильности, определенности демократическому

---

²⁹⁹ Там же. С.20.

³⁰⁰ См.: **Sakwa, R.** Russian Politics and Society / R. Sakwa. L., Routledge, 2002. P. 451-452.

³⁰¹ **Մարգարյան Մ.** Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարական անցման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում, Երևան, 2006, էջ 158:

³⁰² См.: **Шмиттер Ф.** Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Журнал «Полис», 1999, No. 3. С. 30-34.

переходу. В этом смысле она представляет собой часть «перехода» и, казалось бы, не привносит ничего нового в ее парадигму. Более того, в классическом понимании «консолидация» происходит по тому же вектору либеральной демократизации. Так, Шмиттер утверждает, что либеральная демократия выступает как условие для демократии и ее консолидации, вопрос же о других формах демократии, хотя и дискуссионный, но сам автор настроен скептически: он отмечает, что «азиатская», «африканская» или, попросту, незападная демократия часто выступает как «маскировка автократической практики»³⁰³. Модель консолидации, описанная Х. Линцем и А. Степаном и основанная на 5 условиях консолидации (гражданское общество, политическое общество, экономическое общество и др.³⁰⁴) также предполагает в большей мере либеральную модель демократизации. Наконец, и Л. Даймонд склонен утверждать, что для того, чтобы добиться консолидации, «демократии должны стать либеральнее», «нелиберальные» демократии по определению не могут достигнуть консолидации³⁰⁵. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что провал векторной парадигмы демократизации и, одновременно, стремление спасти парадигму наметили тенденцию к допущению многообразия не только транзита, но и консолидации демократии. Поэтому и «консолидология» сегодня как бы вынуждена отказаться от «векторности» транзита, ее «мономодельности», потому что очевидно, что в рамках линейного осмысления переходных процессов парадигма в ряде случаев (как правило, в незападном пространстве) попросту не работает. В этой связи российский исследователь Л. В. Сморгунов отмечает, что «консолидация демократии может осуществляться не только на базе либеральной модели, но и на основе сочетания разнообразных форм и моделей»³⁰⁶. Эти модели во многом обусловлены спецификой политической культуры, пройденного исторического пути и т.д., которые обуславливают особую ценностную систему того или иного народа, что в свою очередь выступает как

---

³⁰³ Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Журнал «Полис», 1996. No. 5. С. 27.

³⁰⁴ См.: Լինց Խ., Ստեփան Ա. Ժողովրդավարության անցնելու և ժողովրդավարության կայացման ինդիքները. Հարավային Եվրոպա, Հարավային Ամերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա, Երևան, 2011, էջ 28:

³⁰⁵ См.: Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Журнал «Полис», 1999, No. 1. С.23.

³⁰⁶ Сморгунов Л.В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб., 1999. С.165.

мощный фактор, определяющий русло процесса демократизации и, в частности, консолидации демократии. Иначе говоря, сегодня уже «не исключается специфика перехода каждого государства к консолидированной демократии с учетом политической сути его национальных ценностей»³⁰⁷, и в этом отношении мы, по сути, вновь возвращаемся к главному токвилевскому условию успеха демократизации – «демократия должна соответствовать «нравам» народа». Отказ же от «векторности» демократизации сам по себе символизирует тенденцию к принятию логики «многомодельной» демократизации.

Таким образом, парадигма «транзита» (теперь все чаще называемая парадигмой «транзита-консолидации») для своего собственного «спасения» вынуждена, фактически, уже не конструировать переходные процессы по задаваемой ею же схеме (что было возможно в фазе транзита демократии), а, с учетом отсутствия «классической» (по либеральному образцу) консолидации в «переходных» обществах, сама «подгоняться» под логику этих процессов, адаптироваться к практическим реалиям, тем самым пытаюсь легитимироваться. Она претендовала на объяснение трансформационных процессов в Латинской Америке, в Африке, на постсоветском пространстве, однако на деле не смогла этого сделать: процессы начали развиваться нелинейно и непредсказуемо, поэтому парадигма была вынуждена трансформироваться и утверждать, что многообразие и специфика перехода – это не куновская «аномалия парадигмы», а нечто, что также вкладывается в установки «транзита-консолидации».

Следует отметить, что отмеченный подход по осмыслению процессов демократизации при всей своей неоднозначности, а также зачастую неспособности предсказывать развитие переходных процессов, тем не менее, представляет единственную (в плане концептуальной разработанности) теоретико-методологическую модель, посредством которой сегодня исследуются проблемы демократического перехода. Поэтому рассмотрение актуальных вопросов демократизации Республики Армения также во многом осуществлялось и осуществляется в рамках данного подхода. Иное дело, что этот вопрос требует свои

---

³⁰⁷ Մարգարյան Մ. Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարական անցման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում, էջ 163:

«национальные» оговорки и свое понимание в контексте специфики армянских реалий.

Демократизация Армении, ее сложный путь сквозь разные волны пертурбаций (война за освобождение Нагорного Карабаха, трудности в социально-экономическом и политическом развитии и др.) сопровождалась мощным национальным подъемом. Многими исследователями (А.Г. Здравомыслов³⁰⁸, Э.А. Паин³⁰⁹ и др.) подмечено, что и сам распад СССР с последующим формированием постсоветских республик был обусловлен во многом усилением национального фактора, в частности, в конце 80-х годов XX века. По сути, токвилевский «национальный фактор» в наших реалиях приобрел особо выраженный характер, поэтому демократия как модель строительства нового государства не только не могла рассматриваться вне национального контекста, но и требовала исключительного внимания на вопрос ее гармонизации с национальными особенностями армянского народа. Иное дело, что в течение прошедших 25-и с лишним лет независимости не демократия была адаптирована к нашим национальным реалиям, а, наоборот, наше общество стало искусственно «подгоняться» под рамки и стандарты современной западной демократии. Возможно, в том числе и по данной причине по сей день в армянском обществе наблюдается противоборство между, условно выражаясь, «национальными» и «демократическими» силами, хотя, как учит де Токвиль, они должны не противоречить друг другу, а, наоборот, взаимно дополнять.

После краха СССР Армения, как и все остальные постсоветские республики, оказалась в «матрице» демократического перехода. Она в ней и сейчас, при всех отмеченных проблемах парадигмы «транзита», а также трудностях, с которыми наше общество столкнулось и продолжает сталкиваться на этом пути, в чем, по мнению Т.С. Торосяна, не последнюю роль сыграло отсутствие специалистов в области общественных наук, в частности, политологии³¹⁰). Проблемность прослеживалась как в экономической (в вопросе «хаотической» приватизации, в построении системы «дикого капитализма», в имущественной поляризации и др.) и политической

---

³⁰⁸ См.: **Здравомыслов А.Г.** Социология конфликта. М., 1996. С.190.

³⁰⁹ См.: **Паин Э.А.** Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Журнал «Мир России», 1995, Том IV, N1. С. 58-59.

³¹⁰ См.: **Թորոսյան Տ.** Հասարակական գիտությունների և այդ ոլորտում բարձրագույն կրթության հիմնախնդիրների առանձնահատկություններն ու լուծման հնարավորությունները հետխորհրդային երկրներում // Հայկական Քաղաքագիտական Հանդես, 2014, No. 1(1), էջ 6:

(«фасадная» демократизация, мощные социальные потрясения после выборов, в частности, президентских, отсутствие диалога «власть-общество» и т.д.) сферах, так и в ментально-ценностном отношении: ускоренная демократизация, формальный переход к нормам и институтам демократии, но отсутствие соответствующих политических ценностей, политической культуры в обществе создало проблемы в политической социализации, «погоню» перемен ценностных за переменами структурными (в области «механической» стороны в «строительстве» демократии), По сути, в Армении изначально была «нарушена логика социализации, основанной на укреплении либеральных ценностей»³¹¹. По наблюдению В. Гельмана, однако, это обстоятельство характерно для всех постсоветских стран³¹². В нашем же обществе оно привело к модели демократизации, которую можно охарактеризовать как сочетание моделей «снизу» и «сверху», каждая из которых доминировала на определенном этапе. Так, само формирование армянского государства и ее вступление на путь демократии произошло «снизу»: к власти пришла сила, не представляющая собой часть бывшей советской политической элиты (по терминологии М. Макфолла, «старого режима»³¹³). Кроме того, это была сила, которая сформировалась непосредственно на волне национального подъема (на фоне событий в Карабахе) и формирования общенародного движения, поэтому они стали «людьми из народа». С другой стороны, сам процесс демократизации в условиях укрепления нового режима в новых реалиях показал, что новые власти начали отдаляться от народа³¹⁴, потому их политика (в том числе и прежде всего по формированию основ демократии) имплементировалась по модели «сверху». Эта же модель в большей мере главенствует и в наши дни.

В свете сказанного не случайно, что демократический переход в Армении состоялся в большей мере по так называемому «навязанному» паттерну³¹⁵. Речь идет не только о навязывании демократии извне в условиях отказа (новоиспеченных

³¹¹ Մարգարյան Մ. Քաղաքական լիբերալություն. տեսություն և պրակտիկա, Երևան, 2017, էջ 268:

³¹² См.: Гельман В. Постсоветские политические трансформации (Наброски и теории) // Журнал «Полис», 2002, No.1. С.17-18.

³¹³ McFall, M. The Fourth Wave of democracy and Dictatorship. Noncooperative Transition in the Postcommunism World // World Politics, 2002, Vol. 54, No. 2. P. 214.

³¹⁴ См.: Արսևանյան Հ. Ժողովրդավարությունը և քաղաքական կուսակցությունները // «Լրաբեր», ԳԱԱ հրատարակչություն, Երևան, 2006, No. 3, էջ 11:

³¹⁵ Ф. Шмиттер и Т. Карл выделили 4 подобные формы: 1. «навязанный» 2. «пактированный», 3. «реформистский», 4. «революционный» (См.: Карл Т., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Журнал «Полис», 2004, No. 4. С.13.)

республик) от советского политического опыта и, одновременно, идеологического давления западной демократии (что характерно для большинства постсоветских государств), но и о «внутреннем» срезе данной проблемы. Так, в условиях «аритмии» между реальным развитием политического сознания общества и процессом формального переноса демократической практики, именно политическая элита, власти определили направление демократизации Армении: общество в некотором смысле было «отчуждено» от этого процесса, тогда как демократизация предполагает диалог на уровне «элита-общество», «государство-гражданин». То есть, имеется ввиду навязывание того или иного пути демократизации самому обществу, демократизация страны без непосредственного участия народа, «отчуждение государства от армянского общества в процессе выработки проекта по национал-демократической модернизации»³¹⁶. На наш взгляд, данное обстоятельство важно, прежде всего, в плане того, что оно в значительной степени способствовало деконсолидации общества, ранее объединенного на почве сформированного «беспрецедентного общенационального эмоционального блока»³¹⁷. Кроме того, представляется, что разрешение именно данной проблемы выступает как важное условие для формирования демократической политической культуры, которое, по замечанию М. М Маргарян, сможет «отгородить политическую систему от разнообразных маргинальных потрясений»³¹⁸.

В этих реалиях важное значение придается также гражданскому обществу, которое способное заполнить образованное «пространство отчужденности» между обществом и государством. При этом наличие мощных акторов гражданского общества выступает необходимым условием также для консолидации демократии. Так, Шмиттер отмечает, что «суть консолидации связана с формированием институциональной структуры, с которой могли бы согласиться политики и которую готовы поддержать граждане»³¹⁹; гражданское общество же выступает как начало, которое должно обеспечить этот самый консенсус между обществом и властью

---

³¹⁶ **Հարությունյան Մ.** Արդի հայ հասարակությունը և օտարված գիտակցության փիլիսոփայությունը, Երևան, 2014, էջ 528:

³¹⁷ См.: **Հարությունյան Է.** Տրանսֆորմացիոն գործընթացների ազգային գործունեական առանձնահատկությունները (իրադրային վերլուծություն) // «Բանբեր Երևանի համալսարանի», 2000, No 3 (102), էջ 6:

³¹⁸ **Մարգարյան Մ.** Քաղաքական լիդերություն. տեսություն և պրակտիկա, Երևան, 2017, էջ 279:

³¹⁹ **Шмиттер Ф.** Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. С.17.

касательно форм, сроков и этапов демократизации, а после консолидации и вовсе стать базисом устойчивости демократии. Тем не менее, в Армении государство одержало верх над процессом, а гражданское общество в те годы оказалось слишком слабым для того, чтобы выступать в качестве реального актора политического процесса. В этой связи В. Осипов отмечает, что «международные доноры» демократии в постсоветском пространстве начали думать о гражданском обществе лишь после того, как начали повсеместно строить демократические властные институты, институты государства, тогда как следовало оказывать равномерную и параллельную поддержку также формированию институтов гражданского общества. Лишь ближе к концу 90-х «доноры» повернулись в сторону общества, когда они «обнаружили» далеко не демократический «modus operandi» созданных при их же поддержке государственных институтов³²⁰.

Отмеченные «проблемные точки» в демократизации Армении дополняются также наблюдениями Х. Линца и А.Степана, которые, сравнивая постсоветский опыт перехода к демократии с южно-европейским и латиноамериканским, отмечают, что для постсоветских стран характерно «предпочтение независимости демократизации»³²¹. Этот момент, который символизирует некоторую смещенность направления демократизации (ее западной модели), характерен и для Армении. Вместе с тем следует признать, что для начального этапа демократизации (в понимании «консолидологов» – фазы транзита) это обстоятельство выступает в качестве «нормального» и даже «естественного». Иное дело, что недопустима «консервация» этого состояния³²². Кроме того, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что сам контекст демократизации постсоветских стран и Армении отличался и отличается от того, в каких реалиях происходила «успешная» (вкладываемая в рамки «линейной» парадигмы) демократизация стран «классического» транзита (Южной Европы, Латинской Америки и др.). Во-первых, демократизация в странах Латинской Америки была основана на уже существующей рыночной экономике и в этом смысле была обращена, прежде всего, на

---

³²⁰ Выборная демократия: есть ли альтернативы у Армении? (по результатам социологического опроса) / Под ред. **Дж. Асратян**. Ер., 2003. С.38.

³²¹ **Լինց Խ., Ստեփան Ա.** Ժողովրդավարության անցնելու և ժողովրդավարության կայացման խնդիրները. Հարավային Եվրոպա, Հարավային Ամերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա, Երևան, 2011, էջ 505:

³²² См.: Демократизация армянского общества: гендерная перспектива. / Под ред. **Дж. Асратян**. Ер., 2004.С. 24.

демократизацию политической системы, тогда как в постсоветских странах трансформация происходила сразу на двух «фронтах» – и в экономике, и в политике; во-вторых, в «классических» переходных обществах не было национального подъема, который, как было показано, был характерен для постсоветских стран и зачастую понижывал сам процесс их демократизации; наконец, в-третьих, в 70-х (годы «третьей волны» демократизации) была иная международная обстановка, нежели в случае с постсоветской демократизацией 90-х³²³. Более того, специфика условий и факторов, повлиявших на демократизацию Армении, в свою очередь выделялась в рамках бывшего советского пространства. Армения оказалась в еще более тяжелом состоянии, чем другие постсоветские государства: по причине землетрясения 1988 года, Нагорно-Карабахского конфликта, двусторонней блокады, а также большого потока беженцев переходные процессы в нашей стране приобрели более острый характер³²⁴.

Таким образом, применяя модель «транзита-парадигмы» демократии в армянских реалиях, следует дифференцировать два ее этапа: транзит и консолидацию. Если моделирование процессов перехода на постсоветском пространстве на этапе транзита демократии стало возможным и в большей мере было осуществлено, выявляя общие закономерности и общие проблемы, то введение процессов дальнейшего этапа («консолидации демократии») демократизации в рамки той же модели все больше и больше затрудняет подобные попытки. На наш взгляд, это обусловлено тем обстоятельством, что на этапе транзита для демократизации характерны преимущественно формальные процессы (формирование самого «макета» демократии), тогда как консолидация демократии предполагает трансформацию принципиально иного, более значимого и кардинального характера. Данное наблюдение подтверждается и при изучении современных реалий транзита. Так, сегодня для большинства «переходных» стран, в том числе и для Армении, конкретный «пакет» реформ и иные условия, связанные с этапом транзита (как первой фазы демократизации), отходят на второй план, что отчасти связано с изменениями в самой транзитологии и подчеркиванием роли «консолидологии»,

³²³ См.: **Թորոսյան Տ, Մուրիսյան Հ.** Հետխորհրդային տրանսֆորմացիայի երեք փուլերը, երեք խմբերը և երեք հարացույցները // Հայկական Քաղաքագիտական Հանդես, 2014, No. 1(1), էջ 21:

³²⁴ См.: **Քոթանջյան Հ.** Հայաստանի ազգային անվտանգության ռազմավարության մշակման ուղեցույցները տարածաշրջանային անվտանգության համատեքստում, էջ 45:

отчасти обусловлено тем, что многие условия транзита уже «удовлетворены», при всей неоднозначности, а зачастую сугубо формальном значении этих процессов: эти страны отказались от советской традиции, перешли к рыночной экономике (либерализация), учредили демократические институты и приняли соответствующую нормативно-законодательную базу и т.д. Вместе с тем, если Армения продолжает настаивать на выборе в сторону демократизации по модели «транзита-консолидации» (а официальный курс РА не изменился), то сегодня мы должны доказать, что нынешний статус развития демократии в нашей стране, в нашем обществе – это не «норма» (как полагал Т. Карозерс), а лишь этап, который необходимо пройти. В этом контексте перед нашим обществом стоят две фундаментальные задачи: 1. Довести процесс демократизации до «конца» (до «консолидированной демократии») 2. Адаптировать западную практику демократии к специфике национального менталитета, но не спекулируя этим ради легитимации «авторитаризации» режима и власти, а пытаясь гармонизировать традиции и неизбежные перемены.

3.2 Консолидация демократии и консолидация общества в Армении: наблюдения в контексте концепции А. де Токвиля

Термин «консолидация демократии», хотя и был введен в научный обиход сравнительно недавно, отражает важную фазу демократизации страны. Следует отметить, что это понятие, в отличие от ряда других терминов, применяемых в современных демократических исследованиях, в целом имеет достаточно четкое значение в научной литературе. Так, в работе Х. Дж. Линца и А. Степана, ставшей классической в области консолидологии, четко подмечены 3 основных среза в понимании консолидации демократии, 3 показателя того, что демократия «состоялась»: поведенческий (ни один доминирующий актор не пытается добиться своих целей недемократическими путями или изменить существующую демократическую систему), ценностный (когда общественное мнение основано на убеждении, что существующий демократический порядок не имеет альтернативы и выступает как единственно правильный путь (по выражению Дж. ди Пальмы, «the only game in town») и конституционный (когда как правительственные, так и неправительственные силы подчиняются принятым посредством демократических процедур законам и конституционным нормам, признают демократические методы и

процедуры в качестве основных в регуляции социальной жизни, а также в решении различных противоборств, конфликтов и т.д.³²⁵ С этих позиций очевидно, что «консолидация демократии» имеет свое специфическое значение, которое не сводится к содержанию понятия «консолидации» («объединения»), как таковой. Иное дело, что консолидация демократии предполагает единение общества, и в этом смысле формулировка заключительного этапа демократизации («консолидация демократии») не случайна, равно как и не случайно «пересечение» проблем консолидации демократии и консолидации общества. Последнее обстоятельство характерно также для армянских реалий.

История демократизации РА свидетельствует, что, начав путь к демократии, наше общество начало терять приобретенный в то время дух общественного и национального единства, а в результате допущенных ошибок в политике строительства демократии дезинтеграция углубилась как по вертикали (между властью и обществом), так и по горизонтали (между различными слоями общества). Это не значит, что именно демократия стала причиной деконсолидации армянского общества, но, как было показано концепцией де Токвиля, в условиях «правил игры» современной демократизации единое, не раздираемое противоречиями и поляризацией, не атомизированное общество выступает как предусловие для завершения строительства демократической политической системы. В этом контексте примечательно, что многие армянские исследователи приходят к общему выводу по разрешению проблемной ситуации в сфере демократизации: лишь восстановление национального единства позволит отойти от «тропы», которая ведет к «тупику демократизации». Так, армянский социолог Г.А. Погосян пишет о необходимости «социального партнерства» (как об условии консолидации демократии), для достижения чего нужен «живой диалог властей с собственным народом»³²⁶; В. Осипов отмечает, что необходимо максимально открыть «клапаны демократии» и попытаться восстановить прежний диалог как между актерами политической борьбы, так и между властью и обществом³²⁷; по мнению Г.М. Абрамяна, единство и

---

³²⁵ См.: **Լինց Խ., Ստեփան Ա.** Ժողովրդավարության անցնելու և ժողովրդավարության կայացման ինդիքները. Հարավային Եվրոպա, Հարավային Ասերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա, Երևան, 2011, էջ 25:

³²⁶ **Погосян Г.А.** Армянское общество в трансформации. Ер., Изд-во «Лусабац». 2003. С.108.

³²⁷ См.: Демократизация армянского общества: гендерная перспектива / Под ред. **Дж. Асратян**. С.46

консолидация в условиях в том числе партийной раздробленности общества сегодня как никогда выступают в качестве «императива»³²⁸; по убеждению начальника Национального исследовательского университета обороны МО РА А.С. Котанджяна, «стратегия демократических реформ требует единую и конструктивную работу общества и государственных ведомств, органов управления всех уровней»³²⁹. Исходя из сказанного, правомерно будет констатировать, что консолидация демократии в РА тесно переплетена с проблемой объединения армянского общества. Эти два вопроса не тождественны, но представляется, что в Армении «консолидация общества выступает и как отправной пункт, и как средство, и как одна из целей демократической консолидации»³³⁰. Более того, в нашей действительности проблема консолидации общества демократии имеет широкий охват, что обусловлено наличием армянской диаспоры («спюрк»): диаспора является неотъемлемым звеном консолидации армянского общества, тем более что в «условиях переходных процессов она выступила как фактор активного распространения западной культуры демократии»³³¹, а значение «всестороннего объединения ее потенциала» (в том числе в плане обеспечения демократической ценностной основы государственной политики Армении) выделено в Стратегии национальной безопасности РА³³².

На наш взгляд, при изучении затронутых вопросов токвилевская концепция представляет достаточно интересный исследовательский срез, что обусловлено тем обстоятельством, что в теории французского автора осевое значение имеют именно идеи относительно «дезинтегративной природы» демократии, необходимости пресечения этих рисков на этапе становления демократии. При этом следует заметить, что Токвиль, анализируя основы демократии, не оперирует термином «консолидация», в его концепции нет и характерного для современной

---

³²⁸ См.: **Արթուրյան Գ.Մ.** Անցումը միակուսակցական համակարգից բազմակուսակցության Հայաստանի Հանրապետությունում որպես ժողովրդավարության կարևոր գործոն (1991-2012թթ.) // Պատմություն և մշակույթ, հայագիտական հանդես, Երևան, 2013, էջ 9:

³²⁹ **Քոթանջյան Հ.Ս.** Հայաստանի ազգային անվտանգության ռազմավարության մշակման ուղեցույցները տարածաշրջանային անվտանգության համատեքստում, էջ 98:

³³⁰ **Ширханян С.С.** Консолидация демократии и консолидация общества в Армении: наблюдения в контексте политической концепции А. де. Токвиля // Научно-аналитический журнал «Регион и мир», 2017, Том VIII, No 1. С. 6.

³³¹ См.: **Քոթանջյան Հ.** Հայաստանի ազգային անվտանգության ռազմավարության մշակման ուղեցույցները տարածաշրջանային անվտանգության համատեքստում, էջ 98:

³³² См.: Հայաստանի Հանրապետության Ազգային անվտանգության ռազմավարություն: URL: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinarm.pdf (дата обращения: 08.02.2016)

«консолидологии» условного деления демократизации на этапы транзита и консолидации. Его работы обращены к проблеме объединения общества и лишь в этом контексте затрагивают вопросы, которые сегодня относятся к «консолидации демократии». Иначе говоря, хотя у Токвиля речь идет, прежде всего, о вопросах консолидации общества, представляется, что их значимость в деле «консолидации демократии» придает положениям токвилевской концепции своеобразный «консолидологический» контекст. Именно с позиций этих оговорок мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты демократизации современной Армении.

Итак, сама природа демократии, по наблюдению Токвиля, такова, что она имеет в себе риски разобщения общества. Ключевое понятие современной демократии – равенство («если мы все равны, то никто не лучше меня») порождает индивидуализм («если никто не лучше меня, то я сам себе судья»), что в свою очередь приводит к «атомизации» общества («если каждый сам себе судья, то мне нет дела до других, а другим нет дела до меня»). В рамках этой логики Токвиль резюмирует: «Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом... демократия постоянно принуждает человека думать лишь о самом себе, угрожая в конечном счете заточить его в уединенную пустоту собственного сердца».³³³ С этих же позиций «нейтрализация» склонности демократии разобщать предполагает создание механизмов консолидации общества. Таким образом, решение именно проблемы разъединенности, дискретности социально-политической «ткани», как учит Токвиль, представляет собой одну из главных задач (если не самую главную) политики демократического строительства. Более того, примечательно, что эта же проблема является важной и при изучении «консолидации демократии», в чем вновь можно увидеть непосредственную связь концепции де Токвиля с исследованиями в рамках «консолидологии». Кроме того, не случайно, что и для «консолидологов», и для Токвиля важнейшим звеном в процессе утверждения демократии является гражданское общество, выступающее в качестве своеобразного «посредника» между государством и народом.

Для Токвиля гражданское общество выступает как основа при самом становлении демократии, потому что именно оно представляет главный гарант консолидации общества – базисного «токвилевского» условия демократизации. На

---

³³³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 373-374.

наш взгляд, заслуга французского автора в изучении данного вопроса заключается в том, что он обосновывает необходимость гражданского общества для демократии и демократизации, обращаясь к самому «микро-уровню» проблемы – к ассоциациям. Как было отмечено, именно благодаря гражданским объединениям, которые выступают как «суставы» социальной системы при демократическом порядке, в обществе развивается общественно-политическая жизнь, обеспечивающая ту или иную степень единства граждан. Подобное назначение ассоциаций требует, чтобы они формировались «снизу»³³⁴, т.е. имели естественный характер, а не представляли искусственный макет «ассоциативной жизни» при инициировании этих объединений «сверху» (со стороны государства), тем самым лишь обостряя проявление рисков демократии по разобщению людей.³³⁵ Иначе говоря, вся ценность этих ассоциаций не в их формальном существовании, а в деятельном значении: Токвиль рассматривает гражданское общество в контексте строгого разграничения «гражданских нравов» от «формальных институтов»³³⁶. Это принципиально важная оговорка де Токвиля, поэтому именно с этих позиций рассматривать и оценивать роль основных институтов «ассоциативной жизни» также нашего общества – партий и общественных организаций.

В начале 90-х С. Хантингтон выдвинул идею о том, что консолидация демократии становится необратимой лишь тогда, когда смена власти два раза подряд происходит исключительно путем выборов, не вводя конституционный порядок в коллапс (так называемый «two turnover test»³³⁷). То есть, речь идет об условии, чтобы в стране были «как минимум две политические силы, способные и брать, и отдавать власть по демократическим правилам»³³⁸. Наши реалии, однако, показали, что этот тест мы пока не прошли: «ротации» власти за 25 лет в Республике Армения не было³³⁹

---

³³⁴ См.: Շիրիսանյան Ս. ՀՀ ժողովրդավարացման՝ «էլիտա-հասարակություն» փոխարարերությունների խնդիրն Ա. դը Տոկվիլի որոշ հայեցակարգային դրույթների համատեքստում // «Հանրային կառավարում» գիտական հանդես, 2017, No 1, էջ 193:

³³⁵ См.: Foster, G. Tocquevillian Associations and Democracy: A Critique // Aporia, Vol. 25, No. 1 (2015). P. 22-23.

³³⁶ Villa, D. Public Freedom. Princeton University Press, 2008. P. 28.

³³⁷ Huntington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991. P. 267

³³⁸ Макаренко Б.И. Консолидация демократии: "детские болезни" постсоветских государств // Полития, Зима 2002-2003. С. 5.

³³⁹ Отставка президента Л. Тер-Петросяна в 1998 году – это результат давления внутривластных сил, да и произошло это спустя два года после выборов 1996 года, поэтому эти события некорректно рассматривать в контексте логики «two turnover test».

(хотя формально в выборах действующая власть никогда и не проигрывала), а сегодня и вовсе сложно говорить о наличии альтернативной силы (партии), которая при поражении действующей власти сможет заменить ее. Более того, реальное противоборство между двумя силами и реальная смена власти посредством выборов в Армении имели место лишь в конце 80-х годов. Тогда «характерной чертой политической жизни Армении была биполярность»³⁴⁰: по разные стороны «баррикад» расположились Коммунистическая партия Армении и оппозиционные антисоветские силы, которых объединяла единая цель и дух национального подъема на почве карабахского движения. На выборах в мае 1990 года де-факто произошла смена власти, когда представители Армянского общенационального движения (АОД) одержали победу и получили политическое большинство в парламенте (по численности коммунистов было больше, но в их рядах был раскол, что и помогло АОД диктовать «правила игры» в парламенте³⁴¹), а на первых президентских выборах в РА 1991 года новая власть утвердилась окончательно. В то же время следует заметить, что биполярная политическая жизнь Армении тех лет была обусловлена наблюдаемыми в то время исключительными процессами, связанными как с общесоюзными трансформациями, так и с событиями вокруг Нагорного Карабаха, что и создало почву для формирования биполярности. Поэтому вполне закономерно, что окончательная ломка советской системы и формирование новых республик привели к уничтожению этого «контекста». В результате, с течением времени армянское общество начало терять единство, приобретенное на фоне национального подъема: начался глубокий процесс разъединения, свидетельством чего стало формирование десятков, а на протяжении определенного времени (2003) даже 116 партий, которые при этом на деле и не представляли реальный политический плюрализм, а выступили как проявление «квазимногопартийной» системы³⁴². Как отмечает Г. М. Абраамян, создание партий в Армении «для многих стало самоцелью, многие из них имели формальный характер»: идеологически ничего нового не привносилось, на

---

³⁴⁰ **Քեոյան Գ.** Քաղաքական կուսակցությունների տիպաբանությունը, Երևան, 2002, էջ 252:

³⁴¹ См.: **Սարգսյան Ա.** Ընդդիմադիր կուսակցությունների ձևավորման գործընթացը և երկրենթ քաղաքական համակարգի դրսևորումները Հայաստանում // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն», 2015 No. 1 (16), էջ 70:

³⁴² См.: **Թորոսյան Տ.** Հասարակական համակարգի հետխորհրդային տրանսֆորմացիա, Երևան, 2006, էջ 136-137:

программном уровне наблюдались схожие идеи и цели. В этой связи автор подчеркивает, что «обилие партий в республике не столько способствовало утверждению плюрализма и демократии, сколько дискредитировало эти ценности и вызвало апатию народа к политическим процессам»³⁴³.

Таким образом, если в условиях трансформации политической системы Советского Союза новоформируемые партии стали главным средством консолидации армянского общества и основным инструментом решения политических задач, то уже после приобретения независимости они стали играть противоположную роль. Любопытно, что подобная логика развития партийной жизни была предугадана и объяснена Токвилем, она созвучна установкам его концепции. Так, в предложенной им теории партий переменной величиной была спецификация различных фаз истории³⁴⁴: партии играли ключевую роль при критических ситуациях, а после относительной стабилизации вырождались в «агентов дезинтеграции» общества. В контексте же армянских реалий проецирование токвилевских наблюдений показывает, что кризисная ситуация в конце 80-х и начале 90-х породила «великую партию» (АОД), но последующее, по терминологии Токвиля, «успокоение» политического процесса не только породило множество «малых партий», но и трансформировало созданную ранее «великую» партию в «малую».

В понимании де Токвиля, более важную нишу в демократизации заполняет сектор общественных организаций. Современные исследователи также нередко отмечают, что, исходя из степени развития общественных организаций, «можно рассуждать о степени демократизации общества»³⁴⁵. Следует, однако, констатировать, что подавляющее большинство подобных ассоциаций в РА, подобно партиям, также приобрело формальный характер. Так, по данным от 1 октября 2014 года в РА было зарегистрировано 4066 неправительственных организаций³⁴⁶; в то же время лишь 15-20 процентов этих организаций реально работает - «многие из них существуют лишь на бумаге»³⁴⁷. Нередко НКО создается просто для удовлетворения личных амбиций

---

³⁴³ Արրահավյան Հ. Ժողովրդավարությունը և քաղաքական կուսակցությունները, էջ 17:

³⁴⁴ См.: Кола Д. Политическая социология. С.172

³⁴⁵ Погосян Г.А. Армянское общество в трансформации.С. 221.

³⁴⁶ См.: ԱՄՆ Միջազգային զարգացման գրասենյակի՝ «ՔՀԿ կայունության ցուցանիշ. Հայաստան, ՔԶՀՀ/ԱՄՆ ՄԶԳ», 2014, հունիս: URL: <http://www.cdpf.am/am/15/>

³⁴⁷ Մարգարյան Տ, Հակոբյան Ա. ՔՀԿ-ների ներգրավվածությունը քաղաքականության մշակման և իրականացման մոնիթորինգի գործում. Կարիքներ և կարողություններ (Հայաստան), Երևան, 2015, էջ 5:

создателей организации, т.е. бездейственность организации обусловлена самой целью ее формирования. Кроме того, часто общественные организации превращаются в исполнителей заказов тех или иных «доноров», чаще всего международных наднациональных корпораций, преследующих свои цели (этот аспект был в значительной степени упущен де Токвилем ввиду того, что в его времена эта практика не была столь развита). По официальным данным, среди действующих в РА с 2012 по 2015 год общественных организаций 75 процентов в качестве основного источника финансирования своей деятельности указали международные организации, 14 процентов – государственные органы, и лишь 11 процентов – пожертвования и членские взносы³⁴⁸. Данное обстоятельство оказывает влияние не только на качество конечного продукта деятельности этих организаций, их обусловленность желаниями, целевыми и нередко даже ценностными ориентирами «доноров», но и на мышление этих людей, рассматривающих свою работу, прежде всего, с позиций зарабатывания на жизнь, нежели осуществления общественной работы. Шведский исследователь С. Сэмпсон, обращаясь к западной «донорской экспансии» (на примере Балкан), подчеркивает, что «реальная проблема не в том, что «мы» (Запад – С.Ш.) навязываем «им» наши ценности, а в том, почему «они» принимают это. Ответ достаточно циничен – ради денег»³⁴⁹.

Необходимо отметить, что если в партийной жизни национальные ценности и идеи партии, как правило, не постулируются в противовес демократическим, то в «третьем секторе» дело обстоит иначе: между «националами» и «демократами» наблюдается борьба. При этом речь идет не столько о «демократах», сколько о «либералах», что дает основания предполагать, что одной из причин этого противоборства стало линейное толкование демократии. С другой стороны, эта «борьба» обусловлена и тем, что «донорский» характер многих НКО (именно они и представляют «лагерь» либералов), как правило, ведет к политизации этих организаций, выпячиванию их «миссионерской» функции, что и вызывает реакцию «национальных сил» общества. Вместе с тем, как не раз было подчеркнuto, основная проблема современных переходных обществ, где национальный фактор имеет особую

---

³⁴⁸ См.: Там же. С. 7.

³⁴⁹ Sampson, S. Too much civil society? Donor-driven NGOs in the Balkans. In L. Dhundale & E. A. Andersen (Eds.), Revisiting the Role of Civil Society in the Promotion of Human Rights Danish Institute for Human Rights, 2004.P.209.

значимость и зачастую играет не последнюю роль в формировании независимого государства, заключается в отсутствии четкого видения «алгоритма» примирения «национального» и «демократического» начал. Речь идет о возможности (а, по Токвилю, даже необходимости) понимания демократии в духе национально-культурной специфики, об исключительном проявлении одних и тех же идей и ценностей в различных реалиях, о том, что «каждая нация по-своему приходит к «общечеловеческим» ценностям»³⁵⁰, и ценности демократии в этом смысле не составляют исключение.

Таким образом, как в случае с партиями, так и с общественными организациями мы имеем высокие количественные показатели, но, как правило, низкое качество, формальный характер многих «ассоциаций». Более того, как было показано, в новоиспеченных постсоветских государствах формализм одержал верх над процессом демократизации в целом. Судя по конституциям этих государств, в частности, по статьям относительно прав человека, а также «пакету» демократических институтов, они шагнули даже «дальше», чем развитые западные страны³⁵¹. Между тем именно подобное отношение предопределило политический (демократический) регресс и социальную дезинтеграцию общества, о чем неоднократно предупреждал де Токвиль³⁵². Мыслитель понимал, что общественные организации, партии, гражданское общество в целом, равно как и различные нормы и институты демократии, в том числе конституция страны, должны быть «впитаны» в общественное сознание. В этом смысле он затронул когнитивные аспекты консолидации демократии, ценностный срез последней. Любопытно, что в этом вопросе мысли Токвиля схожи с позицией Р. Даля, который, в частности, отмечает, что консолидация демократии требует «мощной демократической культуры», которая предоставляет сильную ценностную и нормативную «поддержку демократическим процедурам»³⁵³.

---

³⁵⁰ Енгоян А.П. Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветской Армении. Ер., 2011. С. 309.

³⁵¹ См.: Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах // Вестник Моск. ун-та, 1998, Сер. 18, No. 2. С.34.

³⁵² См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 235-237.

³⁵³ См.: Dahl, R. Development and democratic culture // Consolidating the third wave democracies: themes and perspectives, Vol 1, ed. by L. Diamond M.F. Plattner, Yun-Han Chu and Hung mao-Tien. The John Hopkins University Press, Baltimore and London, 1997. P.36

В продолжение сказанного необходимо обозначить также иное условие успеха демократизации – ее проникновение во все «уголки» общества. В этой связи часто обращаются к термину «муниципальная демократия»³⁵⁴ («демократия на местном уровне»), который стал модным, в частности, в связи с актуализацией теорий децентрализации власти. Определяя значение этого термина, К. Фогг в предисловии к исследованию «Демократия на местном уровне: руководство для Южного Кавказа» отмечает: «Это уровень правления... где власть находится на наиболее близком к гражданам уровне... здесь теоретические основы демократии наполняются практическим содержанием».³⁵⁵ Следует отметить, что в последнее время по этой теме часто проводятся конференции на высшем уровне, подобные мероприятия были проведены и в Армении³⁵⁶. Кроме того, и в Конституции нашей страны отмечено, что «в Республике Армения гарантируется местное самоуправление как одно из существенных основ демократии»³⁵⁷. Что касается концепции де Токвиля, то у французского мыслителя эти идеи проявляются в его рассуждениях об общинах (на примере США) как о низшем (естественно, не по значению) уровне демократии. Токвиль подчеркивал важность общин, прежде всего, потому, что последние состояли в среднем из 2-3 тысяч человек, поэтому народовластие здесь имело не представительный, а прямой характер, и лишь когда вопросы касались округа или штата, вновь применялся институт представительства. То есть, для Токвиля местный уровень демократии выступает как основа, источник демократии для других уровней, потому что именно на общинном уровне демократия имеет прямой, не опосредованный характер. В то же время речь идет не только и не столько о численности общин, сколько об «общинном духе», который придавал этим административным единицам «живительную силу».³⁵⁸ С этих позиций обращаясь к

---

³⁵⁴ См., например: **Ванеев О.Н.** Муниципальная демократия: к вопросу об участии граждан в местном (городском) самоуправлении // Журнал «Теория и практика общественного развития», 2010, No. 4. С. 211-215.

³⁵⁵ Демократия на местном уровне: руководство для Южного Кавказа / Под ред. **Корякова И., Сиска Т.** Ер., 2003. С.7.

³⁵⁶ См., например: Հայաստանի Հանրապետության տարածքային կառավարման և զարգացման նախարարության պաշտոնական կայքէջ: URL: <http://mta.gov.am/ru/news/item/2013/06/19/87/> (дата обращения: 21.09.2016)

³⁵⁷ См.: Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն, հոդված 9:
URL: Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն: URL:
http://www.parliament.am/law_docs5/Sahmanadrutyun_06.12.2015.pdf (дата обращения: 13.04.2016)

³⁵⁸ См.: **Токвиль А. де.** Демократия в Америке. С. 69

армянским реалиям, следует отметить, что недавние изменения в законе «Об административно-территориальном делении Республики Армения»³⁵⁹, предполагающие укрупнение общин РА, наряду с другими контраргументами (объединение общин недопустимо, потому что каждая из них выступает как исторически сложившаяся единица, каждое село – это стратегически важное звено в обеспечении региональной децентрализации власти и т.д.) нуждаются в пересмотре также потому, что укрупнение общин растворяет тот самый «дух общинного единства», с которого, по Токвиллю, и начинается всякая демократия. Данный аспект имеет важное значение, в первую очередь, с точки зрения формирования и сохранения демократической ценностной основы, а в контексте изучения проблемы консолидации общества в качестве фактора консолидации демократии этот срез становится актуальным и для «консолидологии».

Наконец, следует обратиться также к конституционным, нормативно-правовым аспектам демократизации, которые, как было отмечено, выступают в качестве другого важного среза консолидации демократии. Основная проблема заключается в том, что одна лишь формальная сторона вопроса не раскрывает суть вопроса, т.е. следует различать «символические» (формальные) и «инструментальные» параметры конституции, которые в контексте консолидационных реалий переходных обществ часто расходятся: по наблюдению А.Н. Медушевского, в этих обществах «социально-политические отношения нестабильны, меняются очень быстро, а их законодательное регулирование отстает от практической реализации конституционных принципов или вступает в противоречие с ними»³⁶⁰. Между тем ценность и значение конституции для демократизации заключается в том, что она представляет «правила игры» для основных политических акторов – партий, групп интересов, политической элиты в целом³⁶¹, вокруг которых должен быть достигнут «социальный консенсус»³⁶², как основы консолидации демократии. Примечательно, что с этих же позиций рассуждает

---

³⁵⁹ См.: Հայաստանի Հանրապետության օրենքը «Հայաստանի Հանրապետության վարչատարածքային բաժանման մասին» ՀՀ օրենքում փոփոխություններ և լրացումներ կատարելու մասին: URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5528&lang=arm> (дата обращения: 08.07.2016)

³⁶⁰ Медушевский А.Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества // Общественные науки и современность, 2013, No. 3. С. 45.

³⁶¹ См., например: Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / Ed. by J.Higley and R.Gunther. Cambridge University Press, 1992.

³⁶² См.: Valenzuela, S. Democratic consolidation in post-transitional settings: notion, process, and facilitating conditions. URL: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/150.pdf> (дата обращения: 20.06.2016)

и де Токвиль, который обращается не только к конституции, но и к законам. В предыдущей главе было отмечено, что закон в американской демократии выступал (и до сих пор выступает) как своеобразная «делка» вокруг принимаемых норм поведения, а конституция – верховный свод основных правил и принципов. Пытаясь соединить эти две позиции, можно утверждать, что консолидация демократии также в значительной мере представляет собой «общественную сделку», различие заключается лишь в ее предмете, содержании, а не в принципиальной части данного вопроса. Иначе говоря, и закон, и конституция, и консолидация демократии – это «продукты» конвенционализма, договоренности общества вокруг «правильности» и «неправильности» тех или иных «вещей» (идей, позиций, ценностей, норм, подходов, процедур и т.д.). Поэтому единое мнение общества в данном контексте имеет наиболее важное значение.

Таким образом, де Токвиль затрагивает по меньшей мере два из трех ключевых срезов консолидации демократии – ценностный и конституционный, хотя и оценивает их, прежде всего, с позиций идеи консолидации общества. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в его концепции изучение этих аспектов сопровождается еще одним важным условием демократизации, которое в современной консолидологии выражено преимущественно имплицитно. Речь идет о ярко выраженном тезисе «постепенной и осторожной демократизации»³⁶³. «Виденное в Америке наводит меня на мысль, что и в других странах могли бы существовать подобные демократические учреждения, если бы они были осторожно введены в общество и постепенно, шаг за шагом, срослись бы с традициями и взглядами народа»³⁶⁴, – отмечает мыслитель. Иначе говоря, вне зависимости от указанных ранее трех «классических» условий консолидации демократии, ее успех возможен лишь тогда, когда этот процесс направлен в русло «эндогенизации»: Токвиль учит не отвергать устоявшиеся экзогенные практики демократии, но и не копировать их механически, а существенно адаптировать к собственной социально-политической, экономической и культурной почве, т.е. перенимать сам принцип, а не сформированный в результате применения последнего контекстуальный и специфический для данного общества

---

³⁶³ Что также перекликается с его рекомендациями относительно «быстрой свободы» и «неподготовленного общества».

³⁶⁴ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С.234.

содержательный контент (практик, процедур и т.д.). Именно такого подхода он придерживался и рассуждая над демократизацией современной ему Франции. Поэтому в условиях нынешнего вектора демократизации РА актуальна необходимость «сращения» западного опыта демократии с политической культурой Армении, его гармонизация со спецификой политического мышления и политических традиций (по терминологии де Токвиля – «нравов») армянского народа. При всем давлении действующей западно-демократической традиции Армения может и должна добавить «национальный оттенок» адаптируемой форме демократии, и это касается также модели консолидации демократии. Однако, решение данной задачи, как было показано, возможно лишь при условии консолидации всего общества, при социальном и национальном объединении, при диалоге «государство-общество».

Итак, очевидно, что особенности эпохи, в рамках которой творил де Токвиль, заданные ею исследовательские параметры, ее проблемы и потребности социально-политических реалий на тот момент не могли породить то, что сегодня называется «консолидологией». С этих позиций логика токвилевской концепции и логика современных исследований консолидации демократии, несомненно, имеют многие отличия, постулируя разные задачи и преследуя разные цели. Вместе с тем думается, что идеи французского автора могут послужить важной базой для понимания демократии, прежде всего, в вопросе консолидации общества как важного условия поддержания демократического порядка. В этом смысле замечания де Токвиля выявляют важную грань также в деле адекватного осмысления консолидации демократии. Не случайно, что некоторые токвилевские «условия» демократизации («ассоциативный» (гражданский) образ жизни, гражданское общество, верховенство закона, значение конституции и др.) совпадают с современными условиями консолидации демократии. В контексте же отмеченной нами переплетенности проблемы социальной, национальной консолидации и консолидации демократии в армянских реалиях представляется, что затронутые выше в сущности «токвилевские» вопросы выявляют некоторые ориентиры дальнейшей демократизации (консолидации демократии) Армении: это положения, которые, с одной стороны, выступают как индикаторы нынешнего состояния демократизации РА, с другой стороны – намечают ряд важных направлений работы в области строительства демократической политической системы.

Заключение

Результаты настоящей диссертации в соответствии с поставленной исследовательской целью и намеченными в этой связи основными задачами данной работы представлены **заключительными выводами**, среди которых следует выделить следующие:

1. Концепция де Токвиля, его замечания и рекомендации обращены, прежде всего, на современную ему форму демократии, ввиду чего доминирующая научная традиция исследования трудов мыслителя нередко обходила и по сей день обходит проблемный пласт истории народовластия, специфику и логику развития ее прежних форм (античной, средневековой). В результате, токвилеведами зачастую игнорируются те обстоятельства, которые в конце концов и «породили» современную де Токвилю демократию. Вместе с тем представляется, что обращение к этим вопросам при изучении творчества де Токвиля значительно дополняет и углубляет понимание как демократии и ее сегодняшней формы, так и самой концепции французского мыслителя и затронутых им вопросов. В этом смысле современное токвилеведение нуждается в корректировках.

2. Токвилевская рефлексия именно над современной ему формой демократии обусловлена в первую очередь целевыми ориентирами французского мыслителя, его трезвым взглядом на социально-политические потребности эпохи. Токвиль не рассматривал эту модель как идеал или «лучшую» из исторических форм народовластия: он обращался к ней ввиду понимания ее неизбежности и, в этой связи, ввиду насущной необходимости выявления комплекса ее ключевых проблем, которые окажутся неминуемыми для всего современного мира. Несмотря на данную оговорку, однако, в современной науке концепция де Токвиля, как правило, «подгоняется» под рамки «суженной» концептуализации феномена, рассматривающей понятие «демократии» с позиций лишь новоевропейской формы народовластия, которая заложила основы современной демократии. Это в значительной мере искажает как научное понимание самого концепта демократии и его истории, так и логику мышления французского автора.

3. Одним из наименее изученных аспектов токвилевских исследований в контексте современных реалий выступает подмеченный Токвилем императив коренных изменений в парадигме демократизации. Данный вопрос в качестве

научной проблемы был поставлен еще в конце XVIII и начале XIX веков, когда реанимированная демократия «заявила» о своих амбициях всемирного, «трансцивилизационного» распространения (выхода за пределы традиционного для нее западного культурно-цивилизационного пространства), что стало беспрецедентным для истории демократии и именно поэтому требовало и до сих пор требует переосмысление парадигмальных установок, в рамках или посредством которых рассматриваются разные вопросы демократии и демократизации. При этом, хотя де Токвиль по известным причинам не оперировал термином «парадигма», не обращался к спектру сугубо цивилизационных вопросов демократии и т.д., тем не менее, его оговорки о многообразии форм демократии (в соответствии со спецификой многообразия мира) в контексте неминуемости последней для будущих обществ, его наставления и призывы к адаптации демократии на культурную и национальную почву конкретного народа и, наконец, в этой же связи его ключевой тезис о необходимости создания «новой политической науки», или «нового политического знания» дают основания полагать, что французский мыслитель уделил данному аспекту отдельное внимание. Иное дело, что в его концепции отмеченная идея наблюдается преимущественно имплицитно, для аналитической работы в достаточно «сыром» виде.

4. В контексте вышеотмеченных аспектов примечателен и иной вывод: на протяжении десятков лет к научной традиции де Токвиля апеллировали, без преувеличения, тысячи авторов, рассматривая концепцию французского мыслителя с самых разных позиций; тем не менее, в исследованиях, как правило, наблюдался «взгляд», прежде всего, «западного человека», видящего в теории Токвиля в первую очередь те проблемы и «рецепты» их решения, которые актуальны для западных реалий. Сегодня в контексте всемирного распространения демократии возникла необходимость изучения токвилевского наследия с иных ракурсов, ее адаптации к иной, «не западной» культурно-цивилизационной почве.

5. С точки зрения политической теории исключительно важными представляются оговорки касательно причисления токвилевской концепции демократии к либеральной традиции. Защита буржуазно-капиталистических идей и критика социализма (французского социализма XIX века), выступление против централизации государственной власти, «пламенная любовь» к индивидуальной

свободе и ряд других характеристик политических взглядов де Токвиля на протяжении десятилетий использовались для «либерализации» политической теории французского мыслителя вопреки всем его стараниям оказаться вне каких-либо идеологических рамок и политической ангажированности. В результате, изначально неидеологизированная концепция Токвиля после смерти автора, по сути, была подчинена политико-идеологическим целям либерализма, что не в последнюю очередь было обусловлено тем, что токвилеведение развивалось и сегодня развивается преимущественно на Западе, где либеральная политическая традиция является доминирующей. На наш взгляд, либерализм де Токвиля, преисполненный традициями аристократического порядка, значительно выделяется среди теорий классического либерализма: Токвиль сам пытается «подогнать» либерализм под свои взгляды, а не стать его «проповедником». Поэтому обеспечение научной корректности требует переосмысления данного аспекта, что, однако, сегодня в значительной мере затруднено ввиду политизированности большинства исследований в этой области.

б. Переосмысление требуется и в вопросе определения особенностей токвилевской модели соотношения свободы и равенства, что имеет важное значение с точки зрения понимания логики его концепции. Защита индивидуальной свободы, критика равенства, ее негативных последствий и рисков для свободы – в трудах де Токвиля – стала главным аргументом для утверждений, что французский мыслитель противопоставляет эти два понятия. Следует отметить, что свобода личности для французского мыслителя представляет высшую политическую ценность, и его критическое отношение к равенству (по его мнению, важнейшей характеристики современной демократии) действительно во многом обусловлено именно угрозами последнего для свободы. Однако, де Токвиль ставит цель сформулировать принципы совмещения и взаимодополнения, казалось бы, противоположных начал: его критический подход направлен не на противопоставление, а на поиск своеобразного консенсуса между ними. Именно с этих позиций он формулирует тезис об исключительной роли свободы для современной демократии, идею необходимости ее «прививки» в «организм» демократии, положение о «лечебных» свойствах свободы личности для «природных болезней» (крайний индивидуализм, социальный атомизм, угрозы

тирании и т.д.) демократического равенства. Иначе говоря, если демократическое равенство со всеми ее недостатками неминуемо, то следует искать механизмы ее «обезвреживания», главным средством чего и выступает свобода. Поэтому можно заключить, что в концепции де Токвиля свобода не противоречит демократическому равенству, а «блокирует» ее негативные стороны, и в этом смысле речь идет об особой, «токвилевской» модели их соотношения.

7. Де Токвиль пытается обойти ригоризм не только в вопросе соотношения свободы и равенства: его аристократическое происхождение, социально-политические потребности Франции, поставленная им цель «осторожной демократизации» обусловили необходимость тонкой работы по «примирению» аристократии и демократии, двух типов мышления, двух ценностных систем. Так, принимая факт неизбежности демократии, мыслитель одновременно пытается смягчить «ударную волну» конфликта между старым и новым порядками. При этом де Токвиль уверен, что сохранение лучших традиций аристократического порядка для демократии имеет существенное значение: подобно тому, как равенство нуждается в дополнении или даже «разбавлении» свободой, так и демократии жизненно необходимы элементы аристократии. В этом смысле французский граф пытается «аристократизировать» демократию, но делает это для ее же «спасения», в чем вновь проявляется логика мыслителя-реалиста.

8. Америка XIX века стала важным «фоном» рассуждений де Токвиля, а визит в эту страну выступает как одно из ключевых событий, повлиявших на проделанную им исследовательскую работу. Более того, американистский срез токвилевского наследия как в прошлом, так и в настоящем придает весьма важный импульс изучению трудов французского мыслителя: многие новейшие токвилеведческие работы издаются именно в США. Представляется, однако, что данное обстоятельство не должно сводить концепцию Токвиля к американистике, сужать и ограничивать рамки его концепции пределами специфики лишь вышеотмеченной проблематики: сам Токвиль в работе «Демократия в Америке» отмечал, что его цель заключается в изучении не самой Америки, а в изучении демократии посредством примера Америки. Кроме того, он постоянно проводил сравнения с французскими реалиями. Несмотря на то, что данный аспект был закреплен рядом исследований (в том числе в Штатах), тем не менее, и поныне в токвилеведении

сохраняются риски «узкого» (с позиций американистики) и в этом смысле неадекватного понимания творчества де Токвиля.

9. Корректная оценка концепции французского мыслителя в истории политической мысли должна быть осуществлена также с позиций определения значимости критического среза его анализа. Де Токвиль долгое время «выступал» как «блюститель» демократии, его адвокат и защитник, а критический пласт его теории демократии часто обходился, либо рассматривался лишь мельком. Между тем раскрытые им недостатки демократии представляют не менее важные аспекты его концепции, что обусловлено тем, что недостатки демократии в контексте его работ рассматриваются в качестве обратной стороны преимуществ народовластия: для Токвиля отсутствие «должной меры» над основными достоинствами демократии приводит к ее вырождению. С этих позиций токвилевская критика демократии – это ни что иное как критическое осмысление ее преимуществ, и если Токвиль пытается критически, т.е. объективно изучить демократию, то задачей современных токвилеведов является критическое рассмотрение самого наследия де Токвиля, недопущение формирования или утверждения традиции однобокой интерпретации его трудов.

10. Понятие «меры» имеет осевое значение для концепции Токвиля. В политической теории мыслителя наблюдается античный принцип «золотой середины», с позиций которого рассмотрение разных проблем демократии приобретает некоторые особенности. Так, де Токвиль выступает против централизации власти, но, в то же время, подчеркивает существенное значение государственной власти в поддержании порядка в обществе; он восхищается суверенитетом большинства, но предупреждает об угрозах ее «излишней власти»; даже категория свободы, пронизывающая всю его концепцию, подчинена логике умеренности, что проявляется при изучении автором проблемы свободы печати (ее объединяющая и, одновременно, разъединяющая функции), свободы слова (искажение понятий и терминов, «хаотизация» языка), социально-политической активности граждан (в частности, речь идет о рисках партийного многообразия, которое вводит «раскол» в общество, подрывает его единство) и др.

11. В ряде идей де Токвиля наблюдаются также принципы и положения теории синергетики, в наши дни выступающей в качестве методологической основы для

многих научных исследований. Так, рассуждая о различных сторонах демократии, он акцентирует внимание на понятиях политического порядка и беспорядка, с этих же позиций выявляет непредсказуемый характер исторического развития общества, в частности, неопределенность революции как одного из путей социально-политических изменений. Более того, исследуя этапы социальной трансформации на примере Франции и США, де Токвиль выделяет этапы становления, развития и кризиса системы, раскрывает их логику с позиций синергетических постулатов (импульсы «среды» (влияние «внешнего мира», например, соседних государств на демократизацию), колебания системы («отсутствие контроля над демократией»), их накопление и «точка невозврата» (неминуемость глубинных социально-политических потрясений в обществе в условиях «предреволюционной ситуации»), различные сценарии дальнейшего развития и непредсказуемость «системного выбора» («демократическая революция не гарантирует демократические перемены») и т.д.). Мыслитель, таким образом, за столетие до научной разработки теории синергетики предвосхитил ряд ее идей. Следует отметить, однако, что данное обстоятельство в значительной степени обойдено в современных исследованиях. С учетом особой значимости синергетики в современной науке данный пласт наследия автора требует дальнейших, более глубоких исследований.

12. Концепция де Токвиля сегодня актуальна не только в теоретическом, но и в прикладном срезе, в сфере политики государственного строительства. Многие наблюдения и практические рекомендации мыслителя выступают как важные положения, с позиций которых оценивается и зачастую проводится политика демократизации страны. В частности, речь идет о его замечаниях относительно роли свободной печати как важного условия демократического общества, о его понимании индивидуальной свободы в контексте подчеркнутой политической значимости последней, об угрозах формирования тирании большинства, о неминуемой олигархизации экономики при демократии, о рисках атомизации, «индивидуализации» общества, о политической роли религии в плане поддержания политического порядка, о его проницательных наблюдениях относительно губительности «быстрой свободы», неподготовленности общества к демократии и т.д. Несмотря на то, что эти положения были сформулированы два века назад, они не теряют своей актуальности по сей день.

13. Представляется, что идеи де Токвиля актуальны также в рамках современной транзитологии и изучения ею проблем демократического перехода. Именно Токвиль одним из первых обратился к вопросам демократического «транзита», и лишь обстоятельства эпохи (по ряду причин времена «всемирной демократизации» наступили не сразу) и смерть мыслителя с последующим наступлением этапа забвения его идей оттеснили его фигуру. Современные исследователи демократического перехода, также преимущественно обходя токвилевские рекомендации, ссылаются лишь на те его аргументы, которые могут быть использованы для обоснования их собственной позиции, вследствие чего многие идеи де Токвиля вырываются из контекста. На наш взгляд, последнее обстоятельство обусловлено тем, что концепция Токвиля основана на «нелинейном» понимании демократизации, тогда как современная транзитология постулирует «векторность» процессов демократического перехода, их введение в определенные рамки. Однако, в условиях несостоятельности последнего подхода, неэффективности и губительности ее применения в практической сфере, в современных исследованиях по демократии наблюдается постепенный возврат к токвилевской логике демократизации, хотя формально подобные исследования не ссылаются непосредственно на научные труды де Токвиля.

14. В политической теории Токвиля понимание демократии основано на идее общественной консолидации. Это весьма важный аспект, который, однако, получил развитие лишь в рамках токвилеведения: он был преимущественно обойден многими политологическими дисциплинами, в том числе «консолидологией». Естественно, де Токвиль не оперирует и не мог оперировать термином «консолидация демократии» и, тем более, вкладывать в него тот смысл, который он имеет в рамках «консолидологии»; у Токвиля нет и деления демократизации на этапы «транзита» и «консолидации». Вместе с тем ценность его рассуждений в данном контексте выделяется в аспекте соотношения понятий «консолидации демократии» и «консолидации общества»: Токвиль прозорливо подметил, что одним из важнейших предусловий укрепления, успеха демократии (в современной терминологии – «консолидации демократии») выступает фактор общественного единства; интересно, что данная идея достаточно отчетливо выражена также в большинстве современных исследований по «консолидации

демократии». Кроме того, примечательно и то, что ряд токвилевских условий консолидации общества совпадает с условиями «консолидации демократии», разработанными современной «консолидологией» (формирование гражданского общества, значение законов и конституции и др.). Поэтому следует заключить, что, несмотря на объективные и в этом смысле вполне естественные различия в токвилевской и современной «консолидологической» традициях, идеи мыслителя XIX века актуальны в контексте современных реалий, в определенной мере детализируя политико-философские основания процесса демократизации.

15. Многие идеи и рекомендации де Токвиля приобретают актуальность также в контексте «переходных» процессов в современной Республике Армения. Наше общество столкнулось с одной из главных преград демократизации – социальным разьединением, в связи с чем подчеркнутую важность имеет токвилевская идея «ассоциативного общества», а также ряд иных мер, направленных против атомизации и индивидуализации общества. Кроме того, Армения, как и многие другие страны демократического перехода, пошла по «тропе» формальной демократизации, о губительности чего предупреждал де Токвиль, защищая тезис «реальной», а не «макетной» демократизации и при этом указывая на основные проблемы на данном пути. Наконец, концепция де Токвиля, основанная на понимании важности национального фактора при строительстве демократии, вносит определенные коррективы в современное видение процесса демократизации. В условиях же армянских реалий, где национальные особенности имеют во многом определяющее значение, наставления французского автора приобретают особую важность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Первоисточники

1. **Аристотель.** Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: «Мысль», 1983.– 268 с.
2. **Аристотель.** Политика. Афинская полития. Серия: «Из классического наследия» / Пер. С.И. Радцига. – М.: «Мысль», 1997. – С. 271 - 343.
3. Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем / Пер. с франц. **В. Неведомского.** –М.: Издание К.Т. Солдатенкова: Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1893. – 319 с.
4. **Гоббс Т.** Сочинения в 2 т. Т.2 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М.: «Мысль», 1991.– 736 с.
5. **Гроций Г.** О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
6. **Локк Дж.** Сочинения в 3-х т. Том 3 / Под ред. И.С. Нарского и А.Л. Субботина. – М.: «Мысль», 1988. – 668 с.
7. **Макиавелли Н.** Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. Кудрявцевой А.А. – М.: «АСТ», 2004.– 819 с.
8. **Милль Дж.** Рассуждения и исследования политические, философские и экономические. В 3-х ч.Ч. 2. Статьи политические и экономические. – СПб.: Типография Голицына, 1865. – 192 с.
9. **Падуанский М.** Защитник мира / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. –М.: «Дашков и Ко», 2014. – 656 с.
10. **Платон.** Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. Вступ. ст. Е.Н. Трубецкого. Коммент, В.Ф. Асмуса. Примеч. А.А. Тахо-Годи.– М.: «Академический проект», 2015.– 398 с.
11. **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1. Серия «Литературные памятники». – М.: «Наука», 1994.– 503 с.
12. **Руссо Ж.Ж.** Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова.– М.: «Канон-пресс -Ц; Кучково поле», 1998. – 416 с.
13. **Токвиль А. де.** Демократия в Америке / Пер. с франц., предисл. Гарольда Дж. Ласки. –М.: «Прогресс», 1992.– 554 с.
14. **Токвиль А. де.** Старый порядок и революция / Пер. с франц. Л.Н. Ефимова. – Спб.: «Алетейя», 2008.– 248 с.
15. **Фукидид.** История / Пер. Г.А. Стратановского. –М.: «Наука», 1981.– 542 с.
16. **Ювенал Д.** Сатиры / Пер. С. Недовича и Ф. А. Петровского. Вступит. статья А. Белецкого. – М.: «Academia», 1937.– 153 с.
17. Հայաստանի Հանրապետության Ազգային անվտանգության ռազմավարություն: URL: http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinarm.pdf (дата обращения: 08.02.2016).
18. Հայաստանի Հանրապետության Սահմանադրություն: URL: http://www.parliament.am/law_docs5/Sahmanadrutyun_06.12.2015.pdf (дата обращения: 13.04.2016).
19. Հայաստանի Հանրապետության օրենքը «Հայաստանի Հանրապետության վարչատարածքային բաժանման մասին» ՀՀ օրենքում փոփոխություններ և լրացումներ

<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5528&lang=arm> (дата обращения: 08.07.2016).

20. The Collected Works of John Stuart Mill, Volume XVIII - Essays on Politics and Society Part I, ed. **John M. Robson**, Introduction by Alexander Brady. Toronto: University of Toronto Press, London: Routledge and Kegan Paul, 1977.– xcv, 310 p.

Книги и монографии

21. **Алпатов М.А.** Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949 – 408 с.
22. Антология мировой политической мысли в 5. т. Т.1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция / Отв. ред. **А. А. Мигولاتьев**. – М.: «Мысль», 1997. – 832 с.
23. **Арский Ф.Н.** Перикл. – М.: «Молодая гвардия», 1971. – 217 с.
24. **Асмус В.Ф.** Античная философия. – М.: «Высшая школа», 2005.– 406 с.
25. **Баблюяц А.** Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. – М.: «Мир», 1990.– 373 с.
26. **Балязин В.Н.** Мудрость тысячелетий.– М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2004.– 848 с.
27. **Берлин И.** Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинда. – М.: «Новое литературное обозрение», 2001. – 448 с.
28. **Блос В.** История французской революции / Пер с нем. Н.С. Тютчева. – Петроград: Государственная типография, 1918.– 423 с.
29. **Брагина Л.М.** Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. – М.: «Высшая школа», 1977.– 254 с.
30. **Бузескул В.П.** Античность и современность: современные темы в античной Греции. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.– 202 с.
31. Выборная демократия: есть ли альтернатив у Армении? (по результатам социологического опроса) / Под ред. **Дж. Асратян**. – Ер.: «Асогик», 2003. – 128 с.
32. **Даль Р.** Демократия и ее критики / Пер. с англ. Под ред. М.В.Ильина. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.– 576 с.
33. **Даль Р.** Полиархия. Участие и оппозиция / Пер. С. Деникиной и В. Баранова. – М.: Изд-во ГУВШЭ, 2010. – 288 с.
34. **Дементьев И.О.** Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Калининград, 2004.– 21 с.
35. Демократизация армянского общества: гендерная перспектива / Под ред. **Дж. Асратян**. – Ер.: «Асогик», 2004. – 224 с.
36. Демократия на местном уровне: руководство для Южного Кавказа / Под ред. **И. Корякова и Т. Сиска**. – Ер.: «Принтинфо», 2003. – 72 с.
37. **Енгоян А.П.** Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветской Армении. – Ер.: Изд-во РАУ, 2011.– 357 с.
38. **Закария Ф.** Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Изд-во «Ладомир», 2004.– 383 с.

39. **Закария Ф.** Постамериканский мир. Пер. с англ. Н. Рудницкой. – М.: «Европа», 2009. – 280 с.
40. **Здравомыслов А.Г.** Социология конфликта. – М.:«Аспект Пресс», 1996.– 317 с.
41. **Исаев С.А.** Алексис Токвиль и Америка его времени. – СПб.: «Наука», 1993.– 144 с.
42. **Исаев С.А.** Трактат А. де Токвиля «О демократии в Америке» как источник по истории политической мысли XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990.–15 с.
43. История политических и правовых учений / Под ред. **Нерсесянца В.С.** – М.: «ИНФРА», 1998. – 320 с.
44. **Кареев Н.И.** Историки Французской революции. Т. 2. Французские историки второй половины XIX века и начала XX века. – Л.: «Колос», 1924. – 301 с.
45. **Кола Д.** Политическая социология / Пер. с фр.; Предисл. А.Б. Гофмана. – М.: «Весь мир», «ИНФРА-М», 2001.– 406 с.
46. **Кун Т.** Структура научных революций. – М.: «АСТ», 2003.– 605 с.
47. **Лефор К.** Политические очерки (XIX-XX века) / Пер. с франц. Е.А. Самарской. – М.: РОССПЭН, 2000. – 368 с.
48. **Лосев А.Ф.** Античная мифология в её историческом развитии. – М.: ГУПИ, 1957. – 617 с.
49. **Матвеев С.Р.** Философские истоки французского либерального консерватизма (Ф. Гизо, А. Токвиль): дис. ... канд. филос. наук. – М., 2014. – 261 с.
50. **Мирумян К.А.** История политических учений. Часть 1. Эпоха античности. – Ер.: Изд-во РАУ, 2004. – 300 с.
51. **Остерман Л.А.** О Солон! История афинской демократии. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. – 302 с.
52. **Панарин А.С.** Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.– 272 с.
53. **Погосян Г.А.** Армянское общество в трансформации. – Ер.: «Лусабац», 2003.– 459 с.
54. **Порфиридов Н.Г.** Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI - XV вв.– М., - Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947.– 307 с.
55. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. Общ. Ред. и послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова.– М.: «Прогресс», 1986.– 432 с.
56. **Салмин А.М.** Идеюное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада. – М.: ИНИОН РАН, 1983.– 72 с.
57. **Сморгунов Л.В.** Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. – СПб.: «СПБУ», 1999.– 376 с.
58. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1 / Под ред. **Лебедева А.В.** – М.: «Наука», 1989. – 576 с.
59. **Хайек Ф. фон.** Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского, И. Пильщикова.– М.: «Новое издательство», 2005.– 262 с.
60. **Хакен Г.** Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.– 320 с.
61. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. – М.: «АСТ», 2003.– 603 с.
62. **Хелд Д.** Модели демократии. Третье издание / Дэвид Хелд; пер. с англ. М. Рудакова. – М.:Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.– 544 с.

63. **Цыганков А.П.** Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.:«Интерпракс», 1995.– 296 с.
64. **Шумпетер И.** Капитализм, социализм и демократия. Пер. с англ. /Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: «Экономика», 1995.– 540 с.
65. **Թորոսյան Տ.** Հասարակական համակարգի հետխորհրդային տրանսֆորմացիա, Երևան, «Գիտություն», 2006, 424 էջ:
66. **Լինց Խ., Ստեփան Ա.** Ժողովրդավարությանն անցնելու և ժողովրդավարության կայացման խնդիրները. Հարավային Եվրոպա, Հարավային Ամերիկա և հետկոմունիստական Եվրոպա, Երևան, 2011, 620 էջ:
67. **Հարությունյան Է.** Անցումային հասարակությունը որպես տրանսֆորմացիոն գործունեության համակարգ, Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2000, 270 էջ:
68. **Հարությունյան Մ.** Արդի հայ հասարակությունը և օտարված գիտակցության փիլիսոփայությունը, Երևան, «Նաիրի», 2014, 648 էջ:
69. **Մարգարյան Մ.** Քաղաքական լիդերություն. տեսություն և պրակտիկա, Երևան, ՀՀ ՊԿԱ, 2017, 312 էջ:
70. **Մարգարյան Մ.** Քաղաքական ընտրանին և ժողովրդավարական անցման հիմնախնդիրները Հայաստանի Հանրապետությունում, Երևան, «Պետական ծառայություն», 2006, 391 էջ:
71. **Մարգարյան Տ., Հակոբյան Ա.** ՔՀԿ-ների ներգրավվածությունը քաղաքականության մշակման և իրականացման մոնիթորինգի գործում. կարիքներ և կարողություններ (Հայաստան), Երևան, 2015, 63 էջ:
72. **Քեոյան Գ.** Քաղաքական կուսակցությունների տիպաբանությունը, Երևան, «Վան Արյան», 2002, 290 էջ:
73. **Քոթանջյան Հ.** Հայաստանի ազգային անվտանգության ռազմավարության մշակման ուղեցույցները տարածաշրջանային անվտանգության համատեքստում, Երևան, ՀՀ ՊՆ Դ. Կանայանի անվան ԱՌՀԻ, 2008, 604 էջ:
74. **Brogan, H.** Alexis de Tocqueville. A biography. London: Profile Books, 2006.– ix, 724 p.
75. **Brunius, T.** Alexis de Tocqueville. The Sociological Aesthetician. Upsala: Almquist & Wiksells, 1960. – 63 p.
76. **Cobban, A.** Aspects of the French revolution. London: Cape, 1968. – 328 p.
77. **Craiutu, A., Gellar S.** (Ed.). Conversations with Tocqueville: The Global Democratic Revolution in the 21st century. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2009.– 352 p.
78. **Craiutu, A., Jennings, J.** (Ed.). Tocqueville on America after 1840. Letters and other writings. Cambridge University Press. 2009.– 576 p.
79. **Cunningham, F.** Theories of democracy. Critical introduction. Routledge. London and New York, 2002.– 256 p.
80. **Dahl, R.** A preface to economic democracy. University of California Press, 1985. – 184 p.
81. **Danoff, B., Herbert, L.J. Jr.** (Ed.). Alexis de Tocqueville and the Art of Democratic Statesmanship. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2011. – 350 p.
82. **Drescher, S.** Dilemmas of democracy: Tocqueville and modernisation. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press. 1968. – 302 p.
83. **Dunn, J.** Setting the people free: the story of democracy. London: Atlantic Books, 2005.– 246 p.

84. Dalberg-Acton, J. *The History of Freedom and Other Essays* / Edited by **Figgis, J.N.** Macmillan and Co, Limited, St. Martin's str., London, 1907. – 692 p.
85. **Fukuyama, F.** *The End of the History and the Last Man.* New York: The Free Press, 1992. – 418 p.
86. **Gordon, C.** (Ed.). Foucault, M. *Power / Knowledge: Selected interviews and other writings 1972-1977.* New York: Pantheon books, 1980. – 288 p.
87. **Gregg, G. L. II.** *The Presidential Republic: Executive Representation and Deliberative Democracy.* Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Ltd., 1997. – xi, 243 p.
88. **Heuss, Th.** «Democracy and Parliamentarism: Their History, Their Enemies, and Their Future» (1928). Edited by A. Kaes, M. Jay, and E. Dimendberg, University of California Press, 1994. – xx, 806 p.
89. **Highley, J., Gunther, R.** (Ed.). *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe.* Cambridge University Press, 1992. – 372 p.
90. **Huntington, S.** *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman, University of Oklahoma Press, 1991. – 386 p.
91. **Kaledin, A.** *Tocqueville and his America: a darker horizon.* Yale University Press, 2011. – 440 p.
92. **Keyes, R.** *The Quote Verifier: Who Said What, Where, and When.* St. Martin's Press. 2006. – 416 p.
93. **Lee, H.** *Political Representation in the Later Middle Ages: Marsilius in Context.* New York: Lang, 2008. – xii, 218 p.
94. **Lijphart, A.** *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries,* Yale University Press. 1999. – 386 p.
95. **Michels, R.** *Political parties. A sociological study of the oligarchic tendencies of modern democracy* / Translated by Eden and Cedar Paul. Kitchener: Batoche Books, 2001. – 380 p.
96. **Nolla, E.** (Ed.). *Liberty, Equality, Democracy.* NYU Press, 1992. – 240 p.
97. **Pierson, G.** *Tocqueville in America.* The John Hopkins University Press. Baltimore, 1996. – 880 p.
98. **Putnam, R., Leonardi, R., Nonetti, R.** *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy.* Princeton University Press, 1994. – 280 p.
99. **Sakwa, R.** *Russian Politics and Society* / R. Sakwa. L.; N. Y.: Routledge, 2002. – 560 p.
100. **Sartori, G.** *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis.* ECPR Press, 2005. – 368 p.
101. **Schleifer, J.** *The Making of Tocqueville's Democracy in America.* Foreword by George W. Pierson (2nd edition). Indianapolis: Liberty Fund, 2000. – 387 p.
102. **Schmitt, C.** *The Crisis of Parliamentary Democracy* / Trans. by Ellen Kennedy, Cambridge, MA, 1985. – 184 p.
103. **Stone, J., Menzel, S.** (Ed.). *Alexis de Tocqueville on democracy, revolution and society. Selected writings.* The University of Chicago Press, 1980. – 402 p.
104. **Swedberg, P.** *Tocqueville's Political Economy.* Princeton University Press. 2009. – 352 p.
105. **Taylor, Ch.** *Philosophical arguments.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. – 336 p.

106. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. Prep. by **Huntington, S., Crozier, M., Watanuki, J.**, New York: N.Y. University Press. 1977. – 220 p.
107. **Villa, D.** Public Freedom. Princeton University Press, 2008. – 448 p.
108. **Wallerstein, I.** «Liberalism and Democracy: Fruges Enemies?». The end of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis & L., 1999. – 248 p.
109. **Zunz, O., Kahan, S.** The Tocqueville Reader: A Life in Letters and Politics. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2002. – 384 p.
110. **Chevillon, A., Strowski, F., Roy, F.** Alexis de Tocqueville et les EtatsUnis. Paris: Ed. France-Amerique, 1936. – 384 p.
111. **Girard, L.** Les liberaux français. 1814–1875. Paris: Aubier, 1985. – 277 p.
112. **Liniger-Goumaz, M.** La démocrature : Dictature camouflée, démocratie truquée. Paris: L'Harmattan, 1992. – 364 p.
113. **Manent, P.** Tocqueville et la nature de la démocratie. Paris: Fayard, 1993. – 189 p.
114. Alexis de Tocqueville: Journey to England and Ireland. Ed. by **Mayer, J.P.** New heaven: Yale University Press, 1958. – 250 p.
115. **Melonio, F.** Tocqueville et les Francais. Paris: Aubier, 1993.– 408 p.
116. **Nantet, J.** Tocqueville. Paris: Seghers, 1971. – 190 p.
117. Tocqueville, A. de. Œuvres Complètes, XVI: Mélanges / ed. **Fr. Mélonio.** Paris, 1989.– 712 p.
118. **Leca, A.** Lecture critique d'Alexis de Tocqueville. Aix-en-Provence, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1988. –829 p.
119. **Furet, F.** L'importance de Tocqueville aujourd'hui // L'actualité de Tocqueville. Caen: Centre de publications de l'Université de Caen, 1991. – 242 p.
120. **Barth, N.** Die Idee der Freiheit und der Demokratie bei Alexis de Tocqueville / Zürcher Diss./ Aarau: Keller, 1953.– 188 s.
121. **Goring, H.** Tocqueville und die Demokratie. München; Berlin; Oldenburg, 1928.– xviii, 222 s.

Научные статьи

122. **Ванеев О.Н.** Муниципальная демократия: к вопросу об участии граждан в местном (городском) самоуправлении // Журнал «Теория и практика общественного развития», 2010, No. 4 .С. 211-215.
123. **Васович В.** Переход к демократии в посткоммунистических странах // Вестник Моск. ун-та, 1998, Сер. 18, No. 2. С.19-48.
124. **Великая Н.М.** Проблемы консолидации общества и власти // Социс. 2005, No. 5. С. 60-71.
125. **Гельман В.** Постсоветские политические трансформации (Наброски и теории) // «Полис», 2002, No. 1. С. 15-29.
126. **Даймонд Л.** Прошла ли «третья волна» демократизации? // «Полис», 1999, No. 1.С. 11-25.
127. **Дементьев И.О.** «Столп дворянской идеологии» или «демократ-гуманист»: Алексис де Токвиль в советской историографии. Актуальные проблемы истории и

- историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время: мат-лы науч. конф. – СПб.: Изд-во ИГПИ, 2012. С. 94—103.
128. **Дементьев И.О.** Кто из героев русской литературы прочитал Алексиса де Токвиля? // Слово.Ру : Балтийский акцент, 2011, No. 1–2. С. 97-104.
129. **Дугин А.Г.** «Да! – демократии. Нет! – либерализму» // Журнал «Элементы», 1994, No. 5. С.1-7.
130. **Карл Т.Л., Шмиттер Ф.** Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Журнал «Полис», 2004, No. 4. С. 6-27.
131. **Кустова Л.П.** Концепция буржуазного общества в системе исторических взглядов Алексиса Токвиля // Методологические и историографические вопросы истории, Томск, 1983, Вып. 17. С. 129–146.
132. **Луцишин Г.** Национальная консолидация общества: теоретико-методологические проблемы исследования // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Etnograficzne, 2012, tom 40, s.35.
133. **Макаренко Б.И.** Консолидация демократии: «детские болезни» постсоветских государств // Полития, Зима 2002-2003. С. 4-18.
134. **Медушевский А.Н.** Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества // Общественные науки и современность, 2013, No. 3. С.44-56.
135. **Мельвиль А.Ю.** Демократические транзиты // А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А.И.Соловьева. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. С. 123-134.
136. **Мирумян К.А.** К вопросу о личных правах и свободах граждан в Афинской демократии // Ушрһи һршһһһһһһһ һ һһһһһһһһһһһһ һһһһһһһһһһһһ, Ер.: «Lһһһһһ», 2004. С. 78-93.
137. **Мирумян К.А., Ширханян С.С.** Американская демократия в политической концепции А. де Токвиля в контексте современности: критический аспект // Сборник статей по материалам VIII годичной научной конференции РАУ.–Ер.: Изд-во РАУ, 2014. С. 261-270.
138. **Мирумян К.А., Ширханян С.С.** Некоторые проблемы современной демократии // Сборник статей по материалам IX годичной научной конференции РАУ. – Ер.: Изд-во РАУ, 2015. С. 270-276.
139. **Мирумян Р.А.** Проблемы методологии. К вопросу о формировании традиции политического реализма (методологические аспекты) // Вестник РАУ, 2008, No. 1. С.10-38.
140. **Муфф Ш.** Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии / Пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС, 2004, No. 6 (45). С. 140-153.
141. **Паин Э.А.** Становление государственной независимости и национальная консолидация России: проблемы, тенденции, альтернативы // Журнал «Мир России», 1995, Том IV, No. 1. С.58-90.
142. **Ревякин А. В.** Французские династии. Бурбоны, Орлеаны, Бонапарты // Новая и новейшая история, 1992, No. 4. С.82-110.
143. **Сартори Дж.** Искажение концептов в сравнительной политологии // «Полис», 2003, No. 3-5. С.67-77.
144. **Степин В.С.** Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии, 1989, No. 10. С.3-18.

145. **Шенгеляя И.Ш.** Алексис де Токвиль как критик американской демократии // Вестник СевНТУ, 2012, Вып. 123/2011. Серия: Политология, Севастополь. С. 31-34.
146. **Ширханян С.С.** «Демократический транзит» и демократизация в контексте проблем национальной безопасности // Сборник статей по материалам международной научной конференции «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)». – Ер.: Изд-во РАУ, 2015. С. 166-172.
147. **Ширханян С.С.** Консолидация демократии и консолидация общества в Армении: наблюдения в контексте политической концепции А. де Токвиля // Научно-аналитический журнал «Регион и мир», 2017, Том VIII, No. 1. С. 5-14.
148. **Ширханян С.С.** Критические аспекты «Демократии в Америке»: принцип «золотой середины» в концепции А. де Токвиля // «КАНТЕХ» научные труды, 2017, No. 1 (70). С. 158-175.
149. **Ширханян С.С.** К вопросу о концептуализации демократии в современности: синергетический аспект // Вестник РАУ, 2016, No. 3 (24). С. 45-53.
150. **Ширханян С.С.** О «многомодельной» парадигме демократии // Сборник статей по материалам X годичной научной конференции РАУ. – Ер.: Изд-во РАУ, 2016. С. 257-267.
151. **Ширханян С.С.** Проблема соотношения свободы и равенства в политической теории А. де Токвиля // Известия СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Серия: Социология, Политология, 2016, Том 16, Вып. 4. С. 482-487.
152. **Шмиттер Ф.** Процесс демократического транзита и консолидации демократии // «Полис», 1999, No. 3. С. 30-34.
153. **Шмиттер Ф.** Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // «Полис», 1996. No. 5. С. 16-27.
154. **Արրահամյան Գ.** Անցումը միակուսակցական համակարգից բազմակուսակցության Հայաստանի Հանրապետությունում որպես ժողովրդավարության կարևոր գործոն (1991-2012 թթ.) // Պատմություն և մշակույթ, հայագիտական հանդես, 2013, էջ 2-10:
155. **Արրահամյան Հ.** Ժողովրդավարությունը և քաղաքական կուսակցությունները // «Լրաբեր», ԳԱԱ հրատարակչություն, 2006, No. 3, էջ 3-20:
156. **Թորոսյան Տ, Սուքիասյան Հ.** Հետխորհրդային տրանսֆորմացիայի երեք փուլերը, երեք խմբերը և երեք հարացույցները // Հայկական Քաղաքագիտական Հանդես, 2014, No. 1(1), էջ 20-34:
157. **Թորոսյան Տ.** Հասարակական գիտությունների և այդ ոլորտում բարձրագույն կրթության հիմնախնդիրների առանձնահատկություններն ու լուծման հնարավորությունները հետխորհրդային երկրներում // Հայկական Քաղաքագիտական Հանդես, 2014, No. 1(1), էջ 5-20:
158. **Հարությունյան Է.** Տրանսֆորմացիոն գործընթացների ազգային գործունեական առանձնահատկությունները (իրադրային վերլուծություն) // «Բանբեր Երևանի համալսարանի», 2000, No. 3 (102), էջ 3-15:
159. **Շիրիսանյան Ս.** ՀՀ ժողովրդավարացման՝ «Էլիտա-հասարակություն» փոխհարաբերությունների խնդիրն Ս. դը Տոկվիլի որոշ հայեցակարգային դրույթների համատեքստում // «Հանրային կառավարում» գիտական հանդես, 2017, No. 1, էջ 188-195:
160. **Մարգարյան Ա.** Ընդդիմադիր կուսակցությունների ձևավորման գործընթացը և երկրենտ քաղաքական համակարգի դրսևորումները Հայաստանում // «Բանբեր Երևանի

- համալսարանի. Միջազգային հարաբերություններ, Քաղաքագիտություն», 2015, No. 1 (16), էջ 68-76:
- 161.**Brilhante, A., Rocha, F.** Some remarks on John Stuart Mill's account of Tocqueville's concern with the masses in democratic societies // «Ethic@», Vol. 10, No. 1, 2011, pp. 43 – 63.
- 162.**Brown, N. J.** Egypt's Failed Transition // Journal of Democracy, Vol. 24, No.4, 2013, pp.45-58.
- 163.**Carothers, T.** The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy, Vol. 13, No. 1, 2002, pp. 1-20.
- 164.**Coppedge, M., Reinicke, W.** Measuring Polyarchy // Studies in Comparative International Development, Vol. 25, No. 1, 1990, pp. 51-72.
- 165.**Craiutu, A., Jennings, J.** The Third Democracy: Tocqueville's Views of America after 1840 // American Political Science Review, Vol. 98, No. 3, 2004, pp. 391- 404.
- 166.**Craiutu, A.** Tocqueville's Paradoxical Moderation // The Review of Politics, Vol. 67, No. 4, 2005, pp. 601-629.
- 167.**Dahl, R.** Development and democratic culture // Consolidating the third wave democracies: themes and perspectives, Vol 1, ed. by L. Diamond M.F. Plattner, Yun-Han Chu and Hung mao-Tien. The John Hopkins University Press: Baltimore and London, 1997, pp. 34-58.
- 168.**Diamond, L.** Thinking About Hybrid Regimes// Journal of Democracy, Vol. 13, No. 2, 2002, pp. 21-35.
- 169.**Drescher, S.** Tocqueville's Two Démocraties // Journal of the History of Ideas, Vol. 25 (April–June 1964), pp. 201–216.
- 170.**Eliaeson, S.** Between Ratio and Charisma. Max Weber's views on plebiscitary leadership Democracy // «Statsvetenskaplig Tidskrift», No. 4, 1991, pp 317-339.
- 171.**Foster, G.** Tocquevillian Associations and Democracy: A Critique // Aporia, Vol. 25, No. 1, 2015, pp. 21-32.
- 172.**Frye, Ch.** Carl Schmitt's Concept of the Political // The Journal of Politics, Vol. 28, No. 4, 1966, pp. 818-830.
- 173.**Furet, F.** The Intellectual Origins of Tocqueville's Thought // The Tocqueville Review, Vol. 7, 1985, pp. 117-129.
- 174.**George, W.H.** Montesquieu and de Tocqueville and corporative individualism // Amer, polit, science rev, Vol. 16, No. 1, 1922, pp. 10-21.
- 175.**Lom, P.** Alexis de Tocqueville: The Psychologist of Equality. EUI Working Paper SPS No. 99/1, 1999, pp. 1-35.
- 176.**Lukes, S.** Equality and Liberty: Must they Conflict? In D. Held (ed.), Political Theory Today. Cambridge: Polity Press, 1991, pp. 46-88.
- 177.**McFall, M.** The Fourth Wave of democracy and Dictatorship. Noncooperative Transition in the Postcommunism World // World Politics, Vol. 54, No. 2, 2002, pp. 212-244.
- 178.**Nisbet, R.** Many Tocquevilles // The American Scholar, Vol. 46, No. 1, 1977, pp. 59-75.
- 179.**Rubinstein, N.** Machiavelli and Florentine Republican Experience / Machiavelli and Republicanism, eds. G. Bock et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 3-16.
- 180.**Salomon, A.** Tocqueville's philosophy of freedom // Rev. of politics, Notre Dame, Vol. 1, No. 2, 1939, pp. 400-431;

181. **Sampson, S.** Too much civil society? Donor-driven NGOs in the Balkans. In L. Dhundale & E. A. Andersen (Eds.), *Revisiting the Role of Civil Society in the Promotion of Human Rights* Danish Institute for Human Rights, 2004, pp. 197 – 220.
182. **Schapiro, J.** Alexis de Tocqueville: Pioneer of democratic liberalism in France // *Polit. science quart.*, Vol. 57, No. 3, 1942, pp. 545-563.
183. **Shirkhanyan, S.** The controversy over the «Tocquevillian democracy»: considerations on the «third» volume of «Democracy in America» // «21-st century», No.1 (19), 2016, pp 110-116.
184. **Tessitore, A.** Alexis De Tocqueville on the Natural State of Religion in the Age of Democracy // *The Journal of Politics*, Vol. 64, No. 4, 2002, pp. 1137-1152.
185. **Tomz, M., Jessica, L.** Public Opinion and the Democratic Peace. *Weeks // American Political Science Review* 107, No. 3, 2013, pp. 849-865.
186. **Zaleski, P.** Tocqueville on civilian society: a romantic vision of the dichotomic structure of social reality // *Archiv für Begriffsgeschichte*, Vol. 50, 2008, pp 260-266.
187. **Zolo, D.** Book Review: *The Theory of Democracy Revisited* (by G. Sartori) // *Ethics*, Vol. 99, No. 2, 1989, pp. 431-433.
188. **Zuckerman, A.** The Concept «Political Elite»: Lessons from Mosca and Pareto // «*Journal of Politics*», No. 39, 1977, pp. 324-344.
189. **Aron, R.** *Idées politiques et vision historique de Tocqueville* // *Rev. franc, de sciences polit.*, Vol. 10, No. 4, 1960, pp. 509-526.

Электронные источники

190. **Веремчук Л.П.** Алексис де Токвиль о революции 1848-1849 гг. во Франции. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/295/image/295_111-118.pdf (дата обращения: 03.09.2015).
191. **Ильин М.В.** Смена поколений международных систем как фактор государственного строительства (эпоха Раннего Модерна). URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/eff312c20f3165125ec00806708091cf7a59e0e6.doc> (дата обращения: 16.09.2015).
192. Ежегодный отчет МВФ, 2016 г. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2016/eng/pdf/ar16_eng.pdf (дата обращения: 02.02.2017).
193. Официальный сайт Издательской службы правительства США. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/GPO-CONAN-1992/pdf/GPO-CONAN-1992-7.pdf> (дата обращения: 03.02.2017).
194. Официальная страница президента США **Д. Трампа** в социальной сети «Твиттер». URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/832708293516632065> (дата обращения: 19.02.2017).
195. **Третьяков В. Т.** Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина. URL: <http://rg.ru/2005/04/28/tretyakov.html> (дата обращения: 03.09.2016).
196. ԱՄՆ Միջազգային զարգացման գրասենյակի՝ «ՔՀԿ կայունության ցուցանիշ. Հայաստան, ՔԶՀ/ԱՄՆ ՄԶԳ», 2014, հունիս: URL: <http://www.cdpm.am/am/15/> (дата обращения: 13.11.2016).

197. Հայաստանի Հանրապետության տարածքային կառավարման և զարգացման նախարարության պաշտոնական կայքէջ : URL: <http://mta.gov.am/ru/news/item/2013/06/19/87/> (дата обращения: 21.09.2016).
198. «The New York Review of Books» Journal. URL: <http://www.nybooks.com/articles/archives/2001/may/17/tocquevilles-lesson/?pagination=false> (дата обращения: 03.04.2015).
199. **Audier, S.** Tocqueville: Is He Relevant Today? URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/0602-AUDIERS-UK-2.pdf> (дата обращения: 22.02.2017).
200. **Chamberlin, W.** The Prophet De Tocqueville. URL: http://www.mmisi.org/ma/10_01/chamberlin.pdf (дата обращения: 06.09.2016).
201. **Christine A., Corcos, A.** A Man for All Reasons: The Uses of Alexis de Tocqueville's Writing in U.S. Judicial Opinions. URL: http://digitalcommons.law.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1045&context=book_sections (дата обращения: 11.11.2015).
202. **Craiutu, A.** Tocqueville's New Science of Politics Revisited // «Liberty Matters» Online. URL: <http://oll.libertyfund.org/pages/tocqueville-s-new-science-of-politics> (дата обращения: 13.10.2015).
203. **Craiutu, A.** Tocqueville and the political thought of the French doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Remusat). URL: <http://www.indiana.edu/~tcqville/docs/CraiutuHPTarticleonTocquevilleandtheDoctrinaires1999.pdf> (дата обращения: 18.09.2016).
204. **Ferguson, N.** Overdoing democracy. URL: <http://www.nytimes.com/2003/04/13/books/overdoing-democracy.html?pagewanted=all> (дата обращения: 10.09.2015).
205. **Finkelman, P.** Scott V. Sandford: The Court's Most Dreadful Case and How It Changed History. URL: <http://scholarship.kentlaw.iit.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3570&context=cklawreview> (дата обращения: 04.04.2016).
206. **Hantington, S.** The West: Unique, not universal. Foreign Affairs magazine. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-11-01/west-unique-not-universal> (дата обращения: 06.07.2016).
207. **Kazam, A.** Tocquevillean Polity?: The Mixed Regime in Tocqueville's Democracy in America. URL: <http://www.gov.harvard.edu/files/Theory%20thesis%202.pdf> (дата обращения: 09.09.2016).
208. **Macfarlane, A.** Alexis de Tocqueville and the making of the modern world. URL: http://www.alanmacfarlane.com/TEXTS/Tocqueville_final.pdf (дата обращения: 11.12.2015).
209. **Medvedev, D.** Building Russian-U.S. Bonds // Washington Post. 2009. March, 31. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/30/AR2009033002443.html> (дата обращения: 13.09.2016).
210. **Michels, M.** When Democracies Fight: Tocqueville on the Democratic Peace. URL: http://digitalcommons.sacredheart.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1021&context=gov_fac (дата обращения: 25.09.2016).

211. **Przeworski, A.** Some Problems in the Study of the Transition to Democracy. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/przeworski%20num%2061.pdf> (дата обращения: 16.06.2016).
212. **Schwindt, D.** Refuting Tocqueville by Way of Tocqueville. URL: <https://ethikapolitika.org/2014/01/06/refuting-tocqueville-way-tocqueville/> (дата обращения: 16.10.2016).
213. Tocqueville's «Democracy in America». Interview with **Michael Kammen**. URL: <http://www.c-span.org/video/?100768-1/tocqueville-discussion> (дата обращения: 10.09.2015).
214. **Valenzuela, S.** Democratic consolidation in post-transitional settings: notion, process and facilitating conditions. URL: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/150.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).
215. **Smyth, A.** (Ed.). The writings of Benjamin Franklin, Vol. X. URL: <http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Franklin%2C%20Benjamin%2C%201706-1790> (дата обращения: 03.03.2016).